

АНТИНОМИИ

yearbook.uran.ru/
ifp.uran.ru/ezh/about/

2020

Том 20
Выпуск 3

Олег Матвейчев

Истоки культа Аполлона
и первопоэт Олен

Петр Кондрашов

Карл Маркс
о родовой сущности человека

Мирильяс Агаев

Авторитарные тенденции в Турции
и радикализация правящей
Партии справедливости и развития

Леван Чихладзе,
Олег Болдырев

Местное самоуправление
в правовых позициях
Конституционного Суда РФ
и его судей в контексте
конституционной реформы-2020

Дарья Кокотова

Критерии отграничения новой
диссертации от прежней работы,
право защиты которой соискатель
утратил (вариант нормативного
закрепления)

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

АНТИНОМИИ

Том 20

Выпуск 3

Екатеринбург – 2020

Главный редактор

Виктор РУДЕНКО, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), академик РАН, д-р юрид. наук, проф.

Редакционная коллегия

Философия:

Хоакин Х. АЛАРКОН, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, зав. кафедрой философии и политологии Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Шон САЙЕРС**, почетный проф. философии Кентского университета (Кент, Великобритания); **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, проф. Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Ань ЦИНЬНЬ**, проф. философии Народного университета Китая (Пекин, КНР).

Политическая наука:

Ольга МАЛИНОВА, проф. МГИМО-Университета, (Москва, Россия) д-р филос. наук, проф.; **Виктор МАРТЯНОВ**, врио директора Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. полит. наук, доц.; **Петр ПАНОВ**, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Юрий ПИВОВАРОВ**, научный руководитель ИНИОН РАН (Москва, Россия), академик РАН, д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция).

Право:

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ – Высшая школа экономики (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, проф. Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Павел КРАШЕНИННИКОВ**, председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д. юрид. наук, проф.; **Валентина РУДЕНКО**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук; **Арmando СЕРОЛО ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания) д-р права, д-р полит. наук; **Наталья ФИЛИППОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), «КиберЛенинку», базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI), а также входит в международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS).

Учредитель и издатель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Журнал издается с 1999 года. В 1999–2018 годы выходил под названием «Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук». С 2019 года журнал издается под названием «Антиномии». Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России». Т. 1. «Газеты и журналы» 43669.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-75331 от 05 апреля 2019 г.

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Адрес учредителя, издателя и редакции: 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>

Статьи распространяются на основе публичной лицензии Creative Commons

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

ANTINOMIES

Volume 20

Issue 3

Yekaterinburg 2020

Editor-in-Chief

Viktor RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

Editorial Board

Philosophy

Joaquin H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain); **Vladimir DIYEV** – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); **Yuri ERSHOV** – Ural Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Yekaterinburg, Russia); **Vladislav LEKTORSKY** – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Mikhail MALYSHEV** – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **Sean SAYERS** – University of Kent (Kent, Great Britain); **Elena STEPANOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Elena TRUBINA** – Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); **An QINIAN** – Renmin University of China (Beijing, China).

Political Science

Olga MALINOVA – MGIMO University (Moscow, Russia); **Viktor MARTYANOV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Petr PANOV** – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Yuri PIVOVAROV** – Institute of Scientific Information on Social Sciences, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Olga POPOVA** – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); **Sergey POCELUEV** – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); **Thomas REMINGTON** – Emory University (Atlanta, USA); **Cameron ROSS** – University of Dundee (Dundee, UK); **Olga RUSAKOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Richard SAKWA** – University of Kent (Kent, UK); **Saskia SASSEN** – Columbia University (New York, USA); **Carole SIGMAN** – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France).

Law

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV** – Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail KAZANTSEV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Sergey KODAN** – Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia); **Alexander KOKOTOV** – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia); **Pavel KRASHENINNIKOV** – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Valentina RUDENKO** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Armando ZEROLO DURAN** – University of San Pablo (San Pablo, Spain); **Natalia FILIPOVA** – Surgut State University (Surgut, Russia).

Since 2011, the journal is included into the List of leading research journals for publication of scientific results of doctorate theses. It is indexed and referenced in RSCI, Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS); it is included to the RSCI database on the Web of Science platform.

Founder and Publisher:

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

The journal is published since 1999. In 1999–2018 it was published under the title "Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". Since 2019, the journal is published under the title "Antinomies". Subscription index in the United catalog "Press of Russia". Vol. 1. "Newspapers and Journals" 43669.

Registered as the periodical journal by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications.

(The Certificate of Registration ПИ № ФС77-75331, April 05, 2019)

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Contacts: S. Kovalevskaya st., 16, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Tel/fax: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Web-site: <http://yearbook.uran.ru>

The articles are distributed under a Creative Commons public license

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ФИЛОСОФИЯ

Матвейчев О.А. Истоки культа Аполлона и первопоэт Олен 7

Кондрашов П.Н. Карл Маркс о родовой сущности человека.....22

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

Агаев М.А. Авторитарные тенденции в Турции
и радикализация правящей Партии справедливости и развития 49

ПРАВО

Чихладзе Л.Т., Болдырев О.Ю. Местное самоуправление
в правовых позициях Конституционного Суда РФ и его судей
в контексте конституционной реформы-2020 71

Кокотова Д.А. Критерии отграничения новой диссертации
от прежней работы, право защиты которой
соискатель утратил (вариант нормативного закрепления) 88

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

- O. Matveychev.* The Origins of Apollo Cult and the Poet Olen 7
P. Kondrashov. Karl Marx on species essence of a human being.....22

POLITICAL SCIENCE

- M. Agaev.* Authoritarian tendencies in Turkey and the radicalization
of the ruling Justice and Development Party 49

LAW

- L. Chikhladze, O. Boldyrev.* Local self-government in legal positions
of the Constitutional Court of the Russian Federation
and its judges in the context of Constitutional reform 2020 71
D. Kokotova. Differentiation criteria of new dissertation
from the same dissertation which cannot be defended
repeatedly (the variant of normative regulation) 88

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Матвейчев О.А. Истоки культа Аполлона и первопоэт Олен. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10301 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 7–21.

УДК 1(091):255:256

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10301

Истоки культа Аполлона и первопоэт Олен

Олег Анатольевич Матвейчев

кандидат философских наук, профессор
Финансового университета при Правительстве РФ,
г. Москва, Россия.

E-mail: matveyol@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4568-2650

ResearcherID: G-3499-2016

ScopusID: 57201478735

SPIN-код: 4248-7216

*Статья поступила 24.01.2020, принята к печати 06.04.2020,
доступна online 05.10.2020*

Цель настоящей статьи – возвращение в научный оборот наследия ликийского поэта Олена, игнорируемого, в силу скудости информации, большинством исследователей античной культуры, и помещение его в широкий контекст дискуссий о происхождении культа Аполлона. В статье анализируются разнообразные взгляды на генезис и эволюцию аполлоновского культа, в том числе малоазийская, фракийская, дорическая и «нордическая» гипотезы, приведены данные, свидетельствующие об «инородности» Аполлона по отношению к олимпийскому пантеону, а также о связи его образа с легендарной страной Гипербореей. Стремительность, с которой культ Аполлона распространялся по греческому миру, позволяет предположить, что это происходило не спонтанно, но благодаря чьим-то сознательным и

© Матвейчев О.А., 2020

планомерным усилиям. Одним из «агентов влияния» могущественного северного бога мог быть Олен, согласно легенде основавший Дельфийское прорицалище и первым начавший произносить свои пророчества в гекзаметрах, выступив, таким образом, первопоэтом, изобретшим саму форму поэзии. Являясь одновременно и поэтом, и прорицателем, Олен представлял собой пример древнего мантиса, «ведуна», причастного божественным истинам и дающего вещам их имена. (Следует подчеркнуть, что и сам Аполлон обладает ярко выраженными чертами «ведуна», будучи богом-музыкантом, врачомателем, вдохновителем поэтов, предсказателем будущего.) Вопреки расхожему мнению о пророчествовании мантисов исключительно в состоянии, близком к безумию, автор указывает, что прорицание – это особый интенсивный мыслительный процесс. Реабилитация прорицательства в качестве интеллектуального феномена повышает его вес в истории греческой мысли. Мантическую же поэзию следует рассматривать как один из источников философии, генезис которой представляется более многоплановым феноменом, чем описываемое формулой В. Нестле движение «от мифа к логосу». Учитывая многокомпонентность культа Аполлона, в котором прослеживаются и северные, и крито-микенские, и малоазийские, и дорические корни, автор утверждает, что Олен исповедовал культ лишь одной «ипостаси» лучезарного бога – гиперборейской (вероятнее всего, изначальной), с которой со временем соединятся в единый образ все прочие компоненты культа.

Ключевые слова: история философии, древнегреческая религия, мифология, поэзия, шаманизм, Древняя Греция, Гиперборея, Дельфы, Делос, Аполлон, Олен.

Греческая религия не есть нечто синкретичное и раз и навсегда появившееся в готовом виде – на манер Афины Паллады, родившейся из головы Зевса сразу половозрелой и в полной боевой экипировке. Она представляет собой конгломерат множества культов разного происхождения – как по месту, так и по времени, причем каждый культ формировался столетиями, вбирая в себя верования разных эпох и народов. Та же Афина была известна в греческих землях еще до индоевропейского вторжения – ее имя относят к догреческому субстрату, а образ этой богини со змеями, распространенный в микенский период, напоминает о древнем зооморфическом прошлом девы-воительницы.

В кносских и пилосских табличках упоминается и Гермес, также очень древний бог: его образные определения непонятны уже грекам гомеровской эпохи. Имя его, однако, – явно индоевропейского происхождения (переводится оно как «относящийся к куче камней»); каменные груды с древнейших времен служили местом культа).

Культ Аполлона занимает в греческой религии особое место. Аполлон – один из наиболее почитаемых богов античности, самый значительный в пантеоне после Зевса. Ему посвящены важнейшие храмы и статуи, в его честь называли детей (теофорные имена Апеллес, Аполлоний, Аполлотор и т.п. были весьма распространены по всей Элладе) и города (уже в VI в. до н.э. в средиземноморском бассейне существовали Аполлонии Иллирийская, Понтийская, Киренская и др.; далее их количество росло; только на одном маленьком Крите их насчитывалось пять). Делос и Дельфы – два общегреческих центра аполлоновского культа – регулярно принимали посольства из всех уголков ойкумены.

Однако, несмотря на свою исключительную значимость, Аполлон – бог в олимпийском пантеоне достаточно новый. Имя Аполлона не фигурирует в крито-микенских текстах, распространение его культа в Элладе началось в «темные века» и охватило к началу VII в. до н.э. весь греческий мир (Буркерт 2004: 246). Процесс этот был по историческим меркам весьма стремительным, и вполне можно предположить, что распространялся он не спонтанно, а благодаря чьим-то специальным усилиям. Этот культ явно кто-то нес.

Но кто? И откуда?

О происхождении культа Аполлона до сих пор идут дискуссии. По наиболее влиятельной в XX в. гипотезе, греки заимствовали культ Аполлона из Малой Азии. Одним из авторов этой гипотезы и наиболее последовательным ее приверженцем был У. фон Виламовиц-Мёллендорф, выдвинувший в пользу своей позиции, например, такие аргументы: 1) гомеровский Аполлон враждебен грекам и помогает троянцам, имея в их цитадели даже собственный дом; 2) его эпитет «Летоид» – единственный матроним на Олимпе; собственно говоря, называть мужчин по имени матери у греков не принято, зато это характерно для малоазиатской Ликии; 3) у Гомера Аполлон еще не является покровителем муз и не связан с прорицаниями и вообще с Дельфами (эти функции у него обозначатся позже) (Wilamowitz-Moellendorff 1908: 27–45).

Австрийский филолог П. Кречмер обнаружил доказательства восточной гипотезы в архивах Хеттского царства, открытие которых в начале XX в. стало одной из величайших научных сенсаций. Благодаря титанической работе профессора Бедржиха Грозного по дешифровке клинописных табличек, найденных в Богазкёе, удалось установить, что Хеттская империя имела тесные связи не только с Египтом, Вавилоном, Ассирией, но и с неким царством *Аххиява*, в котором была опознана микенская Греция, а также *Вилусой*; в ней Кречмер узнал гомеровский (догреческий) Илион (Kretschmer 1924). Один из хеттских документов начала XIII в. до н.э. представлял собой договор о дружбе и взаимопомощи между царем Муваталли и правителем Вилусы Алаксандусом. Заключая договор, владыки поклялись своими самыми священными богами – соответственно Каскалом Куром и Апалиунасом. По мнению Кречмера, Алаксандус – не кто иной, как троянский принц Александр (Парис), а Апалиунас – прообраз греческого Аполлона.

К этому выводу склонялся и шведский филолог М. Нильссон, видевший в созвучии имен хеттского Апулунаса (Апалиунаса) и греческого Аполлона, но более даже – в сходстве их функций (оба являлись богами ворот) «неоспоримое доказательство восточного происхождения Аполлона, предположение о котором часто возникало, но яростно опровергалось» (Нильссон 1998: 109).

Сторонники восточной гипотезы обращают внимание также и на тот факт, что в гомеровской «Илиаде» Аполлон выступает как покровитель Париса и защитник троянцев¹. А согласно киклической поэме «Эфиопида», именно Феб направил стрелу троянского принца в пятю Ахилла.

Вообще Аполлон Гомера мало походит на свой классический образ. Это грозный бог, несущий смерть и страдания. Вероятно, именно таким был азиатский предшественник Аполлона, пока не превратился в бога чистоты, ясности, меры, порядка. Невоздержанный, гневливый каратель-стреловец не имел шансов попасть в пантеон олимпийцев в своем исконном облике. «Между этим пугающим образом и богом дельфийских пророчеств, – пишет В. Отто, – такое огромное расстояние, какое могло возникнуть лишь в результате решительной религиозной реформы» (Отто 2019: 86).

На малоазийское происхождение Аполлона может указывать наличие у него эпитета «Ликийский». В «Илиаде» он используется в отношении лучезарного бога дважды (II. IV 101, 119).

Существует несколько трактовок этого эпитета. У. Лиф, Дж. Кирк, Дж. Томсон, например, считали, что *Λυκηγενής* восходит к *λύκος* (волк) и должно переводиться как «рожденный волчицей». По другой версии, *Λυκηγενής* нужно интерпретировать как «светорожденный», на чем настаивает, в частности, Ричмонд Латтимор. «Связь между светом и Аполлоном, конечно, существует, – замечает по этому поводу А. Н. Горожанова, – но божество скорее является источником света, а не его продуктом» (Горожанова 2004: 345).

Наиболее надежной представляется, однако, версия, связывающая Аполлона с малоазийской Ликией. Этой версии придерживались П. Кречмер, У. Виламовиц (с известными оговорками), М. Нильссон, В. Отто, А. Кин, а также А.Ф. Лосев, Л.А. Гиндин, В.Л. Цымбурский и др.² Именно в Ликию, согласно схолиасту к «Илиаде», бежала от гнева Геры богиня Лето, где и родила Артемиду и Аполлона (Schol. ad II. IV 101). Ту же историю излагают Овидий (Ov. Met. VI 316-338) и Антонин Либерал (Met. 35). Связь между Аполлоном и Ликией отражена у Пиндара, в «гомеровских» гимнах, у Эсхила, Софокла, Еврипида.

Гипотеза о малоазийском происхождении Аполлона – хотя и доминирующая, но далеко не единственная.

Еще в первой половине XIX в. К.О. Мюллер настаивал на дорийском происхождении культа Аполлона. Исконно греческим объявили этот культ

¹ Российская исследовательница А.Н. Горожанова приводит список деяний Аполлона на благо Трои: «Бог сеет болезни в стане Агамемнона (II. I, 43-53), дает Пандару лук для войны с ахейцами (II. II, 827) и получает от Зевса эгиду для их устрашения (II. XV, 221-230, 307-311), побуждает троянцев к бою (II. II, 507-514), наводит ужас на осаждающих (II. XV, 326-330), оглушает сзади Патрокла (II. XVI, 789-795, 849), обманывает Ахилла под видом Агенора (II. XII, 17-33), чинит препятствия Диомеду на состязаниях (II. XXIII, 382-389). В то же время, Феб спасает Энея от Диомеда (II. V, 343 и сл.), благоволит к троянцам (II. VII, 20 и сл.; X, 515-519), исцеляет Гектора и направляет его в бой (II. XV, 242-262), исцеляет Главка (II. XVI, 508-529), выносит тело Сарпедона и делает его нетленным (II. XVI, 667-683), помогает Гектору (II. XVI, 715-726, 843-846), спасает его от Ахилла (II. XX, 443-454), заботится о Трое в целом (II. XXI, 515-517)» (Горожанова 2004: 343-344).

² О дискуссии относительно происхождения эпитета «Ликийский» см.: (Горожанова 2004).

такие ученые, как О. Керн, Дж. Скотт и др., вступившие, таким образом, в полемику с Вилламовицем. Через полвека, во второй половине XX в., их версия была поддержана авторитетнейшим швейцарским исследователем В. Буркертом. Обнаруживая в предыстории почитания Аполлона три компонента: дорийско-северо-западный, крито-минойский и сирийско-хеттский, важнейшим из них он определил дорийский (Буркерт 2004: 247).

В начале 1940-х годов американский религиовед Александр Краппе выдвинул версию о нордическом происхождении Аполлона, проведя ряд параллелей между образом этого бога и религиозными представлениями жителей Северной Европы (Krappe 1942). Обращаясь к этимологии имени Аполлона, российский лингвист Ю.В. Откупщиков связывает происхождение аполлонического культа с гиперборейями, имеющими, как он полагает, фракийское происхождение (Откупщиков 1998).

«Аполлон нордический» мог выступать как один из прототипов Феба-олимпийца – наряду с ликийским и, возможно, какими-либо другими, если верна гипотеза о «сборном» характере образа Аполлона. «По всей видимости, – пишет ирландский филолог Э. Доддс, – греки, слыша о нем от миссионеров вроде Абарида, отождествили его со своим Аполлоном (возможно, из-за сходства имен, если Краппе прав, предполагая, что этот бог – властитель Абала, “яблочного острова”, средневекового Авалона) и узаконили его подлинность, выделив ему место в легендарном храме Делоса» (Доддс 2000: 238).

Северный вектор в изучении эволюции культа Аполлона обозначился совсем не случайно. С глубокой древности образ серебролукого бога связывался с легендарной Гипербореей, далекой страной «по ту сторону северного ветра»¹.

Именно здесь родилась, согласно преданиям, богиня Лето, дочь титана Кея и Фебы. Зевс овладел ею, обратившись перепелом. Спасаясь от преследований обезумевшей от ревности Геры, Лето приняла облик волчицы и, проделав двенадцатидневный путь от Гипербореи до острова Делос, разрешилась там от бремени, родив божественных близнецов – Артемиду и Аполлона (Arist. Hist. anim. VI 35; Ael. De nat. anim. X 26). Помощь в родах оказала ей богиня-родовспомогательница Илифия, специально для этого прибывшая из той же Гипербореи (Pausan. I 18, 5).

Из Гипербореи явился в Дельфы и сам Аполлон. Согласно Алкману, сразу после рождения юного бога Зевс оснастил его золотой лирой и запряженной лебедями колесницей и направил в Дельфы и к среброводному Кастальскому источнику, повелев вещать оттуда «правду и правосудие всем элинам». Вопреки воле отца тот, однако, немедленно отправился в Гиперборею и прорицал там целый год, прежде чем решил, что пора бы уже и «зазвучать дельфийским треножником» (Himer. Orat. XIV, 10. Цит. по: Лосев 1957: 407-408).

Именно в Дельфах сформировалось представление о Гиперборее как о благословенном крае, где люди не ведают невзгод и живут счастливой,

¹ Развитие представлений о Гиперборее и эволюция этого концепта от античности до наших дней прослеживается в книге: (Беляков, Матвейчев 2019b).

полной жизнью (т.н. *дельфийская версия* гиперборейского мифа, если использовать терминологию Аристиды Доватура). Древнейшая среди прочих, дельфийская версия «создала представление о гипербореях как о счастливом и святом народе, наделенном всеми мыслимыми добродетелями и идеальными качествами, проводящем веселую и беззаботную жизнь, не требующую трудов» (Доватур, Каллистов, Шишова 1982: 265-266).

Превосходство гиперборейской цивилизации над греческой считалось почти неоспоримым фактом. А гипербореев греки полагали сказочными «небожителями», обладающими сверхъестественными способностями (таков тот же «воздухошествующий» Абарис¹), или как минимум культурными героями, принесшими в Элладу важнейшие знания и компетенции.

Одним из таких культурных героев был легендарный поэт Олен. Сведения о нем сохранились лишь у трех античных авторов – Геродота, Каллимаха и Павсания.

Геродот повествует о поэтическом наследии Олена, в т.ч. о гимне, сочиненном им в честь уроженок Гипербореи Арги и Опис (Опиде), в давние времена прибывших на Делос с дарами для Илифии, причем в компании своих богов – Аполлона и Артемиды (Hdt. IV, 35). Этот гимн делосцы и ионяне пели веками, собирая для гиперборейских дев священные дары. Кроме того, Олену принадлежат и другие древние гимны, также дошедшие до времен Геродота, – какие именно, галикарнаец не говорит, зато он отдельно уточняет, что на Делос Олен пришел из Ликийи (Hdt. IV, 35)².

На тот же факт указывает и Каллимах, воспевая Астерию (она же остров Делос):

*Ты фимиамом всегда, Астерия, дышишь, окрест же
Словно бы хоровод ведут острова круговидный.
О, тебя-то вовеки без кликов, без плясок не узрит
Геспер кудрявый, взойдя, ты всегда оглашаема звоном.
Тот напев, что от Ксанфа принес Олен боговещий,
Между тем как плясуньи стопами прах ударяют³.*

Ксанф, напомним на всякий случай, – крупнейший город Ликийи, а Геспер – вечерняя звезда, т.е. планета Венера.

¹ Об Абарисе см.: (Матвейчев 2016).

² «По рассказам делосцев, еще раньше Лаодики и Гиперохи из страны гипербореев мимо тех же народов прибыли на Делос две молодые женщины – Арга и Опис. Они несли Илифии священные дары, обещанные за быстрые и легкие роды. Как передают, Арга и Опис прибыли из гиперборейской страны вместе с самими божествами [Аполлоном и Артемидой], и делосцы им также воздают почести. В их честь делосские женщины собирают дары. В гимне, сочиненном ликийцем Оленом, женщины призывают их поименно. От делосцев переняли этот обычай жители других островов и ионяне: они также поют гимн, призывая Опис и Аргу, и собирают им священные дары. Этот Олен пришел на Делос из Ликийи и сочинил также и другие древние гимны, которые поются на Делосе. Пепел от бедер жертвенных животных, сожженных на алтаре, они рассыпают на могиле Опис и Арги. Могила же их находится за святилищем Артемиды на восточной стороне в непосредственной близости от зала для пиров кеосцев» (Геродот 1972: 195-196).

³ (Callim. Hymn. IV 300-306. Цит. по: Каллимах 1988: 163).

Ликийцем считает Олена и Павсаний (Pausan. V 7, 4), приводя, впрочем, также и мнение дельфийской пифии Бойо, которая называла Олена в числе гиперборейцев, прибывших в Дельфы и основавших там Дельфийское прорицалище (Pausan. X 5, 7). Анатолиец цитирует стихи пророчицы:

*Так многославное тут основали святилище богу
Дети гипербореев, Пагас со святым Агийеем. ...
Так же Олен: он первым пророком был вещего Феба,
Первый, песни который составил из древних напевов¹.*

К Олену же, как пишет Павсаний, восходят и первые сведения о гиперборейцах – ликиец упомянул их в гимне к Ахейе (V 7, 8), также прибывшей на остров Делос из страны, что за северным ветром.

Но к какому же все-таки народу принадлежал сам поэт?

Разночтения в определении родины Олена не будут смущать, если мы учтем трудности, возникавшие у греков при локализации Гипербореи. Наиболее известна «скифско-уральская» версия Геродота, описавшего экспедицию Аристея Проконнесского к землям гиперборейцев. Ее маршрут лежал через Северное Причерноморье, земли киммерийцев и скифов, затем через владения исседонов, аримаспов, грифов – до берегов северного моря (Hdt. IV 13)². К северу от Скифии, за Рифейскими горами, где по полгода длятся день и ночь, помещает эту страну Плиний Старший (Plin. Hist. IV 89), следуя за Геллаником (Hellanic. Frag. 96 = Clem. Strom., I 72, 1) и Помпонием Мелой (Mela. I 12-13; III 36). Гекатей Абдерский также утверждал, что Гиперборея находится на севере, но только значительно западнее – «напротив Кельтики на океане», на острове «не меньше Сицилии» (Diod. Sic. II 47).

Однако имели место и иные версии. Так, Псевдо-Аполлдор был склонен дислоцировать Гиперборею на крайнем Западе, «у Атланта» (Apolloclod. II 5, 11), Посидоний – около Альпийских гор Италии (Schol. Apoll. Rhod. II 675); Пифей – около Геркинских Альп к северу от Дуная (Strab. VII 3, 1); Симмий Родосский – близ Вавилона (Frg. 2. Ant. Lib. XX). По предположению А.Ф. Лосева, «Ликия... тоже расценивалась как страна гиперборейцев, поскольку известный пророк и певец Аполлона Олен настолько же упорно считается гиперборейцем, насколько и ликийцем» (Лосев 1957: 416).

Нужно заметить, что сообщение Бойо идет вразрез с устоявшимся представлением древних о Фемонее, дочери Аполлона (Plin. Hist. X 3, 2), как первой жрице – заместительнице бога в Дельфах и изобретательнице сакральной гекзаметрической поэзии (Hesiod. Frg. 327 M.-W.; Strab. IX 3, 5; Pausan. X 5, 7).

Павсаний обращает особое внимание на то, что, по мнению Бойо, Олен был не только первым пророком Аполлона, но и единственным в истории дельфийским оракулом-мужчиной: «Кроме него одного, ни о ком не сохранилось памяти как о слугителе бога, но всегда говорили только о женщинах-пророчицах».

¹ (Pausan. X 5, 8. Цит. по: Павсаний 1996b: 331).

² О том, как отобразилась экспедиция Аристея в древнегреческой литературе см.: (Матвейчев 2017).

По словам Бойо, именно Олен начал первым произносить свои пророчества в гекзаметрах. Таким образом, он выступил первопоэтом, учредившим в греческом мире саму форму поэзии.

Павсаний представляет Олена как предшественника Памфа и Орфея (Pausan. IX 27, 1), считавшихся древнейшими поэтами Греции. Согласно Суде (DK 1 A 1), Орфей родился за 11 поколений до Троянской войны, то есть приблизительно на рубеже XV–XIV вв. до н.э. Олен старше Орфея, и, таким образом, время его жизни приходится на XV в. до н.э., период микенской цивилизации, еще не знавшей культа Аполлона.

Если же принять во внимание сообщение Гелланика, что Орфей жил десятью поколениями ранее Гесиода (Procl. ad Hes. Op. 631 = DK 1 A 5), то получается, что Олен жил не позднее X в. до н.э., вероятнее всего в период «темных веков». Эта версия кажется менее фантастической, однако в таком случае Олен не мог бы считаться учредителем гекзаметра, существовавшего уже в микенскую эпоху (Зайцев 1994: 64, 145 etc).

Сведения о времени жизни Олена, как мы видим, противоречивы. С достоверностью можно утверждать лишь то, что жил он задолго до Гомера.

Согласно Павсанию, Олен написал для эллинов самые древние гимны – к упомянутым Ахейе, Арге и Опиде, а также к Гере (II 13, 3) и к Илифии (I 18, 5), где он называл ее матерью Эрота (IX 27, 2), характеризовал ее «прекрасноткущей, явно уподобляя ее богине Судьбы», и утверждал, что она была старше Кроноса¹ (VIII 21, 3-4. Цит. по: Павсаний 1996b: 204).

Указание на столь почтенный возраст гиперборейки Илифии может служить отражением ее более древнего происхождения, чем боги греческого пантеона. Еще М. Нильссон предположил, что имя Илифии имеет догреческое происхождение, а сама она выступает одной из «ипостасей» некоей минойской богини природы (Nilsson 1927: 67, 449). И в наши дни многие ученые настаивают на догреческом происхождении этого имени. В их числе – автор влиятельного этимологического словаря древнегреческого языка нидерландский лингвист Р. Бекес (Beekes 2010: 383).

Номенклатура найденных в наиболее известном святилище Илифии, т.н. Амнисской пещере на о. Крит, артефактов различных эпох – от неолита до позднеримского периода – демонстрирует не только исключительную древность культа богини-родовспомогательницы, но и его чрезвычайно продолжительную историю (Nilsson 1927: 67; Буркерт 2004: 48). Этот культовый объект *без перерывов* функционировал с III тыс. до н.э. по V в. н.э.!

Аполлон, как и Илифия, – продукт негреческой культуры, хотя истоки его культа и география происхождения, вероятнее всего, иные. Златокудрий бог «выглядел в олимпийском пантеоне “инородцем”, тем более что с ним традиционно ассоциировались негреческие, непонятные и недоступные эллинам мудрость и магические способности чужеземцев» (Беляков, Матвейчев 2019а: 24).

Весьма показательно, что Олена считали и первым пророком Аполлона, и изобретателем гекзаметрической поэзии. «Таким образом, – пи-

¹ Здесь также налицо расхождение с традицией, согласно которой Илифия являлась дочерью Зевса и Геры (Hesiod. Theog. 922; Apollod. I 3, 1).

шет американский антиковед Тодд Комптон, – в самом начале Дельфийской традиции поэзия и пророчество эксплицитно связаны между собой» (Compton 2006).

Искусство прорицания и поэзия выступали в единстве с древнейших времен. По многочисленным античным свидетельствам, в стихах возвещали свои предсказания и Пифия, и другие оракулы. Сама стихотворная форма возвышала пророчество над обыденным словом. «Гекзаметр, формульные выражения, намеки-метафоры, сходные мотивы – все это было свойственно и языку мантиса, и языку поэта, все это было тем, что отличало их речь от речи обычных людей» (Приходько 1999: 131).

Распространено мнение, что жрецы-прорицатели пророчествовали исключительно в экстазе, близком к помешательству (широко известна, например, легенда о Пифии, якобы вещавшей в состоянии безумия, вызванном ядовитыми испарениями из трещины в скале¹). Между тем в античных источниках надежных доказательств этому нет, и многие современные ученые с уверенностью заявляют, что боговдохновение пророков никогда не сопровождалось приступами сумасшествия (Фонтенроуз 1999).

Казалось бы, на прямую связь прорицательства и безумия прозрачно намекает родство слов *μάντις* (пророк) и *μαίνομαι* (быть в исступлении, бешоваться). Однако, как указывает российская исследовательница Е.В. Приходько, «индоевропейский корень *men-, к которому восходят оба эти слова, не имел непосредственной связи с неистовым безумием, сохраняя за собой более общее и нейтральное значение “думать”, “быть умственно возбужденным”. <...> Таким образом, то, что древние эллины называли своих пророков мантисами, говорит вовсе не о неистовом экстазе пророка во время прорицания, но лишь об особом интенсивном мыслительном процессе» (Приходько 1999: 96).

Реабилитация прорицательства в качестве интеллектуального феномена повышает его вес в истории греческой мысли. Мантическая поэзия вполне может рассматриваться как один из источников философии, генезис которой представляется более многоплановым явлением, чем описываемое формулой В. Нестле движение «от мифа к логосу».

И в период поздней архаики философия не утратит своей функции возглашения божественных истин. Ионийский мыслитель Гераклит – ярчайший пример философа-пророка, который и сам представлял свое учение как откровение, передачу божественной мудрости, но не как частное мнение цехового мастера интеллектуального труда «Нельзя сомневаться, – пишет У. Гатри, – что Гераклит считал себя обладателем абсолютной истины... Он говорил как вдохновленный свыше, и не будет метафорой назвать его стиль пророческим. <...> Язык Гераклита определенно ставит

¹ Легенда о ядовитой расщелине впервые фиксируется у Диодора Сицилийского (XVI 26), т.е. довольно поздно, в I в. до н.э. В трудах Отцов Церкви она примет карикатурный характер. В реальности этой истории не сомневался еще Э. Роде, однако уже в 1903 г. У. Виламовиц-Мёллендорф назовет ее «рационалистическим вымыслом». Существование вышеупомянутой трещины не подтвердили и археологические раскопки.

его в один ряд с вдохновенными: поэтами, пророками и учителями мистериальных религий, которые, подобно ему, говорили символами, недоступными пониманию профанов. Мы не можем и не должны ожидать от такого человека рационалистического мировоззрения милетцев» (Гатри 2015: 677, 679).

«Темный», иррационалистический стиль Гераклита не помешал ему стать одной из наиболее влиятельных фигур в истории мировой философии. Собственно, философия в его времена и не воспринималась как «отсебятина» частного человека; возвещаемая философом мудрость должна исходить из божественного источника, а сам философ выступает ее корректным транслятором.

«В названии своих пророков эллины закрепили то же, что и, например, славяне в словах “ведун” и “ведьма”, “знахарь” и “знахарка”, – сопричастность высшему ведению, проникновение в тайны богов, обладание знанием сокровенного. Μαντις – “ведун”, “знающий”, и об этом косвенным образом неоднократно свидетельствуют античные тексты. Согласно Демосфену, Аполлон, “будучи богом и мантисом, знает наилучшее” (ὡν θεός και μάντις οἶδε το βέλτιστον, XXV 34). В “Хармиде” Платон говорит о мантисе как о “знающем все, что должно свершиться” (τον εἰδόντα τα μέλλοντα εσεσθαι πάντα, 173e-174a). У Солона мантис “познал (εγνων) зло, издали подступающее к человеку” (Fr. 13, 54). “Среди живущих на земле людей нет ни одного мантиса, который бы смог познать (αν εἰδειν) разум эгидодержца Зевса”, – гласит гесиодовский фрагмент (303)» (Приходько 1999: 100).

«Ведун» догомеровской Греции, каковым, без сомнения, был и Олен, объединяет в себе прорицателя, целителя, стихотворца, мудреца. В качестве пророка он причастен божественным истинам и обладает духовным зрением, проникающим за пределы видимого мира. В качестве поэта он занят словесным учреждением бытия и изначальным именованием вещей¹. Сам Аполлон обладает ярко выраженными чертами «ведуна», ибо он – бог-музыкант, врачеватель, вдохновитель поэтов, предсказатель будущего. Характерно, что в ряде индоевропейских языков можно обнаружить слова, одновременно обозначающие и поэта, и пророка: лат. *vates*, ирл. *fili*, исл. *thulr* и др.

Поэзия еще долгое время являлась родной стихией философов. В поэтической форме излагали свои учения Орфей, Эпименид, Фалес, Пифагор, Ксенофан, Парменид, Эмпедокл, Архелай и многие другие эллинские философы. О поэзии как преимущественном способе существования философии

¹ Определяя сущность поэзии с точки зрения разрабатываемой им фундаментальной онтологии, М. Хайдеггер пишет: «Поэзия есть учреждающее именование богов и сущности всех вещей, то есть не произвольное сказывание, а такое, в котором впервые вступает в открытое все то, что мы потом обговариваем и обсуждаем на общежитейском языке. Поэтому поэзия никоим образом не воспринимает язык в качестве какого-то наличного материала, а сама впервые делает язык возможным. Поэзия есть праязык всякого исторического народа. Таким образом, наоборот, сущность языка должна пониматься из сущности поэзии» (Хайдеггер 2003: 85).

на раннем этапе ее развития писал Плутарх: «Было время, когда словесной монетою людей были стихи, напевы и песни; и они-то перелагали в музыку и поэзию как всю историю и всю философию, так и попросту всякое сильное чувство и всякий предмет, требующий торжественного выражения» (De Pyth. orac. 24. Цит. по: Плутарх 1978: 249). Свои поэмы философы слагали, используя гекзаметр – тот самый размер, что был, по легенде, введен гиперборейцем Оленом и впредь активно применялся в отпавлении Аполлонова культа.

С тех пор как в 60-х гг. XIX в. были обнаружены некоторые праиндоевропейские поэтические словосочетания, в филологической науке ведется дискуссия относительно возможного происхождения древнегреческих стихотворных размеров из праиндоевропейского языка. Относительно гекзаметра имели место также версии о его происхождении из неиндоевропейских языков или негреческих индоевропейских (в частности, хеттского). Замечательный русский филолог А.И. Зайцев привел убедительные доказательства того, что прямым предшественником гекзаметра является метр праиндоевропейского стиха, причем скорее героического эпоса, нежели культовой поэзии (Зайцев 1994).

Постулируемая Зайцевым укорененность гекзаметра в древнейших формах поэзии (речь идет о III тыс. до н.э.), однако, не отвергает учреждающей роли Олена в становлении греческой поэзии. Функция гиперборейца могла заключаться в приспособлении к культовым нуждам древнего размера, на котором уже значительно позже будут сложены величайшие эпические поэмы.

Учитывая многокомпонентность культа Аполлона, в котором очевидно прослеживаются помимо северных и крито-микенские, и малоазийские, и дорические корни, следует предположить, что Олен исповедовал культ лишь одной «ипостаси» лучезарного бога – гиперборейской (вероятнее всего, изначальной), с которой со временем соединятся в единый образ все прочие компоненты культа. Процесс слияния Аполлона с образами других богов продлится вплоть до поздней античности, найдя свое логическое завершение в попытке создания языческого монотеизма, в котором Аполлон-Солнце предстал единым и универсальным божеством (Лосев 1957: 350).

Как уже было сказано, распространение культа Аполлона произошло, по историческим меркам, стремительно, и можно говорить о планомерном привнесении его на территорию будущего греческого мира. Одним из «посланников» (др.-греч. ἀπόστολος) могущественного северного бога, вероятно, и оказался Олен, принесший весть о нем в Делос и Дельфы вместе со специфическим культом и мировоззрением, давший грекам поэзию и научивший их прорицать.

Более тысячелетия культ Аполлона был исключительно популярен в греческом мире, имея чрезвычайно широкий ареал распространения, доходящий на востоке до Индии. И где-то у истоков мощного взрыва, распространившего аполлонизм на половину мира, находился Олен, первопоэт, гипербореец, апостол Феба.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Беляков А.В., Матвейчев О.А. 2019а. Вальтер Отто и его боги // В. Отто. Греческие боги. Санкт-Петербург : Владимир Даль. С. 5-25.
- Беляков А.В., Матвейчев О.А. 2019б. Гиперборея: приключения идеи. Москва : Книжный мир. 416 с.
- Буркерт В. 2004. Греческая религия: Архаика и классика. Санкт-Петербург : Алетейя. 584 с.
- Гатри У.К.Ч. 2015. История греческой философии. В 6 т. Т. 1. Ранние досократики и пифагорейцы. Санкт-Петербург : Владимир Даль. 863 с.
- Геродот. 1972. История. Ленинград : Наука. 600 с.
- Горожанова А.Н. 2004. Аполлон Ликийский (по данным «Илиады» Гомера) // Мнемон : исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 3. С. 341-348.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. 1982. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Москва : Наука. 456 с.
- Доддс Э.Р. 2000. Греки и иррациональное. Санкт-Петербург : Алетейя. 507 с.
- Зайцев А.И. 1994. Формирование древнегреческого гексаметра. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та. 168 с.
- Каллимах. 1988. Гимны Каллимаха // Античные гимны / сост. и общ. ред. А.А. Тахо-Годи. Москва : Изд-во Моск. ун-та. С. 141-171.
- Лосев А.Ф. 1957. Античная мифология в ее историческом развитии. Москва : Учпедгиз. 620 с.
- Матвейчев О.А. 2016. Семь чудес гиперборейца Абариса // Философская мысль. № 5. С. 26-34.
- Матвейчев О.А. 2017. Аристей Прокоонский, духовидец, свидетель Гипербореи // Социально-гуманитарные знания. № 4. С. 256-266.
- Нильссон М. 1998. Греческая народная религия. Санкт-Петербург : Алетейя. 356 с.
- Откупщиков Ю.В. 1998. Ἀπόλλων (мифолого-этимологический этюд) // Античный мир : проблемы истории и культуры : сб. науч. ст. к 65-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / под ред. И.Я. Фроянова. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та. С. 35-42.
- Отто В. 2019. Греческие боги. Санкт-Петербург : Владимир Даль. 319 с.
- Павсаний. 1996а. Описание Эллады. Т. 1. Кн. 1-4. Санкт-Петербург : Алетейя. 336 с.
- Павсаний. 1996б. Описание Эллады. Т. 2. Кн. 5-10. Санкт-Петербург : Алетейя. 538 с.
- Плутарх. 1978. О том, что пифия более не прорицает стихами // Вестник древней истории. № 2. С. 233-253.
- Приходько Е.В. 1999. Двойное сокровище. Искусство прорицания Древней Греции: мантика в терминах. Москва : Прогресс-Традиция. 592 с.
- Фонтенроуз Дж. 1999. Дельфийский оракул: его изречения и систематизация каталога ответов // Е.В. Приходько. Двойное сокровище. Искусство прорицания Древней Греции: мантика в терминах. Москва : Прогресс-Традиция. С. 503-558.
- Хайдеггер М. 2003. Гельдерлин и сущность поэзии // М. Хайдеггер. Разъяснения к поэзии Гельдерлина. Санкт-Петербург : Акад. проект. С. 63-96.
- Beekes R. 2010. Etymological Dictionary of Greek. Vol. 1. Leiden ; Boston : Brill. xlviii, 885 p.
- Compton T.M. 2006. Victim of the Muses: Poet as Scapegoat, Warrior and Hero in Greco-Roman and Indo-European Myth and History. Hellenic Studies Series 11. Washington, DC : Center for Hellenic Studies. 432 p. URL: <https://chs.harvard.edu/CHS/>

article/display/4950.todd-m-compton-victim-of-the-muses-poet-as-scapegoat-warrior-and-hero-in-greco-roman-and-indo-european-myth-and-history (дата обращения: 07.01.2020).

Krappe A.H. 1942. *Ἀπολλων Κυκνος* // *Classical Philology*. Vol. 37, № 4. P. 353-370.

Kretschmer P. 1924. Alaksandus, König von Vilusa // *Glotta*. Bd. XIII. S. 205-213.

Nilsson M.P. 1927. *Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion*. Lund : C. W. K. Gleerup ; London : H. Milford. xxiv, 582 p.

Wilamowitz-Moellendorff U. von. 1908. *Greek historical writing and Apollo: two lectures delivered before the University of Oxford June 3 and 4*. Oxford : Clarendon Press. 45 p.

Oleg A. Matveychev, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. E-mail: matveyol@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4568-2650
ResearcherID: G-3499-2016
ScopusID: 57201478735
SPIN-код: 4248-7216

Article received 24.01.2020, accepted 06.04.2020, available online 05.10.2020

The Origins of Apollo Cult and the Poet Olen

Abstract. The purpose of this article is to draw scholars' attention to the figure of the poet Olen from Lycia who was ignored by most researchers of ancient culture due to the scarcity of information, and to place him into a wide context of discussions about the origin of the Apollo cult. The article demonstrates the diversity of views on the genesis and evolution of the Apollonian cult, examines the Asia Minor's, Thracian's, Doric's and "Nordic's" hypotheses; notes the "foreignness" of Apollo in relation to the Olympic pantheon, as well as the connection of his image with the legendary country of Hyperborea. The swiftness with which the cult of Apollo spread throughout the Greek world suggests that this did not happen spontaneously, but due to someone's conscious and systematic efforts. One of the messengers of the powerful northern God could be Olen who, according to legend, founded the Temple of Apollo at Delphi and was the first to pronounce his prophecies in hexameters, thus acting as the first poet who invented the very form of poetry. Being both a poet and a soothsayer, Olen was an example of an ancient mantis, a "vedun" involved in divine truths giving things their names. Apollo himself has pronounced features of a "vedun", being a god-musician, healer, mastermind of poets, a foreseer of the future. Contrary to popular belief that the mantis prophesied exclusively in a state close to madness, the author indicates that divination was a special intense thought process. The rehabilitation of divination as an intellectual phenomenon increases its significance in the history of Greek thought. Mantic poetry may well be considered as one of the sources of philosophy, the genesis of which seems to be a more multifaceted phenomenon than the movement "from myth to logos" described by V. Nestle's formula. Given the multifaceted cult of Apollo in which you can find the northern, Cretan-Mycenaean, Asia Minor, and Doric roots, we can assume that Olen professed the cult of only one "hypostasis" of the radiant god – the Hyperborean (most likely, the original), with which all other components of the cult are joined over time.

Keywords: history of philosophy; Ancient Greek religion; mythology; poetry; shamanism; Ancient Greece; Hyperborea; Delphi; Delos; Apollo; Olen.

For citation: Matveychev O.A. *Istoki kul'ta Apollona i pervopoeet Olen* [The Origins of Apollo Cult and the Poet Olen], *Antinomii=Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 7-21. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10301. (in Russ.).

References

Beekes R. *Etymological Dictionary of Greek. Vol. 1*, Leiden, Boston, Brill, 2010, xlvihi, 885 p.

Belyakov A.V., Matveychev O.A. *Giperboreya: prikl'yucheniya idei* [Hyperborea: Adventures of an Idea], Moscow, Knizhnyy mir, 2019, 416 p. (in Russ.).

Belyakov A.V., Matveychev O.A. *Val'ter Otto i ego bogi* [Walter Otto and his Gods], *V. Otto. Grecheskie bogi*, St.-Petersburg, Vladimir Dal', 2019, pp. 5-25. (in Russ.).

Burkert W. *Grecheskaya religiya: Arkhaika i klassika* [Greek Religion: Archaic and Classical], St. Petersburg, Aleteyya, 2004, 584 p. (in Russ.).

Callimachus. *Gimny Kallimakha* [Callimachus' Hymns], A.A. Takho-Godi (comp., ed.) *Antichnye gimny*, Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1988, pp. 141-171. (in Russ.).

Compton T.M. *Victim of the Muses: Poet as Scapegoat, Warrior and Hero in Greco-Roman and Indo-European Myth and History. Hellenic Studies Series 11*, Washington, DC, Center for Hellenic Studies, 2006, 432 p., available at: <https://chs.harvard.edu/CHS/article/display/4950.todd-m-compton-victim-of-the-muses-poet-as-scapegoat-warrior-and-hero-in-greco-roman-and-indo-european-myth-and-history> (accessed January 07, 2020).

Dodds E. *Greki i irratsional'noe* [The Greeks and the Irrational], St. Petersburg, Aleteyya, 2000, 507 p. (in Russ.).

Dovatur A.I., Kallistov D.P., Shishova I.A. *Narody nashey strany v «Istorii» Gerodota* [Peoples of our Country in the Herodotus' "History"], Moscow, Nauka, 1982, 456 p. (in Russ.).

Fontenrose J. *Del' fiyskiy orakul: ego izrecheniya i sistematizatsiya kataloga otvetov* [The Delphic Oracle: Its responses and operations with a catalogue of responses], E.V. Prikhod'ko. *Dvoynoe sokrovishche. Iskusstvo proritsaniya Drevney Gretsii: mantika v terminakh*, Moscow, Progress-Traditsiya, 1999, pp. 503-558. (in Russ.).

Gorozhanova A.N. *Apollon Likiyskiy (po dannym «Iliady» Gomera)* [Apollo Lycian (according to the "Iliad" of Homer)], *Mnemon: issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira*, 2004, iss. 3, pp. 341-348. (in Russ.).

Guthrie W.K.C. *Istoriya grecheskoy filosofii. V 6 t. T. 1. Rannie dosokratiki i pifagoreytsy* [History of Greek philosophy. Vol. 1. The Earlier Presocratics and the Pythagoreans], St. Petersburg, Vladimir Dal', 2015, 863 p. (in Russ.).

Heidegger M. *Gel'derlin i sushchnost' poezii* [Hölderlin and the Essence of Poetry], M. Khaydegger, *Raz'yasneniya k poezii Gel'derlina*, St.-Petersburg, Akademicheskii proekt, 2003, pp. 63-96. (in Russ.).

Herodotus. *Istoriya* [The Histories], Leningrad, Nauka, 1972, 600 p. (in Russ.).

Krappe A.H. *Ἀπολλών Κυρκώος*, *Classical Philology*, 1942, vol. 37, no. 4, pp. 353-370.

Kretschmer P. *Alaksandus, König von Vilusa* [Alaksandus, King of Vilusa], *Glotta*, 1924, vol. 13, pp. 205-213. (in German).

Losev A.F. *Antichnaya mifologiya v ee istoricheskom razvitii* [Ancient mythology in its historical development], Moscow, Uchpedgiz, 1957, 620 p. (in Russ.).

Matveychev O.A. *Aristey Prokonesskiy, dukhovidets, svidetel' Giperborei* [Aristeas of Proconnesus – Visionary, Witness of Hyperborea], *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2017, no. 4, pp. 256-266. (in Russ.).

Matveychev O.A. *Sem' chudes giperboreytsa Abarisa* [The Seven Wonders of the Hyperborean Abaris], *Filosofskaya mysl'*, 2016, no. 5, pp. 26-34. (in Russ.).

Nilsson M.P. *Grecheskaya narodnaya religiya* [Greek Popular Religion], St. Petersburg, Aleteyya, 1998, 356 p. (in Russ.).

Nilsson M.P. *Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion*, Lund, C. W. K. Gleerup, London, H. Milford, 1927, xxiv, 582 p.

Otkupshchikov Yu.V. *Аπόλλων (mifologo-etimologicheskiy etyud)* [Ἀπόλλων (mythological etymological etude)], *I.Ya. Froyanov (ed.) Antichnyy mir : problemy istorii i kul'tury*, St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1998, pp. 35-42. (in Russ.).

Otto W. *Grecheskie bogi* [The Homeric Gods], St. Petersburg, Vladimir Dal', 2019, 319 p. (in Russ.).

Pausanias. *Opisanie Ellady. T. 1. Kn. 1-4* [Description of Greece. Vol. 1, books 1-4], St. Petersburg, Aleteyya, 1996, 336 p. (in Russ.).

Pausanias. *Opisanie Ellady. T. 2. Kn. 5-10* [Description of Greece. Vol. 2, books 5-10], St. Petersburg, Aleteyya, 1996, 538 p. (in Russ.).

Plutarch. *O tom, chto pifiya bolee ne proritsaet stikhami* [Why the Pythia does not now give oracles in verse], *Vestnik drevney istorii*, 1978, no. 2, pp. 233-253. (in Russ.).

Prihod'ko E.V. *Dvoynoe sokrovishche. Iskusstvo proritsaniya Drevney Gretsii: mantika v terminakh* [Double treasure. The art of divination of Ancient Greece: mantica in terms], Moscow, Progress-Traditsiya, 1999, 592 p. (in Russ.).

Wilamowitz-Moellendorff U. von. *Greek historical writing and Apollo: two lectures delivered before the University of Oxford June 3 and 4*, Oxford, Clarendon Press, 1908, 45 p.

Zaytsev A.I. *Formirovanie drevnegrecheskogo geksametra* [The formation of the ancient Greek hexameter], St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1994, 168 p. (in Russ.).

Кондрашов П.Н. Карл Маркс о родовой сущности человека. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10302 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 22–48.

УДК 141.82:1(091)

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10302

Карл Маркс о родовой сущности человека

Петр Николаевич Кондрашов

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: pnk060776@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0975-4418
SPIN-код: 9945-3898

*Статья поступила 26.06.2019, принята к печати 16.09.2019,
доступна online 05.10.2020*

В статье предпринята попытка историко-философской экспликации становления учения К. Маркса о *родовой сущности человека (Gattungswesen des Menschen)*. В современном марксоведении господствует точка зрения, согласно которой Маркс понимает сущность человека только как «совокупность общественных отношений». Однако, как показывает автор, в текстах Маркса имеется несколько определений. Так, родовая сущность человека определяется как: (1) истинная общественная связь людей, истинная общность (*Gemeinwesen*); (2) праксис (*Praxis*); (3) творческая продуктивная деятельность (*productive Tätigkeit, Selbstbetätigung*); (4) ансамбль общественных отношений (*das ensemble der gesellschaftlichen Verhältnisse*). Конститутивными моментами сущности человека, вытекающими из праксиса, как базовой характеристики человека, оказываются такие атрибуты, как предметность, интерсубъективность, социальность, историчность и экзистенциальная равнодушность. Показано, что, согласно Марксу, родовая сущность человека не дана природой, а возникает в ходе исторического развития. Более того, в «Капитале» Маркс различает инвариантную сущность (*Praxis*) и исторические модификации праксиса. Поэтому история понимается как «непрерывное изменение человеческой природы». Впервые в истории философии эксплицирована историческая последовательность того, каким образом развивались представления Маркса о родовой сущности человека. Несмотря на радикальные изменения философских предпочтений Маркса (переход от субъективного идеализма Фихте к объективному идеализму Гегеля, а затем к материализму), его представления о родовой сущности человека, меняясь, тем не менее, представляют собой не столько череду «скачков», а сколько диалектическое движение к более глубокому, всестороннему развитию и обогащению изначальных гуманистических интуиций, которое в итоге привело его к формулировке оригинальной концепции человека.

© Кондрашов П.Н., 2020

Ключевые слова: философия К. Маркса, родовая сущность человека, праксис, ансамбль общественных отношений, социальность, предметность, историчность, экзистенциальная неравнодушность.

Введение. В последние десятилетия в различных социальных и гуманитарных науках наблюдается повышенный интерес к проблеме *человека, его сущности и человеческого бытия в мире*. Обусловлен этот интерес не только своеобразным «подведением итогов» пройденного человечеством и каждым народом в отдельности пути, характерным для рубежных, переходных эпох – из одного столетия в другое, а в сегодняшней ситуации – и переступанием тысячелетий, но и теми действительно *эпохальными* историческими событиями, которые произошли в XIX–XXI вв., и которые не имеют аналогов в социальной истории человечества.

Эти события и процессы, с одной стороны, продвигающие и расширяющие возможности и свободу человека, а с другой – превращающие его в нечто механическое, безжизненно-пассивное, обезчеловеченное и brutальное, с необходимостью порождают интерес как к собственно *человеку, его философскому осмыслению*, так и к *анализу исторических перспектив человека*. Более того, вопрос о будущей истории человечества сегодня стоит как никогда *остро* еще и в силу реальной угрозы ее действительного *прекращения*, что справедливо рассматривается как *антропологический кризис*, характеризующийся радикальной дегуманизацией, разорванностью человека, его отчужденностью от мира (природы, материальной и духовной культуры, других людей и самого себя), то есть отсутствием *целостности* на всех уровнях бытия: социальном (национальном, классовом, гендерном, возрастном), межличностном, индивидуальном, экзистенциальном. Этот кризис обнаруживает себя в таких явлениях, как ориентация на модус *обладания* при почти полном игнорировании модуса *бытия*; *атомизации* индивидов при внешней видимости солидарности (скажем, в сетевых сообществах); *монологичностью* человека в его отношениях с миром; *одиночеством* и *равнодушным бесчувствием*; *элиминацией простой человечности и теплоты* – межличностных отношений, когда они замещаются бездушным инструментальным использованием человека человеком, но уже не только в системе эксплуатации наемного труда, а в непосредственной повседневности присутствия; в разного рода *девиациях*, как паллиативных попытках поиска мнимой уникальности и индивидуальности в структурах почти тотального господства посредственности и обезличенности – *das Man*; в росте психических заболеваний неинфекционной этиологии, гомосексуализме, половых извращениях, уродовании своего тела, смене полов, появлении фриков и трансгендеров и др.

Безусловно, антропологические кризисы характерны для любой эпохи радикальных, коренных трансформаций. Но в каждой конкретной исторической и культурной ситуации эти кризисы проявляются специфическим образом. Особенностью же современного кризиса является то, что он охватывает большую часть планеты и постоянно втягивает в свою орбиту все

больше и больше людей, то есть является *глобальным*, что превращает его, по сути дела в *антропологическую катастрофу*.

Однако наиболее фундаментальным проявлением антропологического кризиса является то, что человек в современном мире теряет свою *целостность, децентрируется, становится ризомой, распадается, лишается своего «Я»*. По сути дела, сегодня мы сталкиваемся с ситуацией, когда *исчезает сам человек*. Эта потеря человека с необходимостью ставит проблему осмысления того, *что же такое человек и что в нем есть собственно человеческое?* Стало быть, возникает необходимость найти те атрибутивные характеристики, которые делают человека *человеком*, то есть ответить на один из вечных вопросов: *какова сущность человека?*

Как нам представляется, одной из наиболее продуктивных, фундаментальных и релевантных концепций, позволяющих ответить на этот вопрос и связанных с ним антропологических вызовов, являются *представления К. Маркса о человеке*, в которых последний мыслится как *существо, изначально целостное* (хотя на определенной стадии исторического развития в условиях господства частной собственности и разрываемое, отчужденное), *а priori включенное в мир и неразрывно, деятельно связанное с ним* (см.: Ehlen 1985: 33-34).

В предлагаемой статье мы, во-первых, попытаемся показать, что у Маркса имела место оригинальная концепция сущности человека, позволяющая выявить самые разные атрибутивные характеристики человеческого существа и, во-вторых, то, что эта концепция не сводилась, как зачастую считается, только лишь к положению о «совокупности [ансамблю] общественных отношений» (Sayers 1998; Любутин, Кондрашов 2007), ибо сам Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» прямо говорит, что «человеческая действительность столь же многообразна, как многообразны *определения* человеческой *сущности* и человеческая *деятельность*» (Маркс 1956: 592).

Данное положение Маркса дает основание, во-первых, рассматривать *человеческие формы действительности, сущности и деятельности* в качестве имманентно взаимосвязанных и даже частью совпадающих в своих наиболее сущностных моментах; во-вторых, исходя из содержания этого тезиса, можно понять то, что Маркс в разных своих работах формулирует не какое-то одно определение человеческой сущности, а *несколько*, в зависимости от ракурса, перспективы и контекста, в которых рассматривается человек и его бытие в мире. И хотя эти гетерогенные дефиниции, на первый взгляд, кажутся противоречащими друг другу, тем не менее, как это будет показано в данной статье, *все они вытекают из определения сущности человека через праксис*. И в этом плане марксова концепция человека избегает разного рода «частичных» дефиниций, сводящих человеческое существо к тому, что, «λόγον δὲ μόνον ἀνθρώπος ἔχει τῶν ζῴων» («речью же единственно человек обладает из живых существ»), к ζῴον πολιτικόν, к *animal rationale*, к образу и подобию Бога, к существу «играющему» или единственному в мире, знающему о своей собственной смерти, не говоря уже о «двуногом существе без перьев».

I. Социально-действенный индивид как исходный пункт. Анализ марксовской концепции человека представляет собой довольно молодую сферу научных исследований, ибо длительное время считалось, что у К. Маркса нет никакого «учения о человеке» (марксизм-ленинизм, говорил И.В. Сталин, не нуждается в особом «учении о человеке», так как он *a priori* – учение гуманистическое), а все философские идеи автора «Капитала» сводились либо к диамату и истмату (советский марксизм-ленинизм), либо к социально-экономическому, социально-философскому, социально-политическому или даже к «гносеологическому» аспектам его целостного мировоззрения. Центральными у Маркса считались такие, безусловно, важнейшие категории, как *общественная формация и способ производства, производительные силы и производственные отношения, классовая борьба, народные массы, общественное бытие и общественное сознание, базис и надстройка, естественноисторический процесс, социальная революция.*

Однако за всеми этими фундаментальными понятиями терялся сам субъект – конкретные живые деятельные индивиды. Иными словами – человек. И только после публикации ранних рукописей К. Маркса стали появляться – сначала на Западе, а затем в СССР и странах социалистического блока – исследования, посвященные, с одной стороны, анализу проблемы человека у самого основоположника, с другой – собственно марксистские философско-антропологические разыскания. На Западе публикация этих текстов Маркса произвела настоящую интеллектуальную революцию (Maguire 1973), в ходе которой появились человекоориентированные формы неомарксизма (Франкфуртская школа, фрейд-марксизм, югославская группа «Praxis», А. Шафф, Э. Блох, Р. Гароди, Л. Сэв, А. Лефевр, Ж.-П. Сартр), но в СССР подобный «антропологический поворот» свершился только в середине 50-х гг. XX века.

Тем не менее проблема человека является одной из основных в философии К. Маркса не только раннего, но и зрелого периодов. Так, в «Немецкой идеологии» (1845–1846) Маркс с Ф. Энгельсом говорят, что «для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди», «подлинные люди [leibhaftigen Menschen]» (Маркс, Энгельс 1955а: 25): «...действительные предпосылки [wirkliche Voraussetzungen], с которых мы начинаем суть действительно индивиды [wirklichen Individuen], их деятельность [Aktion] и материальные условия их жизни [materiellen Lebensbedingungen], как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы [erzeugten] их собственной деятельностью [eigne Aktion]» (Маркс, Энгельс 1955а: 18), ибо «первая предпосылка всякой человеческой истории – это, конечно, существование живых человеческих индивидов» (Маркс, Энгельс 1955а: 19). Таким образом, для основоположников «предпосылками являются люди, взятые не в какой-то фантастической замкнутости и изолированности, а в своем действительном, наблюдаемом эмпирически, процессе развития, протекающем в определенных условиях» (Маркс, Энгельс 1955а: 25). Наконец, «исходной точкой для индивидов всегда служили они сами» (Маркс, Энгельс 1955а: 77). В 1858 г. Маркс повторяет: «индивиды, производящие в обществе... таков, естественно, исходный пункт» (Маркс 1968: 17), а в 1886 г.

Ф. Энгельс снова акцентирует внимание на антропологическом аспекте классического марксизма: материалистическое понимание истории, пишет он, есть наука о «действительных людях и их историческом развитии» (Энгельс 1961: 299).

Однако здесь мы наталкиваемся на некоторое противоречие в концепции Маркса: дело в том, что в том же знаменитом Введении к *Grundriße* Маркс пишет, что «при теоретическом методе субъект – общество – должен постоянно витать перед нашим представлением как предпосылка» (Маркс 1968: 38). Стало быть, в одном случае исходным пунктом полагается индивид, в другом – общество. Нет ли здесь противоречия? – Думается, что никакого противоречия у Маркса нет, так как – и это один из важнейших моментов его философии – для него (и Энгельса) понятия «живой человек», «деятельные люди», «живые конкретные индивиды» и понятие «общество» – тождественны (в диалектическом смысле), ибо «когда речь идет о производстве, то всегда о производстве на определенной ступени общественно-го развития – о производстве общественных индивидов» (Маркс 1968: 21). «Человек, – пишет Маркс в *Grundriße*, – есть в самом буквальном смысле ζῷον πολιτικόν, не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе и может обособляться. Производство обособленного одиночки вне общества – редкое явление, которое, конечно, может произойти с цивилизованным человеком, случайно заброшенным в необитаемую местность и потенциально уже содержащим в себе общественные силы, – такая же бессмыслица, как развитие языка без совместно живущих и разговаривающих между собой индивидов. На этом можно больше не останавливаться» (Маркс 1968: 18).

К сожалению, среди марксистов советского периода, за редким исключением (Г.С. Батищев, А.Б. Баллаев, Э.В. Ильенков, К.Н. Любутин, В.М. Межуев и др.), живой конкретный социально-деятельный продуктивный человек фактически никогда не рассматривался в качестве *начала и цели* философии К. Маркса, а наличие философской антропологии у автора «Капитала» вообще отрицалось вплоть до второй половины 50-х гг.; тоже самое произошло и в конце 60 – 70-х годах, когда в советской философии, как и в западной, наметился поворот к философии и методологии науки. Впрочем, и в современном российском марксизме нет понимания того, что в структуре марксовской философии антропология социально-деятельного человека является фундаментальным, конститутивным элементом.

Однако на Западе, и в первую очередь *немарксистские* исследователи, чутко уловили антропологические и гуманистические интенции марксовской мысли. Так, например, в книге «Макс Вебер и Карл Маркс», опубликованной в 1941 г., *Карл Левит* прямо пишет: «Человек был отправной точкой и целью для Маркса»¹ (Löwith 1993: 95). Фрейд-марксист *Эрих Фромм*, много сделавший для экспликации марксова учения о человеке, в 1961 г. писал: «Чтобы избежать двусмысленности терминов “материалистический” и “экономи-

¹ Здесь и далее переводы цитат из английских и немецких источников выполнены автором статьи. – *Примеч. ред.*

ческий”, было бы уместно назвать Марксово понимание истории *антропологической интерпретацией истории*. Ибо это понимание основывается на том факте, что творцами и актерами исторической драмы являются сами люди» (Фромм 1998: 595).

Неотомист Мишель Анри (1980-е гг.) пишет: «Идея Маркса состоит в том, что экономическое – только абстракция, что экономическая реальность не является подлинной, последней реальностью, но вместе с тем ее предполагает и к ней отсылает. Эта последняя реальность, основывающая саму экономику и в итоге ее определяющая, есть индивидуальная субъективная жизнь» (Анри 2010: 245).

Наконец, сторонник аналитической традиции Алан Мегилл (2008) считает, что «неизменным предметом исследований Маркса была деятельность человека. Он снова и снова настаивал на том, что человеческая деятельность творит историю. Эта тема красной нитью проходит через все его работы, хотя в некоторых фрагментах она завуалирована... В определенной степени Маркс сам виноват в некорректном прочтении его работ будущими сталинистами и американскими политиками времен холодной войны» (Мегилл 2011: 263).

Итак, как видно из вышеизложенного, *вопрос о социально-деятельном человеке* носил для К. Маркса *фундаментальный*, по сути дела – *онтологический* характер. Тем не менее, у Маркса нет эксплицитной, систематически изложенной философской антропологии, а имеет место множество фрагментов, разбросанных по разным работам, которые необходимо эксплицитировать и на основе соответствующей интерпретации реконструировать целостное представление Маркса о человеке и его сущности. А поскольку это представление развивалось Марксом на протяжении нескольких десятилетий, претерпевало существенные изменения, то данная реконструкция с необходимостью должна учитывать и этот момент историчности (см.: Archibald 1989).

II. Степень разработанности темы. Несмотря на большое количество работ, посвященных анализу марксова учения о человеке¹, тем не менее, среди них отсутствуют исследования, в которых бы была осуществлена целостная реконструкция его философско-антропологического учения и его центрального пункта – концепции родовой сущности человека, взятой во всех ее многочисленных аспектах, выделяемых Марксом. Большей частью эти работы посвящены подробному анализу *отдельных* сторон марксова учения.

К наиболее обстоятельным (но, опять-таки, частичным, узконаправленным или же обзорным) исследованиям в области экспликации и анализа собственно учения К. Маркса о человеке, относятся работы Ш. Авинери (Avineri 1968: 65–95), В. Арчибальда (Archibald 1989), В. Венабля (Venable

¹ В силу этой необъятности текстов ниже мы укажем только те из них (в основном принадлежащих зарубежным авторам, малоизвестным в России; отечественные же авторы, занимавшиеся и занимающиеся философской антропологией марксизма, достаточно известны в философских кругах), которые непосредственно повлияли на нашу интерпретацию марксовой концепции человека.

1945), А. Грамши (Грамши 1983), Г. Лукача (Лукач 1991: 72-127), Дж. Пламенатца (Plamenatz 1975), Ш. Сайерса (Sayers 1998), Т. Табака (Tabak 2012), Э. Фромма (Фромм 1993; Фромм 1998), Ф.В. Цанн-кай-си (Цанн-кай-си 1973), В. Янтцена (Jantzen 1991) и др.

Одной из наиболее важных частей этого вопроса является определение *человеческой сущности*, то есть экспликация тех конститутивных, атрибутивных характеристик, которые отличают человека от всего иного сущего (в первую очередь – от высших животных). Вопрос о *родовой сущности человека*, и прежде всего – о *практисе* как сущности человека и онтологической основы целостного бытия человека раскрывается в работах К. Акселоса (Axelos 1997), Г.С. Батищева (Батищев 1969), Р. Бернштейна (Bernstein 1971: 11-83), А.С. Васкеса (Vázquez 2003), Р. Йегги (Jaeggi 2013), М. Марковица (Marković 1968), Г. Петровича (Petrović 1965), П. Сантilli (Santilli 1973), М. Саэнца (Sáenz 2007), Р. Супека (Supek 1969), Э. Финберга (Feenberg 2014), В. Шмид-Коваржека (Schmied-Kowarzik 1981), П. Элена (Ehlen 1985), В. Ю (Yu Wujin 2002; Yu Wujin 2009) и др.

III. Сущность и природа у К. Маркса. Под *сущностью* в данной работе мы понимаем систему атрибутов (неотъемлемых свойств) чего-либо (нечто), без которых и вне которых это нечто не может существовать в качестве именно *этого* нечто. Стало быть, рассматривая родовую сущность человека, мы должны выявить те атрибутивные признаки, которые конституируют человека и отличают его от всякого иного сущего (прежде всего, от животных). Так, например, в биологическом смысле *прямохождение* является атрибутивным свойством человека, в то время как, скажем, цвет волос – акцидентальным (несущественным), ибо и брюнет, и блондин, и даже лысый индивид – человек. В этом смысле *сущность* как «ансамбль» атрибутивных, конститутивных свойств фиксируется и раскрывается в некотором логическом определении, в дефиниции. Фома Аквинский следующим образом определяет это понятие: «Сущность [essentia] или природа включает в себя только те вещи, которые подпадают под определения родов, подобно тому, как человечность подразумевает те вещи, которые входят в определение человека; благодаря чему человек становится человеком, и человечность означает это, то, благодаря чему человек есть человек» (Sum. Theol. 1, qa. 3, a. 3 concl.).

Другой аспект вопроса о *сущности*, вытекающий из определения св. Фомы Аквинского, касается соотношения этого понятия с понятием *природа* (когда под последней понимается не органическая и неорганическая природа). Вообще это отождествление *сущности* и *природы* (и даже *существования*) – довольно древняя традиция. *Сущность* понимается как *природа (Natura) чего-либо*. В свое время Иоанн Дамаскин вообще этимологически отождествил эти понятия, исходя из этимологических связей греческого языка: «Ὀὐσία – *сущность* – происходит от [глагола] εἶναι, и *природа* (φύσις) – от πεφυκέναι, а εἶναι и πεφυκέναι означают одно и то же – *быть*» (Иоанн Дамаскин 2002: 84). Например, в некоторых переводах «Политики» Аристотеля определение человека как ζῷον πολιτικόν гласит: «человек *есть* животное общественное», в то время как в оригинале у самого Аристотеля стоит φυσεῖ,

то есть не «*есть*», а «*по [своей] природе*»: «человек по природе своей [есть] существо политическое» (Аристотель 1983: 378), ибо *φυσεί* восходит к *φύσις* – *природа*. Видно, что здесь *природа* (т.е. *сущность*) латентно, в самой структуре языкового выражения отождествляется с *существованием*.

К. Маркс, следуя этой давней традиции, разделяемой его учителями Г.В.Ф. Гегелем и Л. Фейербахом, и вообще обычному для немецкого языка правилу, в *соответствующих контекстах* (как и в нашем случае – с *сущностью человека*) часто отождествляет слова *die Natur* и *das Wesen* (и менее употребительное *die Essenz*). Так, например, в английском переводе «Тезисов о Фейербахе», сделанном С. Смитом (*Cyril Smith*) в 6-ом тезисе указано: «the essence of man [menschliche Wesen = “human nature”]». Более того, следует учитывать и тот факт, что Маркс часто употребляет слова *Wesenheit* и *Wesen* для обозначения как *сущности*, так и *существования* (*Sein, Dasein, Exsistenz*). – Итак, в рамках предпринятого разыскания выражения Маркса *сущность человека и природа человека* выступают как синонимы.

IV. Экспликация конститутивных моментов родовой сущности человека. Хотя философские позиции К. Маркса (особенно в начальный период его научной деятельности) менялись часто и радикально (от раннего увлечения романтизмом Шлегеля и Новалиса, затем – философией И. Канта, И.-Г. Фихте, потом Г.В.Ф. Гегелем и, наконец, Л. Фейербахом, расставшись с которым Маркс сформулировал свои собственные философские принципы), тем не менее, его представления о родовой сущности человека, безусловно, меняясь со временем, представляют собой не столько череду качественных «скачков» или «эпистемологических разрывов», а сколько диалектическое движение к более глубокому, всестороннему развитию и обогащению изначальных гуманистических интуиций, которое в итоге привело его к формулировке оригинальной концепции человека. Так, размышляя в своем выпускном сочинении по религии о единстве верующих с Христом (август 1835 г.), юный Карл ставит проблему, которая пройдет красной нитью через все его творчество, – *проблему сущности человека*: «Прежде чем рассматривать причину и суть и влияние единения Христа с верующими, – пишет 17-летний Маркс, – мы должны установить, необходимо ли это единение, обусловлено ли оно природой человека» (Маркс 1975: 590).

В самом общем виде можно выделить следующие ступени, по которым Маркс восходит к своему итоговому пониманию человека и его родовой сущности.

IV.1. Сущность человека как общественная связь. В конспекте книги Дж. Милля «Элементы политической экономии», который Маркс делал в первой половине 1844 г. параллельно с написанием «Экономическо-философских рукописей», Маркс исходит из того, что человек – «*существо общительное [geselliges Wesen]*» (Маркс 1966: 119; Marx 1981: 448), и в силу этого считает, что родовая сущность человека – это целостность, внутренне не разорванная и не отчужденная тотальность (а потому и не сводимая к политической или экономической сфере), которую Маркс называет «*истинной общностью людей [Gemeinwesen]*» (Маркс 1966: 119).

И если социальный мир организован не по-человечески, то «эта общественная связь выступает в форме отчуждения [*Entfremdung*]» (Маркс 1966: 119). Так, например, показателем того, что общество устроено бесчеловечным образом, является тот факт, что «общественную связь людей, или их деятельно осуществляющуюся человеческую сущность, их взаимное восполнение друг друга в родовой жизни, в истинно человеческой жизни, политическая экономия рассматривает в форме обмена и торговли» (Маркс 1966: 119). В июле 1844 г. Маркс, критикуя Арнольда Руге, пишет: «Та общность, от которой рабочего отрывает его собственный труд, есть сама жизнь, физическая и духовная жизнь, человеческая нравственность, человеческая деятельность, человеческое наслаждение, человеческая сущность. Человеческая сущность и есть истинная общность людей» (Маркс 1955b: 447).

Развивая мысль о родовой сущности человека как «истинной общности» в этом же конспекте книги. Дж. Милля, Маркс приходит еще к нескольким важнейшим положениям, которые станут фундаментальными для всех последующих формулировок. Во-первых, истинная (целостная, неотчужденная) общность людей (*Gemeinwesen*) конституируется в родовой деятельности (*Gattungstätigkeit*) и то, что «действительным, осознанным и истинным бытием *Gemeinwesen* является общественная деятельность [*gesellschaftliche Tätigkeit*] и общественное наслаждение [*gesellschaftliche Genuß*]» (Маркс 1974: 23).

Во-вторых, коль скоро именно в общественной деятельности укоренена сама человеческая сущность, то именно сами люди посредством этой своей собственной деятельности ее и созидают, творят. «Люди, – пишет Маркс, – в процессе деятельного осуществления своей сущности творят, производят человеческую общественную связь, общественную сущность, которая не есть некая абстрактно всеобщая сила, противостоящая отдельному индивиду, а является сущностью каждого отдельного индивида, его собственной деятельностью, его собственной жизнью, его собственным наслаждением, его собственным богатством» (Маркс 1974: 24).

В-третьих, Маркс полагает изначальное единство, целостность человеческого способа существования как тотальности собственно практической деятельности и человеческого духа: общественная деятельность, порождающая истинную общность, пишет он, равнозначна родовой деятельности и родовому духу (*Gattungstätigkeit* und *Gattungsgeist*).

Наконец, в-четвертых, общественная связь людей – деятельно осуществляющаяся человеческая сущность есть способ человеческого существования. «Люди – не в абстракции, а в качестве действительных, живых, особенных индивидов – суть это сообщество. Каковы индивиды, такова и сама эта общественная связь» (Маркс 1974: 24).

IV.2. Сущность человека как прaxis. Следующий шаг в развитии учения Маркса о родовой сущности связан с ее определением через прaxis, сознательную преобразующую деятельность: «сознательная (т.е. целесообразная, целеполагающая. – П.К.) жизнедеятельность, – утверждает Маркс, – непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности» (Маркс 1956: 565-566; ср.: Маркс 1960: 195). Впервые подоб-

ные формулировки в текстах Маркса появляются в апреле-августе 1844 г. Однако – и это следует признать – у него мы не находим *прямых, четко, ясно и однозначно сформулированных определений на этот счет*. В своем анализе праксиса Маркс говорит не только о *родовой сущности человека* (*Gattungswesen des Menschen*), но употребляет также такие понятия, как *родовой характер* (*Gattungscharakter*), *родовая жизнь* (*Gattungsleben*) и *жизнедеятельность* (*Lebenstätigkeit*). В силу этого определение родовой сущности через праксис требует тщательного текстологического анализа, предваряющего целостную реконструкцию философской антропологии Маркса. Здесь мы ограничимся указанием всего лишь на несколько важнейших, на наш взгляд, положений.

«Отчужденный труд, – пишет Маркс, – переворачивает это отношение таким образом, что человек именно потому, что он есть существо сознательное [bewußtes Wesen], превращает *свою жизнедеятельность* [*Lebenstätigkeit*], *свою сущность* [sein *Wesen*] только лишь в средство для поддержания своего существования [seine *Existenz*]» (Маркс 1956: 566). Поскольку понятия «жизнедеятельность» и «сущность» перечисляются *через запятую*, то мы считаем, что Маркс тем самым употребляет эти термины здесь в качестве синонимов. А поскольку *жизнедеятельность* выступает в этом фрагменте как *средство для поддержания существования* (правда, только в его *отчужденной* форме), то она – жизнедеятельность – и есть *праксис*.

Чуть выше Маркс (опять-таки относительно отчужденных форм существования) пишет: «Дело в том, что, во-первых, сам труд, сама *жизнедеятельность*, сама *продуктивная жизнь* [*productive Leben*] оказываются для человека лишь *средством* для удовлетворения одной его потребности, потребности в сохранении физического существования» (Маркс 1956: 565). Когда Маркс говорит о сохранении «существования», то это понятие он использует в противоположность «сущности», которая как раз-то и приносится в жертву наличному отчужденному существованию.

В другом месте Маркс косвенно отождествляет *свободную деятельность* сначала с *родовой жизнью*, а затем последнюю – с *родовой сущностью*: «... Отчужденный труд, – читаем у будущего автора «Капитала», – принижая *самодетельность*, *свободную деятельность* до степени простого средства, тем самым превращает *родовую жизнь* человека в средство для поддержания его физического существования. Присущее человеку сознание его родовой сущности видоизменяется, стало быть, вследствие отчуждения так, что *родовая жизнь* становится для него *средством*» (Маркс 1956: 567).

И хотя среди вышеприведенных цитат нет прямой и однозначной формулировки вроде «*Родовая сущность человека – праксис*», тем не менее представляется, что эти косвенные и отрицательные (*omnes definition est negatio*) дефиниции нужно интерпретировать только в указанном нами ключе: *праксис мыслится Марксом как родовая сущность человека*.

По Марксу, то, как *живое существо действует в мире*, то есть *каким образом оно удовлетворяет свои потребности*, и составляет *родовой характер этого живого существа*. А *каким образом человек действует в мире? Каким образом он удовлетворяет свои потребности?* – Маркс отвечает:

если животное только *потребляет* данное природой, то есть является существом, *адаптирующимся к природе*, то человек *производит*, чтобы потреблять, а значит, оказывается существом, *адаптирующим природу к самому себе*. «Животное, – пишет он, – формирует материю только сообразно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету соответствующую мерку» (Маркс 1956: 566). Способом такой активной адаптации человека к окружающей среде является *сознательная преобразующая деятельность* (*Thätigkeit, Tätigkeit, Aktion*), которую Маркс в разных контекстах называет *трудом* (*Arbeit*), *практикой* (*Praktik*), *праксисом* (*Praxis*). «Когда мы пытаемся понять и знать, в чем состоит собственно сущность, природа, или истинная реальность человека, мы видим, что Маркс находит их в труде. Труд [*el trabajo*] есть, по его словам, сущность человека [*la esencia del hombre*], его сущностная реальность [*su realidad esencial*]» (Vázquez 2003: 482).

Общий механизм праксиса состоит в том, что человек, беря природный материал, имеющий конкретные свойства, но такие свойства, которые в их изначальной, естественной форме не могут удовлетворить его потребности, *изменяет* те или иные стороны этого природного материала так, чтобы в *новой, преобразованной форме*, у этого материала появились такие свойства, которыми он раньше не обладал и которые могли бы удовлетворить именно эту конкретную человеческую потребность. Так, например, простая палка не может быть использована для удовлетворения потребности в копании ямы, в то время как определенным образом *измененная в своей структуре* палка таким свойством обладать уже будет, превращаясь из простого вещества природы в нечто *новое, искусственное*. Природная вещь в процессе такого изменения преобразуется в предмет: естественная палка становится палкой-копалкой. Это и есть, собственно говоря, *производство, универсальное существование, радикально отличающее человека от животного в их способах существования в мире*. В онтологическом аспекте *универсальность производства* как человеческого способа бытия в мире – это независимость от ограничений, налагаемых природой и инстинктами, то есть как не-инстинктивная, не-природная активность, разворачивающаяся по искусственным (сознательным, идеальным, целеполагающим), то есть универсальным программам.

Итак, поскольку человек удовлетворяет свои витальные потребности *посредством деятельности*, то именно она представляет собой *способ существования человека в мире*. «Продуктивная жизнь, – пишет Маркс, – и есть родовая жизнь. Это есть жизнь, созидаящая жизнь» (Маркс 1956: 565; Marx 1968: 516), ибо «практическое созидание [*praktische Erzeugen*] *предметного мира, переработка* [*Bearbeitung*] неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного родового существа, то есть такого существа, которое относится к роду как к своей собственной сущности, или к самому себе как к родовому существу... Поэтому именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как *родовое существо*. Это производство есть его деятельная родовая жизнь [*werkstätiges Gattungsleben*]» (Маркс 1956: 566).

Из сказанного можно заключить, что праксис представляет собой не какую-то случайную, акцидентальную «особенность» человеческого бытия наряду с другими подобными «особенностями» (вроде наличия только у человека мягких мочеиспускательных путей или знания о своей собственной смерти), но является *сущностью человека*, ибо именно к праксису сводится все содержание человеческого бытия: *любое социально-историческое явление представляет собой либо саму деятельность, либо какой-то ее модус, какое-то ее состояние, какой-то ее результат*: «...как показал Маркс, – категорически заявляет Э.В. Ильенков, – становится непосредственно очевидным тот факт... что все формы культуры суть только формы деятельности самого человека» (Ильенков 1984: 184).

В силу того, что праксис в философии К. Маркса выступает в качестве онтологической основы социального бытия, то онтология Маркса – это не «диалектика природы» Ф. Энгельса, не «диамат» советского марксизма-ленинизма, а онтология социального праксиса. «Философия Маркса не является онтологией материи, а наоборот, исследуя онтологию материи, Маркс выдвигает собственную онтологическую теорию, а именно онтологию Praxis-отношений общественного производства» (Yu Wujin 2009: 400), что полностью соответствует известному положению Маркса о том, что «общественная жизнь является по существу *практической*» (Маркс 1955d: 3).

Сам Маркс, как известно, называл свою концепцию «*практическим материализмом*» (Маркс, Энгельс 1955а: 42). Однако здесь сразу же возникает вопрос о том, каким образом социальная онтология Маркса соотносится с онтологией диалектического материализма, понимаемого в широком смысле? Думается, что однозначного ответа в данном случае дать не представляется возможным, но косвенно, через анализ текстов, можно сказать: *Маркс рассматривал социальный праксис как феномен, онтологически укорененный, фундированный в бытии природы*. Так, коль скоро праксис есть своеобразное «наложение» человеческой преобразующей активности на природу, «втягивание» природы в жизненный процесс, то он (праксис) не может существовать без самого этого природного, объективного материала, который будет подвергнут преобразованию. Это означает, что органическая и неорганическая природа является *неотъемлемым условием и моментом* человеческой деятельности (Лукач 1991: 35–36). Сам Маркс настолько глубоко сближает человека и природу, что рассматривает последнюю в качестве *внешнего тела человека* (Маркс 1956: 565).

Каким же образом, с точки зрения К. Маркса, протекает процесс осуществления человеческой деятельности? Самое ближайшее рассмотрение показывает, что К. Маркс, начиная с самых ранних работ и заканчивая «Капиталом», в качестве фундаментального имманентного механизма реализации праксиса полагал диалектику двух процессов – *Äußerung* и *Aneignung*, которая в своих общих чертах восходит к идеям И.-Г. Фихте об активности человеческого сознания и анализу труда, предпринятому Г.В.В. Гегелем в «Феноменологии духа». Категории *Äußerung* и *Aneignung* терминологически фиксируются самыми разными способами. Так, например Г.С. Батищев передает их марксовыми же терминами *опредмечивание*

и *распредмечивание*; В.Ф. Шелике – категориальной парой *овнешнивание – овнутривание*; психологи С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев и П.Я. Гальперин – парой *экстериализация – интериоризация*; в некоторых других контекстах употребляют такие пары, как *отсвоение – присвоение/усвоение, производство – потребление, проявление-себя-в-мире – делание-предмета-своим*. В самом общем виде диалектика *Außerung* и *Aneignung* такова:

1. Сначала осуществляется процесс *Außerung* – деятельный переход *внутреннего, идеального* (т.е. содержания психики человека – сознания, бессознательного, целеполаганий, эмоций, мыслей и т.д.) во *внешнюю форму существования*, в которой это внутреннее «застывает», «кристаллизуется», *овеществляется*, то есть происходит *опредмечивание (Vergegenständlichung)* идеального (Маркс 1968: 25, 27). Стало быть, процесс *Außerung* обнаруживает себя в двух моментах: с одной стороны, «продукт труда есть труд, закрепленный в некотором предмете, овеществленный в нем, это есть *опредмечивание* труда. Осуществление труда есть его *опредмечивание*» (Маркс 1956: 560-561), с другой – «в конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, то есть *идеально*» (Маркс 1960: 189).

2. После того, как предметность создана, ею начинают пользоваться другие люди. Так, они пользуются материальной вещью, воспринимают и определенным образом интерпретируют мои слова и жесты, читают тексты, слушают музыку, наблюдают выражение моего лица, эмпатически переживают мое настроение и т.д. То есть, они каким-то образом действуют с предметностью и в процессе этой деятельности *распредмечивают* заложенное мною в ней *идеальное* содержание, то есть осуществляют *распредмечивание (Entgegenständlichung, Aneignung)*, когда «покоящееся свойство» (*ruhende Eigenschaft*) из предмета обратно переходит в форму деятельности (*Unruhe*) (Маркс 1960: 191-192). *Aneignung* тогда можно будет определить как *обратный деятельный переход идеального, опредмеченного ранее во внешней предметности, во внутренний план психики* (Jantzen 1991: 199-228).

3. В качестве диалектического единства этих двух процессов конституируются определенные *отношения между людьми*, между их сознаниями, посредниками между которыми становится *предметность* (Можеева 1978). Только в предметной деятельности и возникает *совместность* человеческого бытия. Это означает, что материальная и идеальная *предметность (Gegenständlichkeit)*, созидаемая в процессе развертывания праксиса, является подлинным базисом *социальной связи* между индивидами, является основой, ибо только через совместную (интерактивную) предметную деятельность индивиды только и вступают в отношения друг с другом: «... обработанный человеком предмет есть, таким образом, узел отношений индивидуального и социального» (Можеева 1978: 269). *Предмет оказывается посредником между людьми*, то есть в предметности оказывается *фундированной общность, социальность* человеческих индивидов: «...предмет [*Gegenstand*], как *бытие [Sein]* для человека как *предметное бытие человека*, есть в то же время *наличное бытие [Dasein]* человека для другого человека, его *человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение чело-*

века к человеку» (Маркс, Энгельс 1955b: 47). *В форме предмета человек имеет дело с другим человеком, ибо «предмет, являющийся непосредственным продуктом деятельности его [человека] индивидуальности, вместе с тем оказывается его собственным бытием для другого человека, бытием этого другого человека и бытием последнего для первого» (Маркс 1956: 589).*

Это, далее, означает, что только в этих практических, предметно-деятельностных отношениях с этим миром человек и обнаруживает свою собственную *субъективность (Subjektivität)*, ибо «человеческая субъективность не имеет самостоятельного существования в непредметной форме», так как «созданные человеком предметы, человеческие произведения – это единственная реальная жизнь человеческой субъективности, ее объективированный момент, вне которого человеческая субъективность есть чистая возможность, негативность человеческого “Я”» (Можеева 1978: 272).

Исходя из этого сущностного и структурно-динамического анализа, можно дать следующее определение: *деятельность (праксис) – это единая материально-духовная, субъект-объектная и субъект-субъектная сознательная целеполагающая социальная предметная преобразующая активность, свойственная только человеку, реализуемая в процессах опредмечивания и распредмечивания, и представляющая собой целенаправленный сознательный процесс преобразования материального или идеального объекта индивидуальным или коллективным субъектом с помощью материальных или когнитивных средств в целях удовлетворения своих потребностей, то есть такое изменение исходных свойств объекта, изначально не позволяющих удовлетворить конкретную потребность, которое (преобразование) придает этому объекту новые (как правило, ранее не существовавшие) свойства, уже позволяющие удовлетворить именно эту потребность.*

IV.3. Сущность человека как социальность (ансамбль общественных отношений). Итак, установив в «Рукописях 1844 г.» и развив эти идеи в «Капитале» то, что праксис носит преобразующий предметный характер и то, что только через взаимодействия с предметами посредством механизмов опредмечивания и распредмечивания человек вступает в отношения с другими людьми, отношения, которых сущностно лишены животные, – общественные отношения (*gesellschaftliche Verhältnisse*), Маркс весной 1845 г. делает еще один шаг в углублении своего представления о родовой сущности человека. В заметках, названных «к Фейербаху» (*ad Feuerbach*), *родовую сущность человека* он определяет как ансамбль общественных отношений: «...но сущность человека, – пишет Маркс, – в своей действительности... есть совокупность [*ensemble*] общественных отношений» (Маркс 1955d: 3; Marx 1978: 6; Marx 1998: 20).

В связи с такой формулировкой сразу же возникает вопрос: каким же образом можно связать между собою два противоречащих друг другу определения: с одной стороны, сущность человека определяется в *конструктивистской* парадигме через *преобразующую сознательную предметную активность* (люди сами формируют свою сущность), с другой – в *неконструктивистском* ключе через «ансамбль общественных отношений» (люди

оказываются существами, отражающими в себе окружающие мир отношений). При всей внешней видимой несовместимости двух этих позиций, они, тем не менее, они выражают диалектические стороны одного и того же. Наш дальнейший анализ это продемонстрирует. Сейчас же только укажем на следующий момент.

Коль скоро, деятельность человека всегда протекает в конкретных природных, социальных, культурных, исторических условиях и структурах, которые, в свою очередь, постоянно преобразуются праксисом, то ее содержание «наполняется», с одной стороны, предметным взаимодействием действующего субъекта (человека и общества) с объектным миром, втянутым в сферу праксиса; с другой стороны, – всеми теми отношениями, которые возникают в процессе совместной деятельности (ср.: Ehlen 1985: 39). А это значит, что человеческая сущность одновременно представляет собой и *деятельность*, и *совокупность всех тех общественных отношений*, в которых эта деятельность разворачивается, которые она порождает, вне и без которых не может существовать. Таким образом, уже в этом определении сущности человека Маркс в имплицитной форме утверждает, что сущность эта имеет не только социально-статический, структурный, но и динамический (исторический) аспект, ибо *содержание* ансамбля общественных отношений каузально и темпорально зависит от того предметного мира, с которым вступает в эти отношения индивид.

Согласно Марксу, нас связывают не столько «символические интеракции» вроде языка или жестов и их культурно детерминированные индивидуальные «интерпретации», сколько именно предметность, в которой овеществлены наши практические связи и отношения. Уберите этот предметный мир и вслед за ним исчезнут «интеракции» и «интерпретации», которые представляют собой важный, но все же *сущностно вторичный* аспект социальной связи. Так, Э. Читти рассматривает праксис в качестве особого, *сущностного способа отношения к вещам и друг к другу (essential way of relating to things and to each other)*. Под *Praxis*'ом, пишет он, «Маркс имеет в виду не физическую активность вообще, а что-то вроде “производства вещей друг-для-друга”, где “производство” [*producing*] – это превращение [*making*] чего-то в нечто *иное*, чем могут в дальнейшем пользоваться другие члены нашего рода. Когда мы *производим* для-Других [представителей нашего вида] и *используем* то, что Другие произвели для-нас, – тогда это делает нас членами *нашего рода*. Стало быть, это – весьма своеобразный род» (Chitty 1997: 91).

И в этом контексте Э. Читти для описания *Praxis*'а, порождаемых им производственных отношений и конституирования рода (*Мы*) вводит понятие *интерконституитивности* [*interconstitutive*]. Дело в том, что «каждый индивид конституируется в качестве члена рода в силу отношений производства и использования продукта (производственных отношений), которые возникают между этим лицом и другими членами рода, которые, в свою очередь, образуются в качестве членов вида таким же образом». Иными словами, только «в силу производственных отношений, посредством которых мы взаимодействуем друг с другом, мы все полагаем друг друга и в качестве членов рода» (Chitty 1997: 91). Именно поэтому «производствен-

ные отношения являются “интерконститутивными”, а «их различные формы представляют собой не просто разные формы общества, но разные способы быть такими, какие мы есть: в терминологии Маркса, *разные способы быть человеком [different ways of being human]*» (Chitty 1997: 91-92). Поэтому К. Маркс постоянно подчеркивает, что *общество* представляет собой не механический конгломерат индивидов вида *Homo Sapiens* или социальных групп, а *конкретные формы их совместной предметной деятельности по производству и воспроизводству их наличного бытия*. «Что же такое общество, какова бы ни была его форма? – спрашивает Маркс, и отвечает. – Продукт взаимодействия людей» (Маркс 1962: 402). – *Это свойство предметной деятельности людей порождает intersубъективную сцепленность индивидов во взаимосвязанную целостность живого общественного организма называется социальностью (Gesellschaftlichkeit)*.

IV.4. Историчность родовой сущности. Если в работах первой половины 1840-х гг. Маркс постоянно говорит о «родовой сущности человека», то начиная с «Немецкой идеологии», написанной совместно с Ф. Энгельсом (сентябрь 1845 – август 1846), они постоянно вращаются вокруг «действительных индивидов», «их деятельности», «производства/созидания и общения», вокруг того, чем же человек *сущностно* отличается от животного (Маркс, Энгельс 1955а: 19).

Согласно Марксу и Энгельсу, практически созидая intersубъективный мир предметностей (культуру), человек тем самым конституирует самого себя как человека: предметный мир вещей, общественных отношений, сформировавшихся в процессе предшествующей деятельности, не является внешним, равнодушным по отношению к человеку, ибо этот мир оказывается *воплощением самого человека*, воплощением его замыслов, идей, его страстей и потребностей, его *внутреннего мира*. «Та сумма производительных сил, капиталов и социальных форм общения, – пишет он, – есть реальная основа того, что философы представляли себе в виде “субстанции” и в виде “сущности человека”» (Маркс, Энгельс 1955а: 37).

Через полгода после окончания работы над «Немецкой идеологией», в книге «Нищета философии», написанной на французском языке в начале 1847 г. и направленной против П.-Ж. Прудона, Маркс делает своеобразный прорыв в своих исследованиях сущности человека, выходит на новую, более высокую, ступень ее освоения, хотя имплицитно уже содержащуюся в первоначальных интуициях 1843 г. Отныне природа человека понимается им не как нечто данное, социально и деятельно сформированное, но как *динамическое и историчное*: «...вся история, – утверждает Маркс, – есть не что иное, как непрерывное изменение человеческой природы» (Маркс 1955с: 162). «Личность, – комментирует Маркса Ж. Лакруа, – феномен древний и относительно современный, он особенно современен, если рассматривать его в совокупной человеческой истории. *И это потому, что личность есть само развитие человеческого существа*. История человечества представляет собой непрерывный прогресс, и Маркс, например, это прекрасно показал. Человечество с момента своего зарождения эволюционировало, шло по пути прогресса, готовя таким образом формирование личности» (Лакруа 2004: 16).

Данное положение развивается Марксом в знаменитом (а методологически – важнейшем) *Введении к Grundriße*, написанном в конце августа 1857 г., где он, критикуя «пророков XVIII века», Ж.-Ж. Руссо, А. Смита, Д. Риккардо и их последователей за робинзонаду, пишет: «...индивид XVIII века – продукт, с одной стороны, разложения феодальных общественных форм, а с другой – развития новых производительных сил, начавшегося с XVI века, – представляется идеалом, существование которого относится к прошлому; он представляется им не результатом истории, а ее исходным пунктом, ибо именно он признается у них индивидом, соответствующим природе, согласно их представлению о человеческой природе, признается не чем-то возникающим в ходе истории, а чем-то данным самой природой» (Маркс 1968: 18). Этот момент историчности человеческой сущности еще раз фиксируется Марксом в *Grundriße*: человек «не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления» (Маркс 1968: 476).

Наконец, еще в одном месте: «История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности» (Маркс, Энгельс 1955а: 44-45).

Поскольку существеннейшей характеристикой праксиса является ее *преобразующий* характер, то изменения природных, предметных, социальных и идеальных объектов, отношений, структур, а также и самих субъектов приводит к созиданию новых условия бытия-в-мире. Поэтому социальные отношения и структуры, которые сформировались в результате деятельности одного поколения, с необходимостью *преобразуются* в практической деятельности поколения последующего, то социальность оказывается *темпорально-преемственной*, то есть *историчной*. Именно поэтому Маркс говорит, что «история – не что иное, как деятельность преемствующего свои цели человека» (Маркс, Энгельс 1955b: 102) и что «люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» (Маркс 1957: 119). Эта *способность людей в своей деятельности преобразовывать наличный предметный универсум, сохранять измененные состояния предметно-социального мира и сцеплять их в единый темпоральный процесс развития* и есть *историчность (Geschichtlichkeit)*, которая также оказывается специфической характеристикой человеческого способа бытия и атрибутом его родовой сущности.

IV.5. Человек как страдающее (неравнодушное) существо. Развивая свою концепцию предметной преобразующей деятельности, Маркс в работах второй половины 40-х гг. выводит еще одну специфическую характеристику родовой сущности человека. Так, с его точки зрения, вкладывая свою душу в предметность в момент осуществления *опредмечивания-Äußerung*

(Маркс 1956: 561; Ehlen 1985: 35) и вбирая в себя самого душу другого в актах *распредмечивания-Aneignung*, человек с необходимостью как-то *относится* к предметному миру, а значит, *эмоционально переживает* свое отношение к нему, ибо предмет оказывается ни чем иным, как внешним обнаружением человеческой души, его собственного внутреннего мира. Именно поэтому «предметное бытие», согласно Марксу, является «*раскрытой книгой человеческих сущностных сил*, чувственно представшей перед нами человеческой психологией» (Маркс 1956: 594), и вне этого мира конкретных связей с предметами человека *нет*. Человек в данном случае понимается Марксом «как тотальность человеческого проявления жизни» (Маркс 1956: 591). В *практике человек опредмечивается, а предмет очеловечивается*: внешний, объективный универсум вещей постепенно становится *человеческим миром*, так как в своем трудовом акте человек реализует свои собственные *сущностные силы*, то есть выражает сам себя, свой творческий замысел в свободной деятельности, формируя мир по своему образу и подобию. Эта *практическая живая и жизненная* связь человека с миром обнаруживает себя в форме *неравнодушного* отношения-к-миру, *эмоционально-экзистенциальной захваченности* человека миром и мира человеком.

Поэтому, пишет Маркс, «*быть чувственным, то есть быть действительным, это значит быть предметом чувства, быть чувственным предметом, то есть иметь вне себя чувственные предметы, предметы своей чувственности. Быть чувственным значит быть страдающим [Sinnlich sein ist leidend sein]. Поэтому человек как предметное, чувственное существо есть страдающее существо [leidenschaftliches Wesen]*» (Маркс 1956: 632).

Таким образом, когда Маркс говорит об «общественных отношениях» как сущности человека, то он имеет в виду то, что некоторый общественный субъект вступает в связь *со всем миром как объектом его жизненной практики*. Мир (*die Welt*) здесь оказывается не только *окружающим миром (die Umwelt)*, не только *совместным человеческим миром (die Mitwelt)*, – ведь *праксис всегда осуществляется совместно с Другими (zusammenwirken)*, но и *внутренним, экзистенциальным миром человека (die Eigenwelt)*. А коль скоро субъект-субъектные и субъект-объектные предметные связи конституируют человеческую субъективность, то это означает, что каждый конкретный человек представляет собой *тотальность* своих предметно-практических взаимоотношений со всеми объектами окружающего мира, которые оказываются втянутыми в его деятельность.

Но *специфически человеческим* страдание становится только тогда, когда оно порождается *человеческим* способом бытия-в-мире – *праксисом* (Маркс 1956: 565-566; Маркс 1960: 195). Человек *как человек* может быть только через свою *неравнодушную* связь с миром, поэтому мир (*die Welt*) – это «*выражение [Äußerung] человеческой действительности, проявление его жизни [seine Lebensäußerung]*» (Маркс 1956: 590) в которой он осуществляет свою собственную действительность, в которой он только и становится *человеческим*. Поэтому, чтобы чувствовать себя *человеком*, человеческое существо по своей природе всегда имеет *имманентную* потребность быть связанным с миром.

В силу этого одним из важнейших конститутивных моментов человеческого бытия является то, что человек всегда находится в *отношениях-с-миром*: человек, с точки зрения К. Маркса, никогда не существует как замкнутое-в-себе-бытие, ибо он, во-первых, всегда есть существо, *действующее-в-мире*, поэтому мир уже *a priori* встроен в человеческое существование и человеческое существование *встроено в мир*; во-вторых, человек берется Марксом сразу же как существо *общественное*, которое неотделимо от своего *общения* и от своих *отношений с миром*.

Безусловно, животное тоже «переживает» свое бытие – радуется, печалится, грустит, тоскует. Однако «там, где существует какое-нибудь отношение, – пишет К. Маркс, – оно существует для меня, животное не “относится” ни к чему и вообще не “относится”; для животного его отношение к другим не существует как отношение» (Маркс, Энгельс 1955а: 29). Человек же, в отличие от него, *осознает* свое переживание, и тем самым превращается в *страдающее (сопереживающее) существо par excellence*. Человек по своей сущности – существо *страдающее, равнодушное*, эмоционально переживающее и осознающее свои отношения-с-миром и свои экзистенциальные отношения-к-миру.

Маркс такое сугубо человеческое переживание-осознание называет *отношением*, или *общением*, которого сущностно лишены животные, и которое обнаруживает себя в *эмоционально-экзистенциальной захваченности* человека миром и мира человеком. Человек оказывается существом, *эмоционально переживающим* свою связь, свое *общение (Verkehr)* с миром в форме *равнодушного (симпатического, страдательного) отношения-к-миру (Verhältnis zur Welt)*. *Человеческое отношение-к-миру (menschlich Verhältnis zur Welt)* – одна из центральных и фундаментальных категорий марксова учения о человеке и его сущности.

IV.6. Синтетическая дефиниция. Наконец, в первом томе «Капитала» (1867) Маркс *синтезирует* все выше представленные подходы. Так, он пишет: «Если мы хотим узнать, что полезно, например для собаки, то мы должны сначала исследовать собачью природу. Сама же эта природа не может быть сконструирована “из принципа полезности”. Если мы хотим применить этот принцип к человеку, хотим по принципу полезности оценивать всякие человеческие действия, движения, отношения и т.д., то мы должны знать, *какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху*» (Маркс 1960: 623).

При ближайшем рассмотрении мы видим, что Маркс здесь, с одной стороны, выделяет «*человеческую природу вообще*», то есть некий *инвариант*; с другой стороны, эта «*человеческая природа вообще*» *постоянно модифицируется в каждую конкретную историческую эпоху*, то есть имеются различные исторические *варианты* этой природы-вообще. – Что же это за «человеческая природа вообще»? Ответ мы находим здесь же, в первом томе «Капитала». «Процесс труда... в простых и абстрактных его моментах, – пишет Маркс, – есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и при-

родой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее формам» (Маркс 1960: 195).

Та же мысль содержится в работе 1859 г.: «Как целесообразная деятельность, направленная на освоение элементов природы в той или иной форме, труд составляет естественное условие человеческого существования, условие обмена веществ между человеком и природой, независимое от каких бы то ни было социальных форм» (Маркс 1959: 23). В другом месте «Капитала» читаем: «...труд как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд, есть не зависящее от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, то есть не была бы возможна сама человеческая жизнь» (Маркс 1960: 51).

Таким образом, «человеческая природа вообще» – это, по Марксу, – *труд* (как продуктивная деятельность по созиданию потребительных ценностей), *праксис*. И именно эта *инвариантная деятельность* человеческая природа вообще (*Wesen*) варьируется, модифицируется в каждую конкретную историческую эпоху, то есть в своем конкретном *содержании* зависит от того, в каких социальных условиях живет человек. Сущность этих социально-исторических модификаций можно понять только тогда, когда практика рассматривается не в качестве чистого акта преобразования, а в качестве тотальности своих имманентных содержаний и структур. Именно подобное рассмотрение праксиса позволило Марксу перейти от абстракций типа *homo faber* и *homo creator* к анализу *конкретно-исторических типов человека*. Тезис Маркса об историчности человеческой сущности надо понимать *буквально*: первобытный человек, человек эпохи средневековья и современный буржуазный человек – *люди*, но в силу того, что их бытие (деятельность) разворачивается в *различных условиях*, то они в то же самое время суть *различные люди*. И поэтому *нельзя* переносить характерные черты, присутствующие, например, современному человеку, на людей средневековой эпохи и считать их подверженным точно таким же страстям или мифам сознания, каким подвержен современный человек.

Что мы наблюдаем в этих определениях человеческой сущности? В первую очередь то, что во всех случаях *человеческая деятельность* и ее *историчный* характер стоят как бы постоянным, неустрашимым фоном. «Самый общий момент, – справедливо констатирует Т. Рокмор, – заключается в том, что с точки зрения Маркса, уходящей в философию Гегеля, все человеческое, включая экономику, в конечном счете является историческим» (Рокмор 2011: 354).

Во-вторых, мы видим, что Маркс движется в определении сущности человека от *индивида* (фейербаховское влияние) через *социализированного индивида* к *ансамблю общественных отношений*. Поэтому позже Маркс почти не употребляет понятие *человек*, говоря о «*конкретных живых индивидах*», акцентируя внимание на *диалектическом единстве индивидуального и социального в человеке*, ибо «индивид может обособляться только в обществе» (Маркс 1968: 18).

В-третьих, у Маркса, с одной стороны, деятельность выступает как *инвариантная* родовая сущность человека вообще, с другой – каждый конкретный индивид всегда оказывается погруженным в *уникальный* ансамбль общественных и индивидуальных отношений, порождаемых социально-историческим *существованием* каждого конкретного живого индивида. Стало быть, *инвариантная сущность воплощается в уникальном историческом существовании*.

Заключение. Подводя итог, следует сказать, что у К. Маркса имеется оригинальная концепция родовой сущности человека¹, в рамках которой различных контекстах К. Маркс определяет родовую сущность человека по-разному:

- в онтологическом аспекте как *универсальность*, то есть независимость от ограничений, налагаемых природой и инстинктами, то есть как не-инстинктивную, не-природную активность, разворачивающуюся по искусственным (сознательным, идеальным, целеполагающим) программам;
  - в социально-философском – как *ансамбль общественных отношений*;
  - в экзистенциальном – как *страдание*, как *способность к переживанию своего бытия-в-мире и равнодушному отношению к миру*;
  - в философско-историческом – как *темпоральное и историчное существо*;
- Однако наиболее фундаментальной дефиницией является философско-антропологическое определение родовой сущности человека через *праксис*, ибо из него можно вывести все остальные атрибутивные определения человека.

Стало быть, учитывая эксплицированные выше моменты родовой сущности, человека, *по Марксу*, можно определить как живое уникально-родовое (социально-индивидуальное) *целостное* существо, сущностью и способом существования которого является общественная сознательная целеполагающая преобразующая предметно-орудийная материально-духовная деятельность (*праксис*), приносящая человеку при своей реализации удовлетворение и наслаждение; существо, бытийствующее по неприродной искусственной универсальной программе, и которое представляет собой конкретно-историческое единство субъектно-внутреннего бытия (тело и индивидуальное сознание, психика), изначально встроенное в объектно-внешний мир (природа, культура, общество, мир символов, общественное сознание) и диалектически связанное с ним, формирующееся и обнаруживающее себя в интерсубъективности общественных отношений, а также, как существо страдающее, переживающее свое бытие-в-мире в форме неравнодушных, экзистенциальных отношений-к-миру и самому себе.

Исходя из этих характеристик, конституирующих человека как *человека*, можно сказать, что с точки зрения классического марксизма, будущее общество останется *человеческим и человеческим*, только и только тогда, если сохранит в своем арсенале *праксис, диалектическое единство физического и*

---

¹ В настоящей статье описана только, так сказать, «идеальная» модель родовой сущности человека, ибо, согласно Марксу, в реальности, и она, и человеческий *праксис*, существуют в *отчужденных* формах (Axelos 1997; Meszaros 1970; Ollman 1976). Но это – тема последующего исследования.

психического, общественные и индивидуальные непосредственные телесно-контактные отношения, доверие и внутриведущую сплоченность, способность к симпатическому сопереживанию и взаимопомощи, понимающую другого, свою универсальность. Что же касается собственно антропологической катастрофы, связанной с потерей человека в разного рода трансгуманистических перспективах, то тут, с марксистской точки зрения, можно сказать только одно: если в искусственном теле все эти конститутивные моменты сохранятся, то человек останется человеком... Другое дело – каким человеком?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Анри М. 2010. Проникновение в мысль Маркса // Историко-философский ежегодник'2009. Москва : Наука. С. 229-245.
- Аристотель. 1983. Политика // Аристотель. Собрание сочинений : в 4 т. Москва : Наука. Т. 4. С. 375-644.
- Батищев Г.С. 1969. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии / ред. коллегия: И.Ф. Балакина, Б.Т. Григорьян, С.Ф. Одуев, Л.А. Шершенко. Москва : Наука. С. 73-144.
- Грамши А. 1983. Формирование человека : (Записки о педагогике). Москва : Педагогика. С. 59-80.
- Ильенков Э.В. 1984. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. Москва : Политиздат. 320 с.
- Иоанн Дамаскин. 2002. Источник знания. Москва : Индрик. 416 с.
- Лакруа Ж. 2004. Персонализм: истоки – основания – актуальность // Ж. Лакруа. Избранное. Персонализм. Москва : РОССПЭН. С. 5-165.
- Лукач Д. 1991. К онтологии общественного бытия. Прологомены. Москва : Прогресс. 412 с.
- Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. 2007. Философская антропология Карла Маркса. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 240 с.
- Маркс К. 1955а. К критике гегелевской философии права. Введение // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 1. С. 414-429.
- Маркс К. 1955b. Критические заметки к статье «Пруссак» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 1. С. 430-443.
- Маркс К. 1955с. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 4. С. 65-185.
- Маркс К. 1955d. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 3. С. 1-4.
- Маркс К. 1956. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Из ранних произведений. Москва : Политиздат. С. 517-642.
- Маркс К. 1957. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 8. С. 115-217.
- Маркс К. 1959. К критике политической экономии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 13. С. 1-167.
- Маркс К. 1960. Капитал. Критика политической экономии. Т. I // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 23. С. 1-907.
- Маркс К. 1962. Письмо П.В. Анненкову 28 декабря 1846 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 27. С. 401-412.
- Маркс К. 1966. Заметки по поводу книги Джемса Милля // Вопросы философии. № 2. С. 113-127.
- Маркс К. 1968. Экономические рукописи 1857–1859 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 46, ч. 1. С. 3-508.

- Маркс К. 1973. Экономические рукописи 1861–1863 гг. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 47. С. 3-612.
- Маркс К. 1974. Конспект книги Дж. Милля «Основы политической экономии» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 42. С. 5-40.
- Маркс К. 1975. Единение верующих с Христом по Евангелию от Иоанна // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 40. С. 590-593.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1955a. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 3. С. 9-544.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1955b. Святое семейство // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 2. С. 3-230.
- Мегилл А. 2011. Карл Маркс: время разума. Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация». 336 с.
- Можеева А.К. 1978. Проблема человеческой субъективности в свете марксовской теории исторического процесса // Человек и его бытие как проблема современной философии. Москва : Наука. С. 252-277.
- Рокмор Т. 2011. Маркс после марксизма: Философия Карла Маркса. Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация». 400 с.
- Фромм Э. 1998. Концепция человека у К. Маркса // Э. Фромм. Душа человека. Москва : АСТ-ЛТД. С. 585-646.
- Фромм Э. 1993. Вклад Маркса в познание человека // Э. Фромм. Психоанализ и этика. Москва : Республика. С. 344-357.
- Цанн-кай-си Ф.В. 1973. Проблема человека в работах Маркса 40-х гг. XIX в. Владимир : Изд-во Владимир. ун-та. 192 с.
- Энгельс Ф. 1961. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 21. С. 269-317.
- Энгельс Ф. 1964. Письмо П.Л. Лаврову, 12–17 ноября 1875 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 34. С. 133-138.
- Archibald W.P. 1989. Marx and the missing link: «Human nature». London : Palgrave Macmillan UK. IX, 313 p.
- Avineri S. 1968. The Social and Political Thought of Karl Marx. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 269 p.
- Axelos K. 1997. Alienation, Praxis, and Techne in the Thought of Karl Marx. Austin : Univ. of Texas Press. 401 p.
- Bernstein R.J. 1971. Praxis and Action: Contemporary Philosophies of Human Activity. Philadelphia : Univ. of Pennsylvania Press. 344 p.
- Chitty A. 1997. First person plural ontology and praxis // Proceedings of the Aristotelian Society. № 1. P. 81-96.
- Ehlen P. 1985. The Human Significance and Dignity of Labor: A Keyword in Marxian Anthropology // Studies in Soviet Thought. Vol. 29, № 1. P. 33-46.
- Feenberg A. 2014. The Philosophy of Praxis. Marx, Lukács and the Frankfurt School. London : Verso. 304 p.
- Jantzen W. 1991. Psychologischer Materialismus, Tätigkeitstheorie, Marxistische Anthropologie. Berlin : Argument. 372 S.
- Jaeggi R. 2013. Nach Marx: Philosophie, Kritik, Praxis. Berlin : Suhrkamp Verlag. 518 S.
- Löwith K. 1993. Max Weber and Karl Marx. London ; New York : Routledge. 135 p.
- Maguire J. 1973. Marx's Paris Writings. New York : Barnes & Noble. 169 p.
- Marković M. 1968. Dialektik der Praxis. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag. 135 S.
- Marx K. 1968. Ökonomisch-philosophischen Manuskripten aus dem Jahre 1844 // K. Marx, F. Engels. Werke. Berlin : Dietz Verlag. Bd. 40. S. 465-588.
- Marx K. 1978. Thesen über Feuerbach // K. Marx, F. Engels. Werke. Berlin : Dietz Verlag. Bd. 3. S. 5-7.

- Marx K. 1981. Exzerpte aus James Mill: Éléments d'économie politique // Karl Marx, Friedrich Engels Gesamtausgabe (MEGA 2). 4 Abteilung. Berlin : Dietz Verlag. Bd. 2. S. 428-470.
- Marx K. 1998. ad Feuerbach // Karl Marx & Friedrich Engels Gesamtausgabe (MEGA 2). 4 Abteilung. Berlin : Akademie Verlag. Bd. 3. S. 19-21.
- Meszaros I. 1970. Marx's Theory of Alienation. London : Merlin Press. 352 p.
- Ollman B. 1976. Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society. 2nd ed. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 360 p.
- Petrović G. 1965. Praxis und Sein // Praxis. № 1. P. 41-48.
- Plamenatz J. 1975. Karl Marx's philosophy of man. Oxford : Oxford Univ. Press. 496 p.
- Sáenz M. 2007. Living Labor in Marx // Radical Philosophy Review. Vol. 10, iss. 1. P. 1-31.
- Sayers S. 1998. Marxism and Human Nature. London ; New York : Routledge. 214 p.
- Santilli P. 1973. Marx on Species-Being and Social Essence // Studies in Soviet Thought. № 13 (1-2). P. 76-88.
- Schmied-Kowarzik W. 1981. Die Dialektik der gesellschaftlichen Praxis. Zur Genesis und Kernstruktur der Marxschen Theorie. Freiburg ; München. 135 S.
- Supek R. 1969. Die Dialektik der gesellschaftlichen Praxis // Revolutionäre Praxis: Jugoslawischer Marxismus der Gegenwart. Freiburg : Rombach. S. 125-140.
- Tabak T. 2012. Dialectics of Human Nature in Marx's Philosophy. New York : Palgrave Macmillan. 231 p.
- Vázquez A.S. 2003. Filosofía de la praxis. México : Siglo Veintiuno Editores. 532 p.
- Venable V. 2011. Human Nature: The Marxian View. Whitefish (MT) : Literary Licensing, LLC. 244 p.
- Yu Wujin. 2002. How to Understand Marx's Concept of Praxis? // Philosophical Researches (Chinese). № 11. P. 22-43.
- Yu Wujin. 2009. Marx's ontology of the praxis-relations of social production // Frontiers of Philosophy in China. № 4 (3). P. 400-416.

Pyotr N. Kondrashov, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: pnk060776@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0975-4418

SPIN-код: 9945-3898

Article received 26.06.2019, accepted 16.09.2019, available online 05.10.2020

Karl Marx on species essence of a human being

Abstract. The article is based on a detailed textual analysis is the attempt of historical-philosophical explication of the formation of Karl Marx's teaching about the species essence of human beings (*Gattungswesen des Menschen*). In modern studies of Marx's philosophy, the view according to which Marx understands the nature of human beings only as «the ensemble of social relations» dominates. However, as the author shows, there are several definitions in Marx's texts. Thus, the species essence of human beings is defined as: (1) true social relation of people, genuine community (*Gemeinwesen*); (2) praxis (*Praxis*); (3) creative activity (*productive Tätigkeit, Selbstbetätigung*); (4) ensemble of social relations (*das ensemble der gesellschaftlichen Verhältnisse*). Constitutive moments of the human essence arising from the praxis as a basic characteristic of a person are: objectivity, intersubjectivity, sociality, historicity and existential indifference. It is shown that according to Marx the species essence of human being is not given by nature but arises in the course of historical development. Moreover, in the «Capital» Marx distinguishes between an invariant essence (Praxis) and the historical modifications of praxis. So, the history is understood as a «continuous change of human nature». For the

first time in the history of philosophy, the historical sequence of the development of Marx's ideas about the species essence of man is explicated. Despite the radical changes in Marx's philosophical preferences (the transition from Fichte's subjective idealism to Hegel's objective idealism and then to materialism), his ideas about the species essence of human beings however has been changing not so much as series of «jumps», but rather as a dialectical movement towards a deeper, comprehensive development and enrichment of the original humanistic intuitions, which eventually led him to the formulation of the original concept of human being.

Keywords: Karl Marx's philosophy; species essence of human being; praxis; ensemble of social relations; sociality; objectivity; historicity; existential indifference.

For citation: Kondrashov P.N. *Karl Marks o rodovoy sushchnosti cheloveka* [Karl Marx on species essence of a human being], *Antinomii=Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 22-48. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10302. (in Russ.).

References

- Archibald W.P. *Marx and the missing link: "Human nature"*, London, Palgrave Macmillan UK, 1989, IX, 313 p.
- Aristotle. *Politika* [Politic], *Aristotel', Sobranie sochineniy*, in 4 vols., Moscow, Nauka, 1983, vol. 4, pp. 375-644. (in Russ.).
- Moskva : Nauka. 1983. T. 4. S. 375-644. (in Russ.).
- Avineri S. *The Social and Political Thought of Karl Marx*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1968, 269 p.
- Axelos K. *Alienation, Praxis, and Techne in the Thought of Karl Marx*, Austin, Univ. of Texas Press, 1997, 401 p.
- Batishchev G.S. *Deyatel'nostnaya sushchnost' cheloveka kak filosofskiy printsip* [The activity essence of man as a philosophical principle], *I.F. Balakina, B.T. Grigor'yan, S.F. Oduev, L.A. Shershenko (eds.) Problema cheloveka v sovremennoy filosofii*, Moscow, Nauka, 1969, pp. 73-144. (in Russ.).
- Bernstein R.J. *Praxis and Action: Contemporary Philosophies of Human Activity*, Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Press, 1971, 344 p.
- Chitty A. *First person plural ontology and praxis*, Proceedings of the Aristotelian Society, 1997, no. 1, pp. 81-96.
- Ehlen P. The Human Significance and Dignity of Labor: A Keyword in Marxian Anthropology, *Studies in Soviet Thought*, 1985, vol. 29, no. 1, pp. 33-46.
- Engels F. *Lyudvig Feyerbakh i konets klassicheskoy nemetskoj filosofii* [Ludwig Feuerbach and the end of classical German philosophy], *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1961, vol. 21, pp. 269-317. (in Russ.).
- Engels F. *Pis'mo P.L. Lavrovu, 12-17 noyabrya 1875 g.* [Letter to P.L. Lavrov, November 12-17, 1875], *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1964, vol. 34, pp. 133-138. (in Russ.).
- Feenberg A. *The Philosophy of Praxis. Marx, Lukács and the Frankfurt School*, London, Verso, 2014, 304 p.
- Fromm E. *Kontseptsiya cheloveka u K. Marksa* [Marx's Concept of Man], *E. Fromm. Dusha cheloveka*, Moscow, AST-LTD, 1998, pp. 585-646. (in Russ.).
- Fromm E. *Vklad Marksa v poznanie cheloveka* [Marx's contribution to human knowledge], *E. Fromm. Psichoanaliz i etika*, Moscow, Respublika, 1993, pp. 344-357. (in Russ.).
- Gramsci A. *Formirovanie cheloveka : (Zapiski o pedagogike)* [The formation of a human (notes on pedagogy)], Moscow, Pedagogika, 1983, pp. 59-80. (in Russ.).
- Henry M. *Proniknovenie v mysl' Marksa* [The penetration of Marx's thought], *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik'2009*, Moscow, Nauka, 2010, pp. 229-245. (in Russ.).
- Il'yenkov E.V. *Dialekticheskaya logika. Ocherki istorii i teorii* [Dialectical logic. Essays on history and theory], Moscow, Politizdat, 1984, 320 p. (in Russ.).

Jaeggi R. *Nach Marx: Philosophie, Kritik, Praxis* [According To Marx: Philosophy, Criticism, Practice], Berlin, Suhrkamp Verlag, 2013, 518 p. (in German).

Jantzen W. *Psychologischer Materialismus, Tätigkeitstheorie, Marxistische Anthropologie* [Psychological Materialism, Activity Theory, Marxist Anthropology], Berlin, Argument, 1991, 372 p. (in German).

John Damascus. *Istochnik znaniya* [Knowledge source], Moscow, Indrik, 2002, 416 p. (in Russ.).

Lacroix J. *Personalizm: istoki – osnovaniya – aktual'nost'* [Personalism: origins – grounds – relevance], *Zh. Lakrua. Izbrannoe. Personalizm*, Moscow, ROSSPEN, 2004, pp. 5-165. (in Russ.).

Löwith K. *Max Weber and Karl Marx*, London, New York, Routledge, 1993, 135 p.

Lukács G. *K ontologii obshchestvennogo bytiya. Prolegomeny* [To the ontology of social life. Prolegomena], Moscow, Progress, 1991, 412 p. (in Russ.).

Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. *Filosofskaya antropologiya Karla Marksa* [Karl Marx's philosophical anthropology], Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2007, 240 p. (in Russ.).

Maguire J. *Marx's Paris Writings*, New York, Barnes & Noble, 1973, 169 p.

Marković M. *Dialektik der Praxis* [Dialectics of practice], Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 1968, 135 p. (in German).

Marx K. *ad Feuerbach* [ad Feuerbach], *Karl Marx & Friedrich Engels Gesamtausgabe (MEGA 2). 4 Abteilung*, Berlin, Akademie Verlag, 1998, vol. 3, pp. 19-21. (in German).

Marx K. *Edinenie veruyushchikh s Khristom po Evangeliyu ot Ioanna* [The Unity of Believers with Christ in the Gospel of John], *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1975, vol. 40, pp. 590-593. (in Russ.).

Marx K. *Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov* [Economic Manuscripts of 1857–1859 years], *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1968, vol. 46, pt. 1, pp. 3-508. (in Russ.).

Marx K. *Ekonomicheskie rukopisi 1861–1863 gg.* [Economic Manuscripts of 1861–1863 years], *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1973, vol. 47, pp. 3-612. (in Russ.).

Marx K. *Ekonomicheskoye filosofskoye rukopisi 1844 goda* [Economic and Philosophic Manuscripts of 1844 year], *K. Marks, F. Engel's. Iz rannikh proizvedeniy*, Moscow, Politizdat, 1956, pp. 517-642. (in Russ.).

Marx K. *Exzerpte aus James Mill: Éléments d'économie politique* [Excerpts from James Mill: elements of political economy], *Karl Marx, Friedrich Engels Gesamtausgabe (MEGA 2). 4 Abteilung*, Berlin, Dietz Verlag, 1981, vol. 2, pp. 428-470. (in German).

Marx K. *K kritike gezelevskoy filosofii prava. Vvedenie* [To the criticism of political economy], *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1955, vol. 1, pp. 414-429. (in Russ.).

Marx K. *K kritike politicheskoy ekonomii* [To the criticism of political economy], *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1959, vol. 13, pp. 1-167. (in Russ.).

Marx K. *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. T. I* [Capital. Vol. 1], *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1960, vol. 23, pp. 1-907. (in Russ.).

Marx K. *Konspekt knigi Dzh. Milliya «Osnovy politicheskoy ekonomii»* [Notes on James Mill's Elements of Political Economy], *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1974, vol. 42, pp. 5-40. (in Russ.).

Marx K. *Kriticheskie zametki k stat'e «Prussaka»* [Critical Notes on the Article: “The King of Prussia and Social Reform. By a Prussian”], *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1955, vol. 1, pp. 430-443. (in Russ.).

Marx K. *Nishcheta filosofii. Otvet na «Filosofiyu nishchety» g-na Prudona* [The Poverty of Philosophy. Answer to the Philosophy of Poverty by M. Proudhon], *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1955, vol. 4, pp. 65-185. (in Russ.).

Marx K. *Ökonomisch-philosophischen Manuskripten aus dem Jahre 1844* [Economic and Philosophic Manuscripts of 1844 year], *K. Marx, F. Engels, Werke*, Berlin, Dietz Verlag, 1968, vol. 40, pp. 465-588. (in German).

Marx K. *Pis'mo P.V. Annenkovu 28 dekabrya 1846 g.* [Letter to P.V. Annenkov December 28, 1846], *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1962, vol. 27, pp. 401-412. (in Russ.).

Marx K. *Tezisy o Feyerbakhe* [Theses on Feuerbach], *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1955, vol. 3, pp. 1-4. (in Russ.).

Marx K. *Thesen über Feuerbach* [Theses on Feuerbach], *K. Marx, F. Engels, Werke*, Berlin, Dietz Verlag, 1978, vol. 3, pp. 5-7. (in German).

Marx K. *Vosemnadsatoe bryumera Lui Bonaparta* [Eighteenth Brumeraire of Luis Bonaparte], *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1957, vol. 8, pp. 115-217. (in Russ.).

Marx K. *Zametki po povodu knigi Dzhemsa Millya* [Notes on the book by James Mill], *Voprosy filosofii*, 1966, no. 2, pp. 113-127. (in Russ.).

Marx K., Engels F. *Nemetskaya ideologiya* [The German Ideology], *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1955, vol. 3, pp. 9-544. (in Russ.).

Marx K., Engels F. *Svyatoy semeystvo* [The Holy family], *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1955, vol. 2, pp. 3-230. (in Russ.).

Megill A. *Karl Marks: bremya razuma* [Karl Marx: The Burden of Reason], Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2011, 336 p. (in Russ.).

Meszaros I. *Marx's Theory of Alienation*, London, Merlin Press, 1970, 352 p.

Mozheeva A.K. *Problema chelovecheskoy sub»ektivnosti v svete marksovoy teorii istoricheskogo protsessa* [The problem of human subjectivity in the light of Marx's theory of the historical process], *Chelovek i ego bytie kak problema sovremennoy filosofii*, Moscow, Nauka, 1978, pp. 252-277. (in Russ.).

Ollman B. *Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society*, 2nd ed., Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1976, 360 p.

Petrović G. *Praxis und Sein* [Practice and being], *Praxis*, 1965, no. 1, pp. 41-48. (in German).

Plamenatz J. *Karl Marx's philosophy of man*, Oxford, Oxford Univ. Press, 1975, 496 p.

Rockmore T. *Marks posle marksizma: Filosofiya Karla Marksa* [Marx after Marxism: Philosophy of Karl Marx], Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2011, 400 p. (in Russ.).

Sáenz M. Living Labor in Marx, *Radical Philosophy Review*, 2007, vol. 10, iss. 1, pp. 1-31.

Santilli P. Marx on Species-Being and Social Essence, *Studies in Soviet Thought*, 1973, no. 13 (1-2), pp. 76-88.

Sayers S. *Marxism and Human Nature*, London, New York, Routledge, 1998, 214 p.

Schmied-Kowarzik W. *Die Dialektik der gesellschaftlichen Praxis. Zur Genesis und Kernstruktur der Marx'schen Theorie* [The dialectic of social practice. On the Genesis and core structure of Marx's theory], Freiburg, München, 1981, 135 p. (in German).

Supek R. *Die Dialektik der gesellschaftlichen Praxis* [The dialectic of social practice], *Revolutionäre Praxis: Jugoslawischer Marxismus der Gegenwart*, Freiburg, Rombach, 1969, pp. 125-140. (in German).

Tabak T. *Dialectics of Human Nature in Marx's Philosophy*, New York, Palgrave Macmillan, 2012, 231 p.

Tsann-kay-si F.V. *Problema cheloveka v rabotakh Marksa 40-kh gg. XIX v.* [The problem of man in the works of Marx 40-ies of XIX century], Vladimir, Izdatel'stvo Vladimirskogo universiteta, 1973, 192 p. (in Russ.).

Vázquez A.S. *Filosofía de la praxis* [Philosophy of praxis], México, Siglo Veintiuno Editores, 2003, 532 p. (in Spanish).

Venable V. *Human Nature: The Marxian View*, Whitefish (MT), Literary Licensing, LLC, 2011, 244 p.

Yu Wujin. How to Understand Marx's Concept of Praxis?, *Philosophical Researches (Chinese)*, 2002, no. 11, pp. 22-43.

Yu Wujin. Marx's ontology of the praxis-relations of social production, *Frontiers of Philosophy in China*, 2009, no. 4 (3), pp. 400-416.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Агаев М.А. Авторитарные тенденции в Турции и радикализация правящей Партии справедливости и развития. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10303 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 49–70.

УДК 32.329.051

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10303

Авторитарные тенденции в Турции и радикализация правящей Партии справедливости и развития

Мирильяс Азад оглы Агаев

аспирант Института философии РАН,
г. Москва, Россия.

E-mail: fabreardeo@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3705-0485

SPIN-код: 5455-0265

*Статья поступила 08.07.2020, принята к печати 20.09.2020,
доступна online 05.10.2020*

Статья посвящена такому фактору становления авторитарных тенденций в Турции, как радикализация правящей Партии справедливости и развития. Автор, ссылаясь на концепции «демократического отступления» и «третьей волны демократического отката», рассматривает изменения, привнесенные в функционирование правящей партии, в качестве одной из основных причин смены методов государственного управления турецкой элитой. Выделяя два этапа в развитии политического режима Р.Т. Эрдогана: 2002–2011 гг. – демократизация и 2011 г. – н.в. – авторитарный поворот, он делает акцент на объяснении особенностей политического курса данных этапов с точки зрения изменения структуры и трансформации дискурса правящей партии и приходит к выводу о том, что изменение таких свойств политической стратегии, как коалиционность, популистская ориентация, опора на реформы

© Агаев М.А., 2020

и принципы либеральной демократии, умеренный характер политического стиля, привело к радикализации Партии справедливости и развития. Радикализация проявилась в антизападном внешнеполитическом курсе Турецкой Республики, преобладании негативной политической риторики по отношению к оппонентам и деактивизации принципа сдержек и противовесов в пользу расширения полномочий и роли исполнительной власти в лице Президента Турции Р.Т. Эрдогана. Немаловажным фактором является воздействие «внешних шоков» на политическую систему, к которым следует отнести рост протестных настроений, коррупционные скандалы, связанные с политическим окружением Р.Т. Эрдогана, усиление влияния оппозиционных партий на систему, использующих любую возможность ограничения власти Р.Т. Эрдогана вплоть до организации попытки военного переворота. Ввиду сложившейся политической ситуации для предотвращения падения рейтинга Партии справедливости и развития вносились коррективы в ее деятельность. Автор указывает, что в дальнейшем они способствовали созданию условий для авторитарного поворота, делая особый акцент на популистские стратегии.

Ключевые слова: выборы, демократия, политический режим, популизм, Партия справедливости и развития, Турция, Эрдоган.

Партия справедливости и развития (ПСР) пришла к власти по итогам парламентских выборов 2002 г. Победа ПСР стала положительным импульсом для турецкой политики после периода нестабильности 1990-х гг. На первом этапе деятельности партией (2002–2011 гг.) был принят курс на демократизацию и либерализацию. Но на втором этапе (2011 г. – н.в.) власть начала опираться на принуждение, а не на согласие различных политических сил, что ухудшило качество демократии (Tansel 2018: 198).

Отчетливо это прослеживается в изменении индекса свободы Freedom House. Лучшего результата за время правления Президента Р.Т. Эрдогана Турция достигла в 2005 г. (3 балла), что позволило ей закрепиться в категории частично свободных государств¹. Но в дальнейшем рейтинг снижался. В 2018 г. Турция получила 5,5 баллов, переместившись в группу несвободных стран². Одной из причин ухудшения ситуации является отказ ПСР от ранее принятых принципов функционирования. Именно это привело к радикализации политического курса правительств, сформированных из членов правящей партии.

В статье рассматривается проблема радикализации ПСР, подчеркивается ее роль в развитии авторитарных тенденций в Турции начиная с 2011 г. и исследуется связь популизма с этими процессами. Мы полагаем, что радикализация ПСР – это важный фактор развития указанных тенденций, из чего вытекает, что партия выступает важной составляющей режима Эрдогана. Любое изменение в партии влияет на всю систему, на что не всегда ссылаются при анализе политических трансформаций в Турции. Ввиду высокой степени деинституционализации политической системы Турции (Lancaster 2014, Bashirov, Lancaster 2018) ПСР остается одним из немногих политических институтов, который решает задачу легитимации власти Р.Т. Эрдогана. В свою очередь, значимым фактором радикализации партии становится по-

---

¹ URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2005/turkey>

² URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2018/turkey>

пулизм, действие которого конструирует новые формы авторитарного процесса, ориентированные на мобилизацию поддержки электората.

Под демократией мы будем понимать либеральную демократию. Данное значение было принято по нескольким причинам. Во-первых, тема влияния популизма на демократию актуальна для современной политической теории и практики. Во-вторых, в контексте популизма выделяется оппозиция конкретно с либеральной моделью демократии, а не с идеей демократии в принципе. В-третьих, некоторые авторы предполагают, что популисты позиционируют себя в качестве защитников демократии, предлагая исправить изъяны либеральной модели (De la Torre 2017, Laclau 2005, Pappas 2014, Panizza 2005). В-четвертых, существуют данные, подтверждающие снижение качества демократии в важных для либеральной модели категориях, когда у власти находятся популисты (Kyle, Mounk 2018).

Турецкий политический режим с точки зрения политологических исследований 1960-х, 1970-х и 2000-х гг. является классическим примером демократизирующегося. Успехи в демократическом развитии 60-х гг. XX в. на фоне военного переворота 1960 г. обратили внимание политологов на Турцию. Правление ПСР продолжило эту традицию; расширение гражданских прав положительно воспринималось в академической среде. Но в связи с тенденциями последних лет Турция приобрела репутацию режима, усиливающего свои авторитарные черты. Политолог Н. Бермео выдвигает гипотезу «демократического отступления», понимая под этим термином «заявленное ослабление или ликвидацию любого политического института, поддерживающего существующую демократию» (Bermeo 2016: 5). А. Люрманн и С. Линдберг также относят Турцию к государствам, совершающим «демократическое отступление» (Lindberg, Lührmann 2018: 12). Эти же политологи говорят о зарождении «третьей волны демократического отката» (Lindberg, Lührmann 2019: 1102). В качестве одного из примеров ухудшения демократии Турция упоминается и в докладе А. Паддингтона, в котором отмечается актуальность для нынешнего руководства государства принципа мажоритаризма, пересмотра истории и смысла демократии (Puddington 2017: 7-8). З. Йылмаз со ссылкой на теорию символической власти К. Лефора объясняет нарастание авторитарных тенденций нарушением принципа «пустого места» (Yilmaz 2019: 718). М. Мюфтелер-Баç пишет о роли контроля исполнительной власти над судебной (Müfteler-Baç 2015: 30). Соглашаясь с вышеперечисленными точками зрения, отдельно отметим, что данные политические изменения показывают важность проблемы демократизации и влияния на этот процесс популистских стратегий.

Для рассмотрения данной темы необходимо уточнить наше определение понятия популизма. В научной литературе отсутствует согласие относительно содержания этого понятия. С точки зрения концептуализации мы согласны с мнением К. Мудде, который указывает, что «популизм не обладает тем же уровнем интеллектуальной утонченности и последовательности, как социализм или либерализм» (Mudde 2004: 544) и тезисом П. Таггарта о том, что «популизм является хамелеонистичным феноменом и зависящим от контекста» (Taggart 2000). В целом же мы можем констатировать, что

нынешний уровень концептуализации не позволяет говорить о популизме как о понятии, фиксирующем общую трактовку феномена представителями разных теоретических подходов. Учитывая, что тема концептуализации популизма выходит за пределы тех вопросов, которые обсуждаются в данной статье, в качестве рабочего мы выберем минимальное определение популизма. Минимальное определение предполагает отбор признаков, раскрывающих природу популизма и принимаемых представителями большинства теоретических подходов к исследованию данного феномена. Так, К. Мудде и К. Ровира Кальтвассер предлагают следующую дефиницию: это узкоориентированная идеология, «в рамках которой считается, что общество разделено на два гомогенных и антагонистических лагеря: “неиспорченный народ” и “коррупцированную элиту” и которая предполагает, что политика должна быть выражением общей воли народа» (Mudde, Rovira Kaltwasser 2017: 6). Данный подход выделяет в качестве главных характеристик популизма народоцентризм (ориентация на «народ»), антиэлитизм (борьба против «элит»), однородность «народа» («народ» представляется как бесклассовая общность людей), воплощение «общей воли народа» (понимается как представление интересов «народа»). Популисты для своей легитимации всегда формируют и конструируют целевую аудиторию, которая в дискурсе обозначается как «народ». Особенность этого понятия проявляется в том, что «народ» позиционируется в качестве однородного организма в условиях существования большого количества мелких групп. С этой точки зрения популисты предлагают свою модель идентичности, которая часто характеризуется выделением «исключенных» групп. Они воспринимаются как элементы, которые нарушают гомогенность «народа», поэтому и элиминируются из него – в прямом смысле этого слова (лат. *eliminare* – изгонять за порог).

В последнее время появляется большое количество публикаций (Elçi 2019, Adaman et al. 2019, Özdemir 2020), посвященных проблемам популизма в Турции, в том числе и компаративистские исследования (Grigoriadis 2020, Taleski, Yabancı 2018, Kaya et al. 2020, Taş 2020). Но в этих статьях популизм вписан в политическую систему и в основном анализируется роль Эрдогана в плане развития популизма. Данная работа отличается тем, что популизм здесь 1) рассматривается в контексте правящей партии, а не системы в целом и 2) связывается с авторитарными тенденциями, выходя на проблему влияния популизма на демократию. Стоит отметить, что она не противоречит имеющимся исследованиям, а дополняет их, расширяя зону использования концепта популизма и анализируя проблему популизма и демократии на конкретном примере.

Как было указано выше, правление ПСР разделяется на два этапа; для первого (2002–2011 гг.) характерна ориентация партии на демократию, второй этап (2011 г. – н.в.) – это преимущественно авторитарный поворот. Данная периодизация имеет принципиально важное значение, так как показывает, каким образом работает популизм в демократических и авторитарных условиях, как меняет самопозиционирование правящей партии в зависимости от политических целей. Для анализа процесса радикализации

нам необходимо определить особенности политики ПСР на первом этапе, отличительные черты правящей партии и причины проводимой политики.

На характер политики и политическую стратегию правящей партии безусловно повлияли ее происхождение и процесс создания. Ключевым фактором здесь является закрытие Конституционным судом в 1997 г. исламистской Партии благоденствия. Большинство основателей ПСР начинали свою карьеру в этой партии. Ее преемницей стала Партия добродетели. С самого начала основания новой партии в ней зародился конфликт между традиционалистами, которые настаивали на продолжении курса Партии благоденствия, и прогрессистами, выступавшими за обновление партии. Конфликт привел к расколу, в результате которого появились две новые партии: Партия счастья и ПСР. В состав второй организации вошли прогрессисты.

Закрытие Партии добродетели создало новые условия для ПСР. Светская элита традиционно с большим подозрением относилась к политикам, связанным с исламистскими организациями. Публичное закрытие исламистской партии было сигналом о том, что нарушение принципов республиканизма и секуляризма недопустимо для любой партии. В дальнейшем это создало парадокс – глубокое чувство незащищенности у руководства ПСР, несмотря на высокую степень электоральной поддержки (Dagi 2016: 88).

Политическая атмосфера и внешнее давление стимулировали попытки руководства сконструировать идентичность новой партии, которая позволила бы ей отделиться от ярлыка преемницы ранее существовавших исламистских партий. Ее особенностью стало то, что она была преобразована из радикальной партии в умеренную (Çağlayan-İçener 2009: 597). ПСР позиционировала себя в качестве правой, консервативной партии, отказываясь от политического исламизма и сближаясь с либерализмом. Одним из доказательств этого является союз ПСР с бизнесменами, который характеризуется как желание получить поддержку социальной группы, ранее склонной к сближению с либеральными и умеренными партиями. К примеру, Albaayrak Group был одним из основных спонсоров партии. Организационную помощь оказывало Общество независимых промышленников и бизнесменов. Известно, что 20 членов этой организации избралась в качестве депутатов парламента по спискам ПСР (Gumuscu, Sert 2009: 964-965). Параллельно в партии усилился либеральный элемент, руководство сосредоточилось на проведении демократических реформ (Özdemir 2012: 198). Синтез консервативной и демократической традиций позволил партии сформулировать концепцию «консервативной демократии» (Doğanay 2007: 66). В итоге образ умеренных демократов стал основным для новой партии.

ПСР перестала быть исламистской, но религиозная тематика в риторике партии вполне сохранилась. Роль религии в концепции партии была переформатирована, превратившись из политического феномена в социальный (Erler 2007: 130). В отличие от Партии благоденствия, ПСР не ориентировалась на принципы исламского государства, не выступала за переход к шариату и тотальное изменение светских основ Турецкой Республики. Именно в этом смысле нужно понимать слова Эрдогана «мы

сняли с себя одеяние Национального взгляда»¹. Как видно из вышесказанного, ПСР не стремилась создать новую парадигму. Она пыталась инкорпорироваться в старую систему. Особенно это примечательно на фоне ее приверженности к традиционным для республиканской Турции символам (Altınordu 2016: 162).

Отказ от принятия одной идеологии, смешение консерватизма и демократии определили состав и структуру партии. ПСР выстраивалась как широкая коалиция различных политических сил. В этом плане правящая партия ориентировалась на другие значимые партии. Демократическая партия стала первой в плане использования демократического дискурса в риторике, стремясь к вовлечению в политику широких слоев населения (Özçelik 2010: 171). Партия «Родина-мать» была выстроена по модели широкой коалиции, в которой состояли бывшие члены правоцентристских, левоцентристских и исламистских партий (Erdoğan 2008: 144-145). Она смогла трансформировать консерватизм за счет выстраивания образа сильного лидера (Türköz 2016: 110) и привнесения принципов демократии (Kırgan 2017: 364).

На ПСР повлияли оба примера. Как и Демократическая партия, правящая партия стремилась к получению наибольшей общественной поддержки (*vote-seeking party*). Как и «Родина-мать», партия представляла собой коалицию, объединяющую правоцентристов, умеренных исламистов, националистов, либералов и левоцентристов. ПСР активно привлекала депутатов из других партий, чтобы подчеркнуть, что работает на несколько социальных групп. С 2001 по 2005 г. ПСР переманила 22 депутатов: 1 – из Партии националистического действия (националисты), 2 – из Партии верного пути (правоцентристы), 7 – из Партии «Родина-мать» (правоцентристы, неолибералы), 2 – из Партии счастья (исламисты), 3 – из FP (исламисты), 6 – из Народно-Республиканской партии (левоцентристы, кемалисты, социал-демократы) (Değirmenci 2005: 411).

Особенности идентичности и структуры влияли на используемые партией методы. ПСР опиралась на стратегию из трех пунктов: перенимание политической риторики, касающейся защиты прав человека и развития демократии; мобилизация поддержки электората как выражение демократической легитимности; создание коалиции со светскими силами, признающими ПСР значимым политическим игроком. Для партии особую роль играли принципы партиципаторной демократии (Evre 2008: 68). Из-за негативной реакции светской элиты на появление новой партии для нее стало важным обеспечение своей легитимности. Ввиду того что политические партии были не готовы к сотрудничеству с ПСР, руководство уделяло большое внимание развитию популистской повестки. Для этого использовался различный социальный инструментарий: расширение программ социального обеспечения для лиц, которые ранее ее не получали; повышение доступности кредитов для домохозяйств; апелляция в риторике к «народу» (Akça, Bekmen, Özden 2017: 196). Партия максимально пыталась дистанци-

¹ URL: <https://www.yeniasya.com.tr/2007/07/21/haber/h3.htm>

роваться от образа партий 90-х гг. XX в., которые отличались своей неэффективностью. Был взят курс на получение максимальной поддержки населения и достижение консенсуса в обществе.

В плане внутривнутрипартийного управления ПСР отходила от тотального использования опыта правых партий и перенимала методы и концепции левых партий. У Демократической левой партии была позаимствована важная для ПСР стратегия «государство, служащее гражданину, гражданин, служащий обществу», которая выражала ее популистский характер. По примеру Народно-Республиканской партии был взят курс на децентрализацию партийной структуры за счет создания сильных органов партии на местах (см.: Ateş, Dinç Güzel). Популярность партии в регионах поставила вопрос о том, кем заполнять бюрократические посты. Светская элита в целом не принимала ПСР. Поэтому партия предлагала такие посты людям, имеющим к ней отношение. Соответственно состав бюрократии был сильно изменен (Akkoynlu, Öktem 2016: 471). Таким образом, партия стремилась к получению поддержки электората, напрямую апеллируя к «народу» с помощью использования низовых партийных структур. Это является важной характеристикой популизма. Партия довольно активно на начальном этапе использовала опыт левых партий, что демонстрирует ее направленность на левые ценности социальной справедливости (которые отсутствуют в классических вариантах правых идеологий) и подтверждает эклектичный характер идеологии, присущей популистам.

С точки зрения структуры ПСР была партией, члены которой считались зависимыми от Р.Т. Эрдогана и составляли его клиентелу. Ее расширение происходило благодаря популистской концепции «служения народу». Она подменяла службу партии службой государству, наградой за которую является улучшение качества жизни простых турок. В этом отношении партия была частью государственной системы; этому немало способствовал и тот факт, что ПСР правила единолично. Внутри нее был выстроен авторитаризм гегемонистского типа (Ayar 2010: 198). Поэтому на партию влияет тип лидерства Р.Т. Эрдогана. Он отличается высокой долей веры в способность контроля и высоким уровнем неприязни к остальным политическим акторам (Görener, Ucal 2011: 365). Следует отметить, что Р.Т. Эрдоган никогда не отказывался от использования в риторике элементов «теории заговора», которые усиливали популизм (Özdamar 2017: 181).

Ключевое значение для анализа имеют риторика партии и работа со сторонниками. ПСР – это популистская партия, что определяет ее стиль публичной политики. На предвыборной кампании перед парламентскими выборами 2002 г. упор был сделан на идею служения стране. Партия обращала внимание на необходимость развития провинции; поднималась тема семейных ценностей (Göksu 2019: 597). Во время предвыборной кампании 2007 г. ПСР позиционировала себя в качестве «служащей народу партии». Так, ПСР включила в сферу политики «черных» турок – жителей Центральной Анатолии и Черноморского побережья, экономически наименее развитых частей страны. Эта социальная группа преимущественно состоит из консервативно настроенных граждан; на ее членов больше

всего влияли экономические кризисы. Партия ориентировалась на «исключенные» группы, чьи интересы игнорировались и были недопредставлены. Активно подчеркивались результаты работы партии: экономическая стабилизация, развитие инфраструктуры в провинции, социальное обеспечение «исключенных» групп. Во многом именно ориентация партии на «служение стране» создала сильную базу сторонников, готовых работать на ПСР. Эрдоган отождествлял себя с «настоящим народом», а ПСР заявляла о себе как «партия народа», «голос молчаливых масс». В дискурсе «служение народу» смешивалось с важностью выражения национальной воли. Как указывал в своих речах Эрдоган, национальная воля должна быть основным столпом политики правительства (Akman 2010: 8).

ПСР образца 2002–2011 гг. является беспрецедентным и особым кейсом для турецкой политики. Она представляет собой один из немногих удачных проектов, созданных в результате раскола другой партии. ПСР создала совершенно новую модель партии и исповедовала новый стиль политики. Отойдя от радикалов как идейно, так и политически, ПСР смогла стать эффективной партией. Она руководствовалась такими принципами, как коалиционность внутри партии, либерализация, отзывчивость к запросам населения. В партии существовал баланс сил, который позволял снизить до минимума деструктивную политическую борьбу. Несмотря на то что уже в этот период начал проявляться популизм в виде социальной помощи и апелляции к «народу», партия придерживалась умеренной линии. Именно эти принципы делали ее эффективной. Предполагается, что их нарушение с повышением роли популизма в риторике обусловило дальнейшую радикализацию партии.

Как было отмечено выше, с 2011 г. в Турции наблюдаются изменения, которые выражаются в фактической консолидации власти в одном центре и создании неравных условий для оппозиции в целях ее ослабления. В научной литературе представлено несколько точек зрения на процесс ухудшения качества демократии в Турции.

Сторонники первой точки зрения говорят о существовании объективных причин для формирования авторитарного режима. Изменения были обусловлены тем, что после военного переворота 1980 г. в Турции сложился авторитарный неолиберализм со свойственным ему мажоритарным пониманием демократии. По этой причине турецкую политику логичнее описывать в терминах ограниченной/тотальной гегемонии. На нынешнем этапе политическая борьба находится на стадии ограниченной гегемонии, когда государство не может полностью подчинить общество. Обеспечивается она через вовлечение государства в программы повышения уровня жизни: через неолиберальную экономическую политику, согласование интересов разных слоев населения, популистскую социальную политику, через политический реформизм, понимаемый как необходимость демонтажа контроля армии над политическими институтами (Akça, Bekmen, Özden 2017: 192).

Вторая точка зрения также связана с авторитарным неолиберализмом, но в этом случае он усилен самой правящей партией. Авторитарный неолиберализм основан на двух принципах. Это существование государственно-

го органа, который отдаляет процесс принятия решений от общественного контроля и независимого аудита, и обеспечение условий для маргинализации оппозиции (Esen, Gumuscu 2016: 1586-1587).

Согласно третьей точке зрения в Турции развивается нелиберальный/ авторитарный популизм. Нелиберальный популизм апеллирует к вере в то, что представительная демократия – слишком сложный барьер, мешающий «народу» навязывать свою волю политической системе и ограничивающий его политическое участие (Göksel 2019: 18). В свою очередь, авторитарный популизм – это вызов сложившемуся в политической системе консенсусу (Heinö 2016: 8). Представители данного подхода отмечают рост авторитарного популизма в турецкой политике (Adaman, Akbulut, Arsel 2019: 518). С позиций нелиберального популизма ПСР претендует на то, чтобы выполнять роль единственных народных представителей. В соответствии с постулатами авторитарного популизма ПСР выступает против таких консенсусов, как парламентская система и независимость президента по отношению к политическим партиям, – консенсусов, которые являются важными составляющими либеральной демократии.

Мы полагаем, что главной причиной трансформации ПСР стал популизм. Эта точка зрения представляется нам наиболее достойной внимания ввиду того, что с радикализацией популизма все политические решения обосновываются в рамках публичной политики. Целью трансформации было не возникновение нового элемента, а расширение ареала его действия, что и нарушило баланс. Мы отмечаем, что в случае турецкой политики популизм не является угрозой *a priori*, негативный эффект получает именно конкретное воплощение принципов популизма. Для доказательства этого тезиса мы рассмотрим изменения в политическом курсе партии после 2011 г. и соотнесем их с популизмом.

В чем же прослеживаются изменения политического курса ПСР? Одно из самых существенных изменений – антизападная линия во внешней политике, подчинение внешней политики внутренней. При этом данная линия всегда усиливается перед выборами в целях повышения рейтинга партии. Так, в 2017 г. был инициирован кризис в отношениях с Германией и Нидерландами из-за препятствий в проведении агитационных мероприятий в этих странах. В 2018 г. была предпринята военная операция «Оливковая ветвь», которая проводилась как ответ на бездействие США на северо-западе Сирии. В 2019 г. после теракта в Крайстчерче была усилена линия на критику исламофобии, в разжигании которой Р.Т. Эрдоган обвинял Запад. Данное изменение отразилось на радикализации популистского дискурса режима. Условный Запад рассматривается в качестве политических недоброжелателей, которые вмешиваются в дела Турции и препятствуют реализации «воли народа».

Четко прослеживается смена риторики. Если сравнивать слоганы предвыборных кампаний, начиная с 2011 г., можно заметить, что они не отражают будущее состояние, к которому партия стремится, а имеют целью либо консолидировать электорат, либо продемонстрировать эффективность партии «здесь и сейчас». Например, в 2011 г. использовался слоган «мы вместе –

Турция» (Yiğitbaşı 2015: 36). В июне 2015 г. обратил на себя внимание слоган «они говорят, ПСР делает» (Aslan, Göksu 2015: 37). Перед досрочными парламентскими выборами в ноябре 2015 г. продвигались слоганы «единолично работать ради Турции» (Özkan 2016: 14), «нет тебя и меня, есть Турция» (Özkan 2016: 15). Перед парламентскими выборами 2018 г. электорату был предложен слоган «время Турции». Все эти слоганы призывают к единству, показывают, что ПСР использовала свою власть на благо «народа». Несколько слоганов выражают образ идеального государства и принципы, которые будут работать, только если у власти будет ПСР.

Отдельно остановимся на риторике Эрдогана перед президентскими выборами 2018 г. Ее целями являлись консолидация электората и убеждение сомневающихся избирателей. Эрдоган активно эксплуатировал популистское деление на «мы» и «они», в рамках которых он выступал защитником «общей воли народа» от нападков со стороны «элиты». Под «мы» он подразумевал себя, партию и своих сторонников. Эта группа объединяла людей, связанных историей, религией и общими национальными интересами. Местоимение «мы» Эрдоганом использовалось 165 раз, чаще встречается только слово *tek* (в переводе с турецкого языка – один, единый) (Doğanay 2019: 18). Акцентирование этого определения показывает, что власть стремилась выразить свою идентификацию с электоратом (Doğanay 2019: 19). Эрдоган обращался к эмоционально окрашенной лексике, чтобы продемонстрировать искреннюю любовь к избирателю, родине, стране, религии. Еще одной целью Эрдогана в рамках этого дискурса было желание исключить «их» (своих политических соперников) из политического поля, чтобы лишить легитимности. Такая риторика является полностью дискриминационной. Р.Т. Эрдоган критикует оппозицию, представляя ее в качестве «врагов родины» и «террористов». Все эти технологии – популистские по своей сути, и задействуются они для формирования образа «врага», угрожающего стабильности и единству «народа».

Популистское начало было усилено обращением к методам прямой демократии, которые позволяли игнорировать мнение оппозиции и опираться на мнение большинства. Референдумы как инструмент прямой демократии, исключая из коммуникации политические институты, используются популистами для формирования механизмов непосредственной связи с «народом». В Турции референдумы стали средством усиления власти Эрдогана и перехода к популистскому авторитаризму, что влекло размывание демократии, усиление лидерства одного политика и приоритетность исполнительной власти перед законодательной (см.: Collin). Именно благодаря референдумам ПСР удалось усилить контроль над судебной властью (2010) и расширить полномочия института президентства (2017). Как мы видим, основные изменения, приведшие к ухудшению качества демократии, связаны с воплощением популистского принципа непосредственного представления интересов «народа».

Что же создает почву для подобных изменений? По мнению Д. Гюнея и В. Джихича, европеизация и неолиберализация дали возможность для использования европейской повестки дня и проведения реформ, которые по-

зволили изменить политический курс, с тем чтобы политическая система была подстроена под конкретного лидера. В режимах, подобных турецкому, правящие партии выстроены по принципу клиентелизма. В такой структуре гипертрофируется роль лидера, он считается символом стабильности партии. Все это ведет к тому, что формальные институты заменяются неформальными; это ослабляет принцип прозрачности политического управления и размывает демократию (Dzihic, Günay 2016: 534). Б. Ябанджы считает, что для расширения популистского антагонизма используются женские организации и профсоюзы. По сути своей, партия поддерживает НКО для того, чтобы они актуализировали ПСР в качестве единственного представителя «народа». Через них же контролируется, какие социальные требования будут выдвинуты в публичное поле, что позволяет имитировать демократию (Akkoçyunlu, Öktem 2016: 476-477).

Отметим основные последствия этих изменений. Опираясь на результаты исследования IPSOS после муниципальных выборов 2019 г. в Турции (табл. 1), мы можем констатировать, что растет доля недовольных властью и коммуникационной стратегией Эрдогана, а также доля электората, который не охвачен какой-либо политической силой. При этом снижается доля электората, который уверен в правящей партии. По данным соцопроса Центра изучения Турции Университета Кадир Хас (табл. 2), уменьшается количество граждан, довольных правлением Эрдогана.

Таблица 1. Структура турецкого электорального поля¹

Сегмент электората	Доля сегмента
Довольные консерваторы	23,7 %
Озабоченные прогрессивные граждане	14,2 %
Искренние консерваторы	11,5 %
Либеральные прогрессивные граждане	16,2%
Запуганные демократы	13%
Равнодушные жалующиеся граждане	11,1%
Устойчивые непритязающие граждане	10,3%

Таблица 2. Оценка населением успешности работы Р.Т. Эрдогана²

Вариант ответа	Данные 2017 г.	Данные 2018 г.
Безусловно успешно	15,3 %	7 %
Успешно	36,4 %	28,9 %
Нельзя сказать, что успешно, нельзя сказать, что неуспешно	18,5 %	22,2 %
Неуспешно	14,1 %	22,1 %
Безусловно неуспешно	15,7 %	19,8 %

¹ См.: URL: <https://www.ipsos.com/tr-tr/toplumu-yasam-tarzlari-ve-tutumlarini-daha-iyi-tanimak-icin-toplumsal-kumeler>

² См.: (Türkiye Sosyal-Siyasal... 2019: 27).

Но, несмотря на это, потенциально удачными могут быть попытки сформулировать образ «врага». Согласно результатам исследования Центра изучения Турции Университета Кадир Хас, ни одно западное государство при ответе на вопрос «Какая страна, по вашему мнению, является другом Турции?» не смогла набрать больше 50%. По мнению турок, западные государства представляют угрозу Турции. Политика США, которой были недовольны 35,3% турок в 2015 г., в 2019 г. оценивалась негативно уже у 81,3% опрошенных. В 2016 г. отмечен рост уровня недоверия к Израилю почти в 3 раза. Высокий уровень недоверия существует к Франции (65%), Великобритани (62,8%), Германии (58,8%), Греции (53,5%), Кипру (50,6%) (Akgül Açıkmese et al. 2019: 27). Эти цифры говорят, что уровень недоверия к Западу довольно высок. Но важнее подчеркнуть, что власть умело использует этот фактор в свою пользу. На примере Израиля мы видим, что в 2015 г. рейтинг недоверия равнялся 42,6%. Нормализация двухсторонних отношений в 2016 г. позволила снизить антирейтинг до 26%. Но критика Эрдоганом политики Израиля по отношению к Палестине повлияла на рост уровня недоверия до 70%. Все это говорит о том, что турецкий электорат очень чувствителен к изменению международной повестки дня, что является козырем Эрдогана.

С точки зрения демонстрации уровня радикализации важны результаты исследования KONDA Araştırma. Доля активных националистов среди электората ПСР составляет 70%. Большой результат отмечен только у Партии националистического действия (Unsu 2018: 54). Рост количества националистов среди сторонников партия постаралась использовать в свою пользу. Эрдоган попытался сформировать новую концепцию турецкого консерватизма, которая удовлетворяет как чаяниям религиозных граждан, так и требованиям турецких националистов (Halpin, Hoffman, Werz 2018: 4). Кроме того, власть предложила трактовку понятия «народ» в стиле европейских правых популистов, добавляя в него свойственный им элемент нативизма. Все эти изменения привели к тому, что партия потеряла значительную часть поддержки умеренного электората (курдов и либералов). Поэтому в ней усилилась роль националистов и социальных консерваторов, которые сохраняют приверженность светскому характеру турецкого государства (Halpin, Hoffman, Werz 2018: 10). В итоге в партии был нарушен политический баланс между разными идеологическими группами (прежде всего, между религиозными и светскими консерваторами, националистами), что также способствовало радикализации.

Здесь важно отметить последствия для самой партии. Если падение популярности ПСР по итогам парламентских выборов 2018 г. было компенсировано сменой формата турецкой политики в сторону коалиций, то после муниципальных выборов 2019 г. можно фиксировать коммуникационные признаки кризиса правящей партии. Иными словами, если падение популярности после выборов 2018 г. не коснулось Р.Т. Эрдогана, то после муниципальных выборов потеря популярности начала влиять уже на его рейтинг. По данным социологического агентства MetroPOLL,

он в августе 2019 г. равнялся 44% – при пиковом значении в 71% в декабре 2011 г.¹

В декабре 2019 г. и в марте 2020 г. были созданы две новые правоцентристские партии под руководством бывших соратников Эрдогана – Партия демократии и прогресса А. Бабаджана и Партия будущего А. Давутоглу. Эти партии имеют потенциал для того, что перетянуть значительную долю избирателей правящей партии, что может привести к утрате ее электоральной значимости. Кроме того, турецкая политическая система сегодня намного конкурентнее, чем это было в 2007–2013 гг. Оппозиция обладает высоким уровнем консолидации и предлагает обществу кандидатов на роль новых лидеров.

Впрочем, несмотря на эти негативные для партии тенденции, ПСР сохраняет свое доминирование, что укрепляет ее позиции в условиях нестабильности и повышает эффективность популистских стратегий. В пользу ПСР играют два фактора. Первый – существование проэрдогановской Национальной коалиции, которая позволяет удерживать парламентское большинство. Второй – ограничение уровня политической конкуренции тем, что нет партии, которая боролась бы с ПСР во всех сегментах общества (31 Mart... 2019: 15). Но правящая партия начинает терять контроль над ситуацией. Опыт других крупных правоцентристских партий Турции, которые пережили раскол, показывает важную роль перераспределения власти внутри партии с целью ослабления оппозиции (Demirkol 2015: 105).

Также отметим причины радикализации ПСР. В этой статье мы имеем в виду радикализацию популизма. Иными словами, предполагается, что популизм фундирует мажоритарное понимание демократии Р.Т. Эрдогана. Подобного рода интерпретация ставится в противовес конституционному пониманию демократии, характеризуемой правовыми элементами, а не обосновываемой исходя из принципа большинства. В данном случае анти-системные трансформации влияют на качество демократии. Радикализация стала возможной из-за исчезновения внутренних и внешних ограничений, что изменило институциональную среду и создало необходимые предпосылки для развития этого процесса. Ему способствовал и то, что многие исследователи называют термином «эрдоганизация», понимая под ним деинституционализацию партии и политической системы, в рамках которой Эрдоган получил полный контроль над всеми государственными и партийными ресурсами при отсутствии какой-либо системы сдержек и противовесов (Bashirov, Lancaster 2018; Erpul et al. 2019). Радикализацию вызвали «внешние шоки», которые ставили под угрозу власть Эрдогана и препятствовали формированию его политической гегемонии; это протесты Гези в 2013 г., коррупционные расследования 17–25 декабря 2013 г., выборы в июне 2015 г. и попытка военного переворота 2016 г. (Bashirov, Lancaster 2018: 1210-1211). «Внешние шоки», с точки зрения Р.Т. Эрдогана, суть не «обратная связь», реакция системы на концентрацию власти в одном центре, а создание препятствий для достижения политических целей режима.

---

¹ URL: <https://twitter.com/metropoll/status/1168896570231808000>

«Шоки» важны, так как они способствовали изменению внешнего фона, в котором действует партия. Для ПСР это сугубо принципиальный вопрос, поскольку она как типичная популистская партия является *vote-searching party*. Внешний фон определяет действия партии, и прежде всего выбор стратегий. Это хорошо показывает анализ риторики партии в 2007–2011 гг.: тогда она не была похожа на риторику правой партии (Aydogan, Slapin 2015: 621). Если на первом этапе в условиях институциональных ограничений для достижения цели партии необходимо было обеспечивать свою легитимность, то во время второго этапа, когда ПСР уже выступала в качестве доминирующей, легитимность начала работать в ее пользу при отсутствии какой-либо системы сдержек и противовесов. Радикализацию обусловили именно эти факторы.

Турецкий политический режим, который отличается тем, что зависит от состояния одной партии, претерпел сильные изменения за последние 18 лет. 2002–2011 гг. характеризуются вернувшейся стабильностью в политике, высоким уровнем экономического роста, проведением реформ по либерализации законодательства. Но начиная с 2011 г. режим формировал тенденции, приведшие к становлению конкурентного авторитарного режима в виде персоналистского правления Р.Т. Эрдогана (Sayarı 2016: 263), в котором выборы стали инструментом закрепления доминирующего положения партии (Turner, Yilmaz 2019: 692–693). По мнению директора Центра политических исследований Университета Сабанджы Ф. Кеймана, Турция сейчас переживает кризис демократии, что четко прослеживается по таким параметрам, как кризис политических институтов, кризис представительства и политического участия, кризис политической культуры (Keuman 2013: 33), причем особенностью этого тотального кризиса является то, что он возник именно в демократической системе в результате проведения демократических реформ.

Одна из причин таких глобальных изменений в турецкой политической системе связана с новыми тенденциями в правящей ПСР. За это время в партии подверглись трансформации большинство элементов, которые обеспечили ее успех. Это прежде всего целевая аудитория, характер риторики, методы управления партией. В результате правящая партия начала ориентироваться на националистов, радикализовав трактовку понятия «народ». ПСР сохранила приверженность популистским стратегиям, но полностью была откорректирована их тональность. Вместо объединяющего популизма партийные функционеры используют популизм исключительный, который, собственно говоря, определяет действия как партии, так и государства. Особенность режима Эрдогана заключается в том, что партия и связанные с ней некоммерческие организации дополняют государственные органы в условиях существования нелояльной бюрократии. Это в итоге привело к неэффективности партии и, соответственно, к неэффективности государства. Авторитарные методы, используемые в управлении партией, задействуются на государственном уровне. Показательно, что после неудачного результата на выборах 2015 г. и в конституционном референдуме 2017 г. произошли изменения не в государственных органах, а в ПСР. По

этой причине стабильность правящей партии в нынешней мажоритарной и президентской системе является вопросом важным, влияющим на положение элиты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Adaman F., Akbulut B., Arsel M. 2019. Neoliberal developmentalism, authoritarian populism, and extractivism in the countryside: the Soma mining disaster in Turkey // *The Journal of Peasant Studies*. Vol. 46, № 3. P. 514-536.

Akça İ., Bekmen A., Özden B. 2017. Antinomies of Authoritarian Neoliberalism in Turkey The Justice and Development Party Era // *States of Discipline. Authoritarian Neoliberalism and The Contested Reproduction of Capitalist Order* / Ed.: C. Tansel. London : Rowman & Littlefield International. P. 189-209.

Akgül Açıkmeşe S. et al. 2019. Türk Dış Politikası Kamuoyu Algıları Araştırması-2019 / S. Akgül Açıkmeşe, M. Aydın, M. Çelikpaşa, C. Dizdaroğlu, M. Gökcan Kösen, S. Özel. İstanbul: Kadir Has Üniversitesi Türkiye Çalışmaları Merkezi. 91 s.

Akkoyunlu K., Öktem K. 2016. Exit from democracy: illiberal governance in Turkey and beyond // *Southeast European and Black Sea Studies*. Vol. 16, № 4. P. 469-480.

Akman C. 2010. Beyond the Ballot Box: Turkish Democracy Under Tension Between Idealism and Populism. Montreal : Canadian Political Science Association. 21 p.

Altınordu A. 2016. The Political Incorporation of Anti-System Religious Parties: the Case of Turkish Political Islam (1994–2011) // *Qual Sociol.* № 39. P. 147-171.

Aslan P., Gökso O. 2015. Siyasal İletişim Düzleminde AK Parti'nin 2015 Seçim Kampanyasının Analizi: Teması, Stratejisi ve Mesajları // *Siyasetin İletişim Odağı Seçim Kampanyaları* / Ed.: A. Özkan. İstanbul : Eğitim Yayınevi. S. 29-110.

Ateş H., Dinç Güzel H. Türkiye'de Sol Partilerin Kamu Yönetimi Anlayışları: AK Parti ile Karşılaştırmalı Bir İnceleme // *Yüzüncü Yıl Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*. URL: <http://www.yyusbedergisi.com/dergi/turkiyede-sol-partilerin-kamu-yonetimi-anlayislari-ak-parti-ile-karsilastirmali-bir-inceleme20180101035800.pdf> (дата обращения: 05.09.2019).

Ayan P. 2010. Authoritarian Party Structures in Turkey: A Comparison of the Republican People's Party and the Justice and Development Party // *Turkish Studies*. Vol. 11, № 2. P. 197-215.

Aydoğan A., Slapin J. 2015. Left-right reversed: Parties and ideology in modern Turkey // *Party Politics*. Vol. 21, № 4. P. 615-625.

Bashirov G., Lancaster C. 2018. End of moderation: the radicalization of AKP in Turkey // *Democratisation*. Vol. 25, № 7. P. 1210-1230.

Bermeo N. 2016. On Democratic Backsliding // *Journal of Democracy*. Vol. 27, № 1. P. 5-19.

Çağlayan-İçener Z. 2009. The Justice and Development Party's Conception of "Conservative Democracy": Invention or Reinterpretation? // *Turkish Studies*. Vol. 10, № 4. P. 595-612.

Collin K. Populist and authoritarian referendums: The role of direct democracy in democratic deconsolidation // *Brookings*. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/02/FP_20190226_direct_democracy_collin.pdf (дата обращения: 05.09.2019).

Dagi İ. 2006. The Justice and Development Party: Identity, Politics, and Discourse of Human Rights in the Search for Security and Legitimacy // *The Emergence of a New Turkey: Democracy and the AK Parti* / Ed.: H. Yavuz. Salt Lake City : Utah Univ. Press. P. 88-106.

De la Torre C. 2017. Populism and Democracy: Lessons from Latin America // Journal of Diplomacy. Vol. 18, № 2. P. 33-46.

Değirmenci N. 2006. Milletvekili transferlerinin siyasi etik boyutu // 2. Siyasette ve Yönetimde Etik Sempozyumu. S. 407-418.

Demirkol Ö. 2015. Party Splits in Turkish Party System: The Case of Centre-Right Parties // Turkish Studies. Vol. 16, № 1. P. 97-114.

Doğanay Ü. 2007. AKP'nin Demokrasi Söylemi ve Muhafazakârlık: Muhafazakâr Demokrasi ve Eleştirel Bir Bakış // Ankara Üniversitesi SBF Dergisi. Cilt 62, № 1. S. 65-88.

Doğanay Ü. 2019. Seçim Meydanlarında Demokrasi Söylemi. 24 Haziran 2018 Cumhurbaşkanlığı Seçimlerinde Liderlerin Konuşma ve Metinleri Üzerine bir Analiz. İstanbul : Friedrich-Ebert-Stiftung Türkiye. 65 s.

Dzihic V., Günay C. 2016. Decoding the authoritarian code: exercising 'legitimate' power politics through the ruling parties in Turkey, Macedonia and Serbia // Southeast European and Black Sea Studies. Vol. 16, № 4. P. 529-549.

Elçi E. 2019. The rise of populism in Turkey: a content analysis // Southeast European and Black Sea Studies. Vol. 19, № 3. P. 387-408.

Erdoğan S. 2008. Anavatan Partisinin Siyasal Dönüşümü. Ankara : Ankara Üniversitesi. 184 s.

Erler Ö. 2007. Yeni Muhafazakarlık, AKP ve «Muhafazakar Demokrat» Kimliği // Stratejik Araştırmalar Dergisi. № 10. S. 126-132.

Erpul O., Hekimci D., Selçuk O. 2019. The Erdoğanization of Turkish politics and the role of the opposition // Southeast European and Black Sea Studies. Vol. 19, № 4. P. 541-564.

Esen B., Gumuscu S. 2016. Rising competitive authoritarianism in Turkey // Third World Quarterly. Vol. 37, № 9. P. 1581-1606.

Evre B., Kahraman L. 2008. Türkiye'deki Siyasi Parti Programlarında «Demokrasi» Kavramlaştırmaları: Karşılaştırmalı Perspektifle AKP ve CHP Örnek Olayı // Cumhuriyet Üniversitesi İİBF Dergisi. № 1. S. 63-80.

Göksel O. 2019. Foreign Policy Making in the Age of Populism: The Uses of Anti-Westernism in Turkish Politics // New Middle Eastern Studies. Vol. 9, № 1. P. 13-35.

Göksu O. 2019. AK Parti'nin Stratejileri ve Siyasal Kampanyaları: 2002-2014 Dönemi Analizi // Turkish Studies-Social Sciences. Vol. 14, № 3. S. 589-621.

Görener A., Ucal M. 2011. The Personality and Leadership Style of Recep Tayyip Erdoğan: Implications for Turkish Foreign Policy // Turkish Studies. Vol. 12, № 3. P. 357-381.

Grigoriadis I. 2020. For the People, Against the Elites: Left versus Right-Wing Populism in Greece and Turkey // The Journal of the Middle East and Africa. Vol. 11, № 1. P. 51-64.

Gumuscu S., Sert D. 2009. The Power of the Devout Bourgeoisie: The Case of the Justice and Development Party in Turkey // Middle Eastern Studies. Vol. 45, № 6. P. 953-968.

Halpin J., Hoffman M., Werz M. 2018. Turkey's 'New Nationalism' Amid Shifting Politics Further Analysis of Polling Results. Washington : Center for American Progress. 44 p.

Heinö A. 2016. Timbro Populism Index 2016. Stockholm : Timbro. 31 p.

Kaya A., Robert M.-V., Tecmen A. 2020. Populism in Turkey and France: nativism, multiculturalism and Euroskepticism // Turkish Studies. Vol. 21, № 3. P. 361-391.

Keyman F. 2013. Türkiye'de Demokrasinin Sorunları // Demokrasi ve Siyasal Katılım/ Ed.: İ. Şen. İstanbul : Heinrich Böll Stiftung Derneği Türkiye Temsilciliği. S. 32-38.

Kurun İ. 2017. Yeni Sağ ve Demokratikleşme Arasındaki İlişki: Turgut Özal Dönemi Türkiye'si Örneği // Mehmet Akif Ersoy Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. Cilt 9, № 22. S. 358-374.

Kyle J., Mounk Y. 2018. The Populist Harm to Democracy: An Empirical Assessment. London : The Tony Blair Institute for Global Change. 40 p.

- Laclau E. 2005. On populist reason. London : Verso. 276 p.
- Lancaster C. 2014. The iron law of Erdogan: the decay from intra-party democracy to personalistic rule // *Third World Quarterly*. Vol. 35, № 9. P. 1672-1690.
- Lindberg S., Lührmann A. 2018. Keeping the Democratic Façade: Contemporary Autocratization as a Game of Deception. Gothenburg : Univ. of Gothenburg. 48 p.
- Lindberg S., Lührmann A. 2019. A third wave of autocratization is here: what is new about it? // *Democratization*. Vol. 26, № 7. P. 1095-1113.
- Mudde C. 2004. The Populist Zeitgeist // *Government and Opposition*. Vol. 39, № 4. P. 541-563.
- Mudde C., Rovira Kaltwasser C. 2017. Populism: A Very Short Introduction. Oxford : Oxford Univ. Press. 136 p.
- Müfteler-Baç M. 2015. Backsliding into Authoritarianism in Turkey: The European Union Accession Process and the Limits of Political Conditionality // *The State of Democracy in Turkey: Institutions, Society and Foreign Relations* / Ed.: K. Dalacoura and H. Seckinelgin. London : The LSE Middle East Centre. P. 24-31.
- Özçelik P. 2010. Demokrat Parti'nin Demokrasi Söylemi // *Ankara Üniversitesi SBF Dergisi*. Cilt 65, № 3. S. 163-187.
- Özdamar Ö. 2017. Leadership Analysis at a "Great Distance": Using the Operational Code Construct to Analyse Islamist Leaders // *Global Society*. Vol. 31, № 2. P. 167-198.
- Özdemir H. 2012. Demokrat Parti (DP) ile Adalet ve Kalkınma Partisi (AKP)'nin Karşılaştırmalı Tarihsel Analizi // *Fırat Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*. Cilt 22, № 2. S. 188-209.
- Özdemir Y. 2020. AKP's neoliberal populism and contradictions of new social policies in Turkey // *Contemporary Politics*. Vol. 26, № 3. P. 245-267.
- Özkan A. 2016. 7 Haziran ve 1 Kasım Seçimlerinde Siyasal İletişim. İstanbul : SETA. 30 s.
- Panizza F. 2005. Introduction: Populism and the Mirror of Democracy // *Populism and the Mirror of Democracy* / Ed.: F. Panizza. London : Verso. P. 1-31.
- Pappas T. 2014. Populist Democracies: Post-Authoritarian Greece and Post-Communist Hungary // *Government and Opposition*. Vol. 49, № 1. P. 1-25.
- Puddington A. 2017. Breaking Down Democracy: Goals, Strategies, and Methods of Modern Authoritarians. Washington : Freedom House. 61 p.
- Sayarı S. 2016. Back to a Predominant Party System: The November 2015 Snap Election in Turkey // *South European Society and Politics*. Vol. 21, № 2. P. 263-280.
- Taggart P. 2000. Populism. Philadelphia : Open Univ. Press. 128 p.
- Taleski D., Yabancı B. 2018. Co-opting religion: how ruling populists in Turkey and Macedonia sacralise the majority // *Religion, State and Society*. Vol. 46, № 3. P. 283-304.
- Tansel C. 2018. Authoritarian Neoliberalism and Democratic Backsliding in Turkey: Beyond the Narratives of Progress // *South European Society and Politics*. Vol. 23, № 2. P. 197-217.
- Taş H. 2020. The chronopolitics of national populism // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. P. 1-19.
- Türkiye Sosyal-Siyasal Eğilimler Araştırması-2018, 2019. İstanbul : Kadir Has Üniversitesi. 124 s.
- Türköz E. 2016. Özal'lı ANAP Döneminde Muhafazakâr Düşüncenin Gelişimi // *Ömer Halisdemir Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi*. Cilt 9, № 1. S. 103-116.
- Turner B., Yılmaz Z. 2019. Turkey's deepening authoritarianism and the fall of electoral democracy // *British Journal of Middle Eastern Studies*. Vol. 46, № 5. P. 691-698.
- Uncu B. 2018. Seçmen Kümeleri. Ak Parti Seçmenleri. İstanbul : KONDA. 132 s.

Yiğitbaşı K. 2015. 22 Temmuz'dan 7 Haziran'a Kampanyalar Ekseninde Adalet ve Kalkınma Partisi'nin (AK Parti) Siyasal İletişimi // Türkiye'de Siyasal İletişim 2007–2015 / Ed.: İ. Çağlar, Y. Özkir. İstanbul : SETA. S. 19-52.

Yılmaz Z. 2019. The genesis of the 'Exceptional' Republic: the permanency of the political crisis and the constitution of legal emergency power in Turkey // British Journal of Middle Eastern Studies. Vol. 46, № 5. P. 714-734.

31 Mart Yerel Seçimlerinin Sayısal Analizi, 2019. İstanbul : KONDA. 42 s.

Miril'yas A. Agaev, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: fabreardeo@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3705-0485
SPIN-код: 5455-0265

Article received 08.07.2020, accepted 20.092020, available online 05.10.2020

Authoritarian tendencies in Turkey and the radicalization of the ruling Justice and Development Party

Abstract. The article is devoted to the formation of authoritarian tendencies in Turkey as the radicalization of the ruling Justice and Development Party. The author refers to the conceptions of “democratic retreat” and “the third wave of democratic backsliding” and considers the changes introduced in the functioning of the ruling party as one of the main reasons for the change in the methods of governing by the Turkish political elite. Highlighting two stages in the development of the political regime of R.T. Erdogan – 2002–2011 democratization and 2011 till present – as an authoritarian turn, the article provides explanation for the features of the political course of those times in terms of the structure and transformation of Justice and Development Party's political discourse. The changes in the properties of the party's political strategy such as coalition closeness, populist orientation, reliance on reforms and principles of democracy, and the moderate nature of the political style led to the radicalization of the Justice and Development Party. The radicalization of politics was manifested in Turkey's anti-Western foreign policy, with the predominance of negative political language in relation to political opponents and the deactivation of the principle of “checks and balances” in favor of expanding the powers and role of executive power in the face of president of Turkey R.T. Erdogan in the political system. It is especially worth noting about the influence of “external shock” on the political system. Among such “external shock”, there is a need to highlight the growth of protest moods, corruption scandals related to political environment of R.T. Erdogan, the increase in the influence of opposition parties on the political system and any possibility of limiting power of R.T. Erdogan up to the organization of attempts of military coup. The article concludes that in order to prevent a decrease in the party's ratings in the face of “external shocks”, the party's actions were adjusted so that it subsequently led to the creation of conditions for an authoritarian turn.

Keywords: democracy; election; Erdogan; Justice and Development Party; populism; regime; Turkey.

For citation: Agaev M.A. *Avtoritarnye tendentsii v Turtsii i radikalizatsiya pravyyashchey Partii spravedlivosti i razvitiya* [Authoritarian tendencies in Turkey and the radicalization of the ruling Justice and Development Party], *Antinomii = Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 49-70. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10303. (in Russ.).

References

Adaman F., Akbulut B., Arsel M. Neoliberal developmentalism, authoritarian populism, and extractivism in the countryside: the Soma mining disaster in Turkey, *The Journal of Peasant Studies*, 2019, vol. 46, no. 3, pp. 514-536.

Akça İ., Bekmen A., Özden B. Antinomies of Authoritarian Neoliberalism in Turkey The Justice and Development Party Era, C. Tansel (ed.) *States of Discipline. Authoritarian Neoliberalism and The Contested Reproduction of Capitalist Order*, London, Rowman & Littlefield International, 2017, pp. 189-209.

Akgül Açıkmeşe S., Aydın M., Çelikpaşa M., Dizdaroğlu C., Gökcan Kösen M., Özel S. *Türk Dış Politikası Kamuoyu Algıları Araştırması-2019* [Research on Public Perceptions on Turkish Foreign Policy-2019], İstanbul, Kadir Has Üniversitesi Türkiye Çalışmaları Merkezi, 2019, 91 p. (in Turkish).

Akkoyunlu K., Öktem K. Exit from democracy: illiberal governance in Turkey and beyond, *Southeast European and Black Sea Studies*, 2016, vol. 16, no. 4, pp. 469-480.

Akman C. *Beyond the Ballot Box: Turkish Democracy Under Tension Between Idealism and Populism*, Montreal, Canadian Political Science Association, 2010, 21 p.

Altınordu A. The Political Incorporation of Anti-System Religious Parties: the Case of Turkish Political Islam (1994–2011), *Qual Sociol*, 2016, no. 39, pp. 147-171.

Aslan P., Gökso O. *Siyasal İletişim Düzleminde AK Parti'nin 2015 Seçim Kampanyasının Analizi: Teması, Stratejisi ve Mesajları* [Analysis of the AK Party's 2015 election campaign on the political communication plane: its theme, strategy and messages], A. Özkan (ed.) *Siyasetin İletişim Odağı Seçim Kampanyaları*, İstanbul, Eğitim Yayınevi, 2015, pp. 29-110. (in Turkish).

Ateş H., Dinç Güzel H. *Türkiye'de Sol Partilerin Kamu Yönetimi Anlayışları: AK Parti ile Karşılaştırmalı Bir İnceleme* [Public Administration understandings of leftist parties in Turkey: A Comparative Review with the AK Party], *Yüzüncü Yıl Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*, available at: <http://www.yyusbedergisi.com/dergi/turkiyede-sol-partilerin-kamu-yonetimi-anlayislari-ak-parti-ile-karsilastirmali-bir-inceleme20180101035800.pdf> (accessed September 05, 2019). (in Turkish).

Ayan P. Authoritarian Party Structures in Turkey: A Comparison of the Republican People's Party and the Justice and Development Party, *Turkish Studies*, 2010, vol. 11, no. 2, pp. 197-215.

Aydoğan A., Slapin J. Left-right reversed: Parties and ideology in modern Turkey, *Party Politics*, 2015, vol. 21, no. 4, pp. 615-625.

Bashirov G., Lancaster C. End of moderation: the radicalization of AKP in Turkey, *Democratisation*, 2018, vol. 25, no. 7, pp. 1210-1230.

Berneio N. On Democratic Backsliding, *Journal of Democracy*, 2016, vol. 27, no. 1, pp. 5-19.

Çağlayan-İçener Z. The Justice and Development Party's Conception of "Conservative Democracy": Invention or Reinterpretation?, *Turkish Studies*, 2009, vol. 10, no. 4, pp. 595-612.

Collin K. Populist and authoritarian referendums: The role of direct democracy in democratic deconsolidation, *Brookings*, available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/02/FP_20190226_direct_democracy_collin.pdf (accessed September 05, 2019).

Dağı İ. The Justice and Development Party: Identity, Politics, and Discourse of Human Rights in the Search for Security and Legitimacy, H. Yavuz (ed.) *The Emergence of a New Turkey: Democracy and the AK Parti*, Salt Lake City, Utah Univ. Press, 2006, pp. 88-106.

De la Torre C. Populism and Democracy: Lessons from Latin America, *Journal of Diplomacy*, 2017, vol. 18, no. 2, pp. 33-46.

Değirmenci N. *Milletvekili transferlerinin siyaset etik boyutu* [The political ethical dimension of Member of Parliament transfers], 2. *Siyasette ve Yönetimde Etik Sempozyumu*, 2006, pp. 407-418. (in Turkish).

Demirkol Ö. Party Splits in Turkish Party System: The Case of Centre-Right Parties, *Turkish Studies*, 2015, vol. 16, no. 1, pp. 97-114.

Doğanay Ü. *AKP'nin Demokrasi Söylemi ve Muhafazakârlık: Muhafazakâr Demokrasi ve Eleştirel Bir Bakış* [AKP's democratic discourse and conservatism: Conservative Democracy and a critical view], *Ankara Üniversitesi SBF Dergisi*, 2007, vol. 62, no. 1, pp. 65-88. (in Turkish).

Doğanay Ü. *Seçim Meydanlarında Demokrasi Söylemi. 24 Haziran 2018 Cumhurbaşkanlığı Seçimlerinde Liderlerin Konuşma ve Metinleri Üzerine bir Analiz* [Democracy Discourse In Election Squares. An analysis on the speeches and texts of leaders in the June 24, 2018 presidential election], İstanbul, Friedrich-Ebert-Stiftung Türkiye, 2019, 65 p. (in Turkish).

Dzihic V., Günay C. Decoding the authoritarian code: exercising 'legitimate' power politics through the ruling parties in Turkey, Macedonia and Serbia, *Southeast European and Black Sea Studies*, 2016, vol. 16, no. 4, pp. 529-549.

Elçi E. The rise of populism in Turkey: a content analysis, *Southeast European and Black Sea Studies*, 2019, vol. 19, no. 3, pp. 387-408.

Erdoğan S. *Anavatan Partisinin Siyasal Dönüşümü* [The Political Transformation of The Motherland Party], Ankara, Ankara Üniversitesi, 2008, 184 p. (in Turkish).

Erler Ö. *Yeni Muhafazakarlık, AKP ve «Muhafazakar Demokrat» Kimliği* [Neoconservatism, AKP and «Conservative Democrat» identity], *Stratejik Araştırmalar Dergisi*, 2007, no. 10, pp. 126-132. (in Turkish).

Erpul O., Hekimci D., Selçuk O. The Erdoğanization of Turkish politics and the role of the opposition, *Southeast European and Black Sea Studies*, 2019, vol. 19, no. 4, pp. 541-564.

Esen B., Gumuscu S. Rising competitive authoritarianism in Turkey, *Third World Quarterly*, 2016, vol. 37, no. 9, pp. 1581-1606.

Evre B., Kahraman L. *Türkiye'deki Siyasi Parti Programlarında «Demokrasi» Kavramlaştırılmaları: Karşılaştırmalı Perspektifle AKP ve CHP Örnek Olayı* [Conceptions of «Democracy» in Political Party Programs in Turkey: A Case Study of AKP and CHP in Comparative Perspective], *Cumhuriyet Üniversitesi İİBF Dergisi*, 2008, no. 1, pp. 63-80. (in Turkish).

Göksel O. Foreign Policy Making in the Age of Populism: The Uses of Anti-Westernism in Turkish Politics, *New Middle Eastern Studies*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 13-35.

Göksu O. AK Parti'nin Stratejileri ve Siyasal Kampanyaları: 2002-2014 Dönemi Analizi [AK Party's strategies and political campaigns: an analysis of the period 2002-2014], *Turkish Studies-Social Sciences*, 2019, vol. 14, no. 3, pp. 589-621. (in Turkish).

Görener A., Ucal M. The Personality and Leadership Style of Recep Tayyip Erdoğan: Implications for Turkish Foreign Policy, *Turkish Studies*, 2011, vol. 12, no. 3, pp. 357-381.

Grigoriadis I. For the People, Against the Elites: Left versus Right-Wing Populism in Greece and Turkey, *The Journal of the Middle East and Africa*, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 51-64.

Gumuscu S., Sert D. The Power of the Devout Bourgeoisie: The Case of the Justice and Development Party in Turkey, *Middle Eastern Studies*, 2009, vol. 45, no. 6, pp. 953-968.

Halpin J., Hoffman M., Werz M. *Turkey's 'New Nationalism' Amid Shifting Politics Further Analysis of Polling Results*, Washington, Center for American Progress, 2018, 44 p.

Heinö A. *Timbro Populism Index 2016*, Stockholm, Timbro, 2016, 31 p.

Kaya A., Robert M.-V., Tecmen A. Populism in Turkey and France: nativism, multiculturalism and Euroskepticism, *Turkish Studies*, 2020, vol. 21, no. 3, pp. 361-391.

Keyman F. *Türkiye’de Demokrasinin Sorunları* [Problems of Democracy in Turkey. Democracy and Political Participation], İ. Şen (ed.) *Demokrasi ve Siyasal Katılım*, İstanbul, Heinrich Böll Stiftung Derneği Türkiye Temsilciliği, 2013, pp. 32-38. (in Turkish).

Kurun İ. *Yeni Sağ ve Demokratikleşme Arasındaki İlişki: Turgut Özal Dönemi Türkiye’si Örneği* [The relationship between the new right and democratization: the Turkey’s example of Turgut Özal period], *Mehmet Akif Ersoy Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*, 2017, vol. 9, no. 22, pp. 358-374. (in Turkish).

Kyle J., Mounk Y. *The Populist Harm to Democracy: An Empirical Assessment*, London, The Tony Blair Institute for Global Change, 2018, 40 p.

Laclau E. *On populist reason*, London, Verso, 2005, 276 p.

Lancaster C. The iron law of Erdogan: the decay from intra-party democracy to personalistic rule, *Third World Quarterly*, 2014, vol. 35, no. 9, pp. 1672-1690.

Lindberg S., Lührmann A. A third wave of autocratization is here: what is new about it?, *Democratization*, 2019, vol. 26, no. 7, pp. 1095-1113.

Lindberg S., Lührmann A. *Keeping the Democratic Façade: Contemporary Autocratization as a Game of Deception*, Gothenburg, Univ. of Gothenburg, 2018, 48 p.

Mudde C. The Populist Zeitgeist, *Government and Opposition*, 2004, vol. 39, no. 4, pp. 541-563.

Mudde C., Rovira Kaltwasser C. *Populism: A Very Short Introduction*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2017, 136 p.

Müfteler-Baç M. Backsliding into Authoritarianism in Turkey: The European Union Accession Process and the Limits of Political Conditionality, K. Dalacoura and H. Seckinelgin (eds.) *The State of Democracy in Turkey: Institutions, Society and Foreign Relations*, London, The LSE Middle East Centre, 2015, pp. 24-31.

Özçelik P. *Demokrat Parti’nin Demokrasi Söylemi* [The Democratic Party’s Discourse on Democracy], *Ankara Üniversitesi SBF Dergisi*, 2010, vol. 65, no. 3, pp. 163-187. (in Turkish).

Özdamar Ö. Leadership Analysis at a “Great Distance”: Using the Operational Code Construct to Analyse Islamist Leaders, *Global Society*, 2017, vol. 31, no. 2, pp. 167-198.

Özdemir H. *Demokrat Parti (DP) ile Adalet ve Kalkınma Partisi (AKP)’nin Karşılaştırmalı Tarihsel Analizi* [Comparative historical analysis of Democratic Party (DP) and Justice and Development Party (AKP)], *Fırat Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*, 2012, vol. 22, no. 2, pp. 188-209. (in Turkish).

Özdemir Y. AKP’s neoliberal populism and contradictions of new social policies in Turkey, *Contemporary Politics*, 2020, vol. 26, no. 3, pp. 245-267.

Özkan A. *7 Haziran ve 1 Kasım Seçimlerinde Siyasal İletişim* [Political Communication in 7 June and 1 November General Elections], İstanbul, SETA, 2016, 30 p. (in Turkish).

Panizza F. Introduction: Populism and the Mirror of Democracy, F. Panizza (ed.) *Populism and the Mirror of Democracy*, London, Verso, 2005, pp. 1-31.

Pappas T. Populist Democracies: Post-Authoritarian Greece and Post-Communist Hungary, *Government and Opposition*, 2014, vol. 49, no. 1, pp. 1-25.

Puddington A. *Breaking Down Democracy: Goals, Strategies, and Methods of Modern Authoritarians*, Washington, Freedom House, 2017, 61 p.

Sayarı S. Back to a Predominant Party System: The November 2015 Snap Election in Turkey, *South European Society and Politics*, 2016, vol. 21, no. 2, pp. 263-280.

Taggart P. *Populism*, Philadelphia, Open Univ. Press, 2000, 128 p.

Taleski D., Yabancı B. Co-opting religion: how ruling populists in Turkey and Macedonia sacralise the majority, *Religion, State and Society*, 2018, vol. 46, no. 3, pp. 283-304.

Tansel C. Authoritarian Neoliberalism and Democratic Backsliding in Turkey: Beyond the Narratives of Progress, *South European Society and Politics*, 2018, vol. 23, no. 2, pp. 197-217.

Taş H. The chronopolitics of national populism, *Identities: Global Studies in Culture and Power*, 2020, pp. 1-19.

Türkiye Sosyal-Siyasal Eğilimler Araştırması-2018 [Turkey Social-Political Trends Survey-2018], İstanbul, Kadir Has Üniversitesi, 2019, 124 p. (in Turkish).

Türköz E. *Özal'lı ANAP Döneminde Muhafazakâr Düşüncenin Gelişimi* [The development of conservative thought during the period of Ozal's ANAP], *Ömer Halisdemir Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi*, 2016, vol. 9, no. 1, pp. 103-116. (in Turkish).

Turner B., Yılmaz Z. Turkey's deepening authoritarianism and the fall of electoral democracy, *British Journal of Middle Eastern Studies*, 2019, vol. 46, no. 5, pp. 691-698.

Uncu B. *Seçmen Kümeleri. Ak Parti Seçmenleri* [Voter Clusters. AK Party Voters], İstanbul, KONDA, 2018, 132 p. (in Turkish).

Yiğitbaşı K. *22 Temmuz'dan 7 Haziran'a Kampanyalar Ekseninde Adalet ve Kalkınma Partisi'nin (AK Parti) Siyasal İletişimi* [Political communication of Justice and Development Party (AK Party) on the axis of campaigns from 22 July to 7 June], *İ. Çağlar, Y. Özkir (eds.) Türkiye'de Siyasal İletişim 2007-2015*, İstanbul, SETA, 2015, pp. 19-52. (in Turkish).

Yılmaz Z. The genesis of the 'Exceptional' Republic: the permanency of the political crisis and the constitution of legal emergency power in Turkey, *British Journal of Middle Eastern Studies*, 2019, vol. 46, no. 5, pp. 714-734.

31 Mart Yerel Seçimlerinin Sayısal Analizi [Numerical Analysis of The 31 March Local Elections], İstanbul, KONDA, 2019, 42 p. (in Turkish).

ПРАВО LAW

Чихладзе Л.Т., Болдырев О.Ю. Местное самоуправление в правовых позициях Конституционного Суда РФ и его судей в контексте конституционной реформы-2020. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10304 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 71–87.

УДК 342.25:342.4:342.55:342.562

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10304

Местное самоуправление в правовых позициях Конституционного Суда РФ и его судей в контексте конституционной реформы-2020

Чихладзе Леван Теймуразович

доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой муниципального права Юридического института РУДН,
и.о. зав. кафедрой
конституционного и муниципального права Юридического факультета
Московского государственного областного университета,
г. Москва, Россия.

E-mail: levanbook@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8807-2572

ResearcherID: A-7214-2017

ScopusID: 57193356969

SPIN-код: 9107-0406

Болдырев Олег Юрьевич

кандидат юридических наук,
ассистент кафедры конституционного и муниципального права
юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,

© Чихладзе Л.Т., Болдырев О.Ю., 2020

доцент кафедры муниципального права
Юридического института РУДН,
г. Москва, Россия.
E-mail: oleg211291@bk.ru
ORCID: 0000-0001-7030-1501
ResearcherID: AAD-5639-2019
SPIN-код: 9185-8333

*Статья поступила 16.06.2020, принята к печати 03.09.2020,
доступна online 05.10.2020*

Конституция РФ 1993 года заложила новые тенденции развития местного самоуправления. Важную роль в защите конституционного права на осуществление местного самоуправления призван играть Конституционный Суд Российской Федерации. Именно Конституционным Судом РФ сформировано само понятие местного самоуправления, в частности дано определение объема его прав и гарантий, а решения Конституционного Суда сыграли значительную роль в создании и трансформации российской модели местного самоуправления. В статье рассматриваются отдельные правовые позиции Конституционного Суда РФ, которые базировались на нормах Конституции РФ до внесения поправок, предусмотренных Законом о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Показано, что решения по многим делам, которые рассматривались Конституционным Судом и затрагивали различные аспекты проблематики местного самоуправления, вызывали дискуссию среди судей, что отражено в ряде мнений и особых мнений. В Заключении от 16.03.2020 № 1-3 Конституционный Суд пришел к выводу о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ не вступивших на тот момент в силу положений Закона о поправке к Конституции, однако в статье показано, что они свидетельствуют о конституционном закреплении продолжающейся на протяжении ряда лет тенденции снижения выборности органов и должностных лиц местного самоуправления, а также о все большей централизации не только государственной, но и всей системы публичной власти в России. И хотя некоторые изменения, вносимые Законом о поправке к Конституции РФ, по сути, повторяют или развивают ранее сформулированные Конституционным Судом позиции, например о том, что «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации...», другие изменения выхолащивают ранее сформулированные Конституционным Судом РФ правовые позиции о недопустимости передачи органам государственной власти полномочий, которые должны осуществляться только органами местного самоуправления либо населением муниципального образования непосредственно, или об особой роли поселений, «как таковых предназначенных для решения вопросов местного значения...», и мн. др. Соответственно, в связи с принятием Закона о поправке к Конституции РФ конституционные основы российской модели местного самоуправления подвергнутся значительным изменениям, и пока можно только прогнозировать, как это повлияет на правовые позиции Конституционного Суда РФ.

Ключевые слова: Конституция РФ, Закон о поправке к Конституции, местное самоуправление, правовые позиции Конституционного Суда, особые мнения судей Конституционного Суда, территориально-поселенческий принцип, формирование органов местного самоуправления.

Конституция РФ 1993 года закрепила институт местного самоуправления и заложила ряд новых тенденций развития отечественной государственности (Авакьян 2008; Чихладзе 2015). Важную роль в защите конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе права на осуществление местного самоуправления, призван играть Конституционный Суд Российской Федерации. В решениях Конституционного Суда не раз подчеркивалось значение местного самоуправления в развитии демократии в России. Судьи Конституционного Суда РФ – как правило, известные ученые-конституционалисты – в своих работах отмечают роль Конституционного Суда РФ в развитии местного самоуправления. Так, Н.С. Бондарь указывает, что Конституция представляет собой мерило, критерий оценки системы норм и институтов муниципального права в плане их соответствия высшим идеалам, получившим конституционное признание (Бондарь 2014: 108-109). Н.В. Витрук обращает внимание на то, что Конституционный Суд РФ в отношении местного самоуправления вырабатывает правовые позиции, которые затем становятся обязательными для законодателя как федерального уровня, так и уровня субъектов Российской Федерации (Витрук 2012: 516).

А известный специалист в области муниципального права Е.С. Шугрина подчеркивает, что именно Конституционным Судом РФ сформировано само понятие местного самоуправления, дано определение объема его прав и гарантий, и акцентирует значение решений Конституционного Суда как влекущих прикладные последствия для местного самоуправления. Е.С. Шугрина также констатирует смещение с течением времени вектора деятельности Суда по отношению к вопросам местного самоуправления. Если изначально большая часть вопросов рассматривалась в порядке абстрактного нормоконтроля, то впоследствии возникло большое количество обращений в порядке конкретного нормоконтроля (Шугрина 2010: 41-42).

В данной статье рассматриваются некоторые правовые позиции Конституционного Суда РФ, которые базировались на нормах Конституции РФ до внесения поправок, предусмотренных Законом о поправке к Конституции РФ 2020 г. Здесь необходимо подчеркнуть, что Закон о поправке к Конституции существенно изменяет как всю организацию системы публичной власти в Российской Федерации в целом, так и конституционную основу местного самоуправления в частности. В Заключении от 16.03.2020 № 1-3 (Заключение № 1-3, 2020) Конституционный Суд пришел к выводу о соответствии Конституции РФ порядка вступления в силу ст. 1 Закона о поправке к Конституции РФ 2020 г. (а именно в ст. 1 сформулированы содержательные поправки к Конституции), а также о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ не вступивших на тот момент в силу положений данного Закона. Отсюда следует, что конституционные основы российской модели местного самоуправления подвергнутся значительным изменениям. Пока можно только прогнозировать, как это скажется на изменении правовых позиций Конституционного Суда РФ (статус и компетенция которого также подвергаются изменениям) по вопросам, рассматриваемым в данной статье.

Кроме того, стоит отметить, что в соответствии с Законом о поправке к Конституции РФ 2020 г. Конституционный Суд РФ наделяется полномочием

не только последующего, но и предварительного конституционного контроля нормативно-правовых актов. Согласно п. 40 ст. 1 Закона о поправке ст. 125 Конституции РФ дополняется п. 5.1, в соответствии с которым по запросу Президента РФ Конституционный Суд РФ проверяет конституционность проектов законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации, проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов, а также законов, принятых в порядке, предусмотренном частями 2 и 3 статьи 107 и частью 2 статьи 108 Конституции РФ, до их подписания Президентом РФ. Таким образом, теперь можно ожидать появление решений Конституционного Суда РФ, в том числе затрагивающих проблематику местного самоуправления, вынесенных в рамках не только последующего, но и предварительного конституционного контроля.

В то же время некоторые изменения, вносимые Законом о поправке к Конституции РФ, по сути, повторяют или развивают ранее сформулированные Конституционным Судом позиции.

Например, положение о том, что «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации...» (п. 45 ст. 1 Закона о поправке к Конституции РФ 2020 г. закрепляет это положение в пункте 3, которым он дополняет ст. 132 Конституции РФ), ранее неоднократно формулировалось Конституционным Судом. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 № 1-П говорится про территориальные единицы, на уровне которых «публичная власть осуществляется посредством местного самоуправления и его органов, не входящих в систему органов государственной власти» (Постановление № 1-П, 1997). А в Постановлении от 15.01.1998 № 3-П Конституционный Суд РФ подтвердил, что указание на то, что местные представительные органы являются органами власти, «само по себе не свидетельствует об их государственной природе. Публичная власть может быть и муниципальной» (Постановление № 3-П, 1998). Впрочем, с учетом другого положения, закрепленного в принятом Законе о поправке к Конституции РФ, согласно которому «органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления в порядке и случаях, установленных федеральным законом» (Закон № 1-ФКЗ, 2020: ст. 1, п. 44-б), можно говорить о конституционном закреплении продолжающейся на протяжении ряда лет тенденции снижения выборности органов и должностных лиц местного самоуправления, а также о все большей централизации не только государственной, но и всей системы публичной власти в России (Болдырев 2020).

Однако больший интерес представляют иные изменения, вносимые в Конституцию РФ Законом о поправке 2020 г., которые сводят на нет ранее сформулированные Конституционным Судом правовые позиции. Так, есть основания утверждать, что вносимое тем же п. 45 ст. 1 Закона о поправке к Конституции РФ положение о том, что органы местного самоуправления и органы государственной власти «осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на

соответствующей территории», нивелирует правовую позицию о недопустимости передачи органам государственной власти полномочий, которые должны осуществляться только органами местного самоуправления или населением муниципального образования непосредственно, сформулированную в Постановлении Конституционного Суда РФ от 30.11.2000 № 15-П (впрочем, ниже будет показано, что не все судьи согласились с этой позицией, а сама она и до принятия Закона о поправке к Конституции 2020 г. была частично выхолощена последующими изменениями законодательства).

Другой пример: упразднение Законом о поправке к Конституции РФ поселений как обязательного вида муниципальных образований, по сути, аннулирует ранее сформулированные Конституционным Судом РФ (начиная с упомянутого выше Постановления от 24.01.1997 № 1-П) правовые позиции об особой роли поселений, «как таковых предназначенных для решения вопросов местного значения (которые могут быть решены данным поселением самостоятельно, под свою ответственность)» и продолжает тенденцию укрупнения муниципальных образований, до этого осуществляемую, во-первых, путем объединения поселений, а во-вторых, путем косвенного «преобразования» муниципальных районов в городские округа (Баженова 2019; Болдырев 2020).

Если обращаться к практике Конституционного Суда РФ, сложившейся до принятия Закона о поправке к Конституции 2020 г., то особенно хотелось бы напомнить, что решения по многим делам, которые рассматривались Конституционным Судом и затрагивали различные аспекты проблематики местного самоуправления, вызывали дискуссию среди судей, что отражено в ряде мнений и особых мнений.

Институт мнений и особых мнений судей призван оказывать воздействие на развитие понимания общественных процессов, дальнейшую общественную дискуссию по вопросам, которые стали предметом рассмотрения. Несмотря на то что принимаемое Судом решение не подлежит обжалованию, институт мнений и особых мнений судей способен в будущем привести к переосмыслению ситуации и принятых Судом решений.

Любопытно, что иногда Конституционный Суд формулирует правовые позиции, по сути повторяющие или развивающие позиции, ранее высказанные отдельными судьями во мнениях или даже особых мнениях к другим решениям. Так, в своем особом мнении на Постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 № 1-П судья Н.В. Витрук отмечает: «Полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления в рамках административно-территориальных единиц и муниципальных образований проистекают не от воли населения указанных территориальных образований, а от воли народа, выраженной и закрепленной в Конституции и законе. Отсюда следует, что граждане отдельных территориальных образований не могут ликвидировать местное самоуправление на этих территориях, равно как не могут противодействовать созданию и функционированию органов государственной власти на указанных территориях вопреки воле народа, выраженной в законе» (Особое мнение судьи Н.В. Витрука... 1997: п. 1).

Как известно, близкая правовая позиция была позже сформулирована и самим Конституционным Судом. В Постановлении от 30.11.2000 № 15-П Конституционный Суд РФ проверял конституционность ряда положений Устава (Основного Закона) Курской области. Оспариваемыми положениями среди прочего допускалось упразднение местного самоуправления на территории определенного муниципального образования и его замена органами государственной власти, если решение отказать «от реализации права на организацию местного самоуправления» принято «самостоятельно и добровольно через референдум» большинством голосов населения данного муниципального образования, обладающего активным избирательным правом (Постановление № 15-П: 2000). Конституционный Суд отметил, что из ч.2 ст.3, ст. 12, ч. 2 ст. 32 ст. 130, 131 и 132 Конституции РФ следует, что граждане имеют право на участие – непосредственно или через своих представителей – в осуществлении публичной власти в рамках муниципального образования. Причем и само муниципальное образование, и право проживающих на его территории граждан на осуществление местного самоуправления возникают именно на основании Конституции РФ и закона, а не на основании волеизъявления населения муниципального образования. Конституционный Суд подчеркнул: никакое изменение территориальных основ местного самоуправления не может приводить к отказу от него. А возможность полного упразднения местного самоуправления на какой-либо территории противоречит Конституции. При этом Конституционный Суд сделал оговорку, что таким решением не ставится под сомнение право населения в соответствии с Конституцией, федеральными законами и не противоречащими им законами конкретного субъекта Федерации (в данном случае – Курской области) в установленном порядке определять территориальные основы местного самоуправления при соблюдении вытекающих из Конституции требований об осуществлении местного самоуправления на всей территории страны (п. 4 мотивировочной части Постановления).

Представляется, что актуальность изучения мнений и особых мнений судей возрастает в период радикальных конституционных реформ, в том числе конституционной реформы 2020 г. При этом, как будет показано ниже, не только ряд правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросам, касающимся местного самоуправления, но и некоторые мнения и особые мнения отдельных судей теряют актуальность, поскольку базировались на тех положениях Конституции (как в отдельности, так и в их взаимосвязи), которые теперь подвергаются изменению. Но, если они даже и не востребованы в прикладном смысле слова, их научная ценность не подлежит сомнению: напротив, они смогут показать следующему поколению, к каким выводам приходили Конституционный Суд РФ и отдельные судьи на основе прежней редакции Конституции.

Напомним, что, по абз. 2 ст. 76 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», свое мнение судья Конституционного Суда вправе письменно изложить в случае, если он голосовал за принятое постановление или заключение по существу рассматриваемого вопроса, но остался в меньшин-

стве при голосовании по какому-либо другому вопросу или по мотивировке принятого решения. То есть когда по сути он согласен с принятым Судом решением, но не вполне согласен с его аргументацией, считает ее неверной или неполной.

В качестве примера мнений, высказываемых судьями по решениям в сфере проблем местного самоуправления, можно вспомнить мнение судьи Н.В. Витрука на Постановление Конституционного Суда РФ от 02.04.2002 № 7-П (Постановление № 7-П, 2002).

Актуальным сегодня представляется мнение судьи Н.С. Бондаря на Постановление Конституционного Суда РФ № 30-П от 01.12.2015 (Постановление № 30-П, 2015). Вопрос рассматривался в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы РФ.

Сразу стоит отметить, что на это Постановление было оформлено и особое мнение судьи А.Н. Кокотова, не согласившегося с существом решения, но о нем далее. Сейчас же говорим о сформулированном судьей мнении, причем, что интересно, сформулированном самим докладчиком по делу – Н.С. Бондарем. С учетом принятого Закона о поправке к Конституции РФ, о чем сказано выше, упраздняющего поселенческий уровень местного самоуправления как обязательный, заслуживает особого внимания фрагмент мнения судьи Н.С. Бондаря, в котором он обращает внимание на норму статьи 131 (часть 1) Конституции, в частности на закрепление в ней в качестве обязательного именно поселенческого уровня местного самоуправления.

Из этого примера с очевидностью следует, что (казалось бы, невинная!) указанная выше норма Закона о поправке к Конституции РФ 2020 г., большинством граждан, которым предстояло положения Закона о поправке к Конституции РФ одобрить либо не одобрить на общероссийском голосовании, даже и не замеченная, может повлечь за собой чрезвычайно серьезные последствия во всей логике дальнейших решений Конституционного Суда.

Остановимся подробнее на особых мнениях судей Конституционного Суда РФ по вопросам местного самоуправления. В соответствии с абз. 1 ст. 76 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», особое мнение судьи Конституционного Суда РФ вправе письменно изложить в случае, когда он не согласен по существу с принятым Конституционным Судом решением. Особое мнение одного или нескольких судей на решение Конституционного Суда свидетельствует о наличии конфликта не только общественно-политического, но и интеллектуального, о возможности неоднозначного или противоречивого толкования специалистами одних и тех же норм Конституции и законодательства.

В контексте проблематики местного самоуправления сошлемся, в частности, на особое мнение судьи Н.В. Витрука к Постановлению Конституционного Суда РФ от 01.02.1996 № 3-П (Особое мнение Н.В. Витрука... 1996), особые мнения судей Н.В. Витрука и Г.А. Гаджиева на Постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 № 1-П (Особые мнения судей Н.В. Витрука и Г.А. Гаджиева... 1997); особое мнение судьи Н.В. Витрука на Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июня 1998 г. № 17-П (Особое мнение судьи Н.В. Витрука... 1998) и некоторые другие.

Стоит вспомнить и особые мнения судей Н.В. Витрука и Г.А. Гаджиева на Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П (Особые мнения судей Н.В. Витрука и Г.А. Гаджиева... 2000). Это Постановление уже упоминалось, когда речь шла о невозможности населения отказаться от местного самоуправления на референдуме. Но в нем был сформулирован и ряд иных важных правовых позиций, в том числе вызвавшая несогласие судей Н.В. Витрука и Г.А. Гаджиева позиция о недопустимости передачи органам государственной власти полномочий, которые должны осуществляться только органами местного самоуправления или населением муниципального образования непосредственно.

Судья Г.А. Гаджиев попытался обосновать указанную норму Устава Курской области, признанную Конституционным Судом РФ не соответствующей Конституции РФ, соображениями «управленческой эффективности», в частности тем, что оспоренная норма позволяет обеспечить единство управления территориями, которые ранее сложились в экономическом и демографическом отношениях в целостные образования, а также координацию работы органов местного самоуправления и органов государственной власти, ссылаясь, помимо этого, и на учет местных особенностей и возможность постепенного введения системы местного самоуправления «по мере создания необходимых предпосылок». Будучи специалистом и в области гражданского права, Г.А. Гаджиев предложил правовую форму возникающих при этом отношений: договор о совместной деятельности либо договор о возмездном предоставлении услуг.

А судья Н.В. Витрук в своем особом мнении сформулировал несколько иную дискуссионную позицию. Апеллируя к тому, что в силу различных причин не все муниципальные образования обладают необходимой самостоятельностью и ответственностью, он призвал учитывать эти «реалии», в том числе тот факт, что снабжение электроэнергией, теплом, водоснабжение и т.п. не всегда могут быть обеспечены силами органов местного самоуправления.

Акцентируя внимание на особых мнениях судей и их важности, все-таки отметим (с нашей точки зрения, принципиальную) правоту позиции Конституционного Суда в данном случае, переформулировав ее не чисто юридически, но сущностно: задача государственной власти не в том, чтобы согласиться с умалением местного самоуправления, ссылаясь на «реалии», присваивая себе под этим предлогом полномочия местного самоуправления, но в том, чтобы обеспечить такое изменение эти пресловутых «реалий», чтобы полномочия местного самоуправления могли реализовываться в полном объеме населением и органами местного самоуправления самостоятельно.

Тем не менее через полтора десятка лет в российском законодательстве появился институт перераспределения полномочий. В соответствии с п. 1.2. ст. 17 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее ФЗ № 131-ФЗ), законами субъекта РФ в случаях, установленных федеральными законами, может осуществляться перераспределение полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ (в ред. Федерального закона от 28.12.2016 № 494-ФЗ).

Эта норма не была признана Конституционным Судом РФ не соответствующей Конституции. Конституционный Суд РФ в определениях от 26 апреля 2016 г. № 879-О и от 24 ноября 2016 г. № 2575-О по формальным основаниям отказался рассматривать указанный вопрос по существу и, как отмечает А.Н. Костюков, «своим молчаливым согласием фактически (неюридически) подтвердил конституционность оспариваемых законоположений. Хотя и ученые-конституционалисты, и вся юридическая общественность ожидали четкой и, исходя из ранее высказанных Конституционным Судом РФ правовых позиций, негативной оценки указанного нововведения» (Костюков 2018: 33).

Действительно, вопрос о том, как норма о перераспределении полномочий согласуется с правовой позицией, сформулированной Конституционным Судом в «курском деле», так и остается открытым. Представляется, что она соответствует скорее позициям судей Н.В. Витрука и Г.А. Гаджиева, изложенным в указанных выше особых мнениях. Но, как уже указывалось, особые мнения могут представлять научный и даже общественно-политический интерес, но не могут сами по себе порождать правовые последствия.

Уделим внимание тем особым мнениям, которые основаны на положениях Конституции РФ, подвергаемых реформированию Законом о поправке к Конституции РФ 2020 г.

Это особые мнения судей В.Г. Ярославцева и Г.А. Гаджиева на Постановление Конституционного Суда РФ от 18 мая 2011 № 9-П (Особые мнения судей В.Г. Ярославцева и Г.А. Гаджиева... 2011). В этом деле Конституционный Суд не усмотрел нарушения Конституции в норме о возможности формирования представительного органа муниципального района из глав входящих в него поселений.

В своем особом мнении судья В.Г. Ярославцев демонстрирует последовательность и ссылается на правовую позицию, сформулированную им ранее в особом мнении на Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2005 года № 13-П, где предметом рассмотрения были положения ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». И в данном случае судья В.Г. Ярославцев подчеркивает: «...отчуждение населения поселений от осознанного формирования представительного органа муниципального района посредством выборов ведет к нарушению конституционного принципа народовластия» (Особые мнения судей В.Г. Ярославцева и Г.А. Гаджиева... 2011).

Кроме того, судья В.Г. Ярославцев отмечает недопустимость распространения новой нормы о формировании представительного органа местного самоуправления муниципального района из глав входящих в него поселений на тех лиц, что заняли свои должности до введения этой нормы, так как при их избрании населением подобное последующее расширение полномочий не предполагалось.

Судья Г.А. Гаджиев в своем особом мнении отмечает, что рассматриваемый закон в нарушение Конституции качественно меняет само понятие

«свободные выборы», а также что представительные органы не могут быть сформированы путем процедур, не основанных на принципах прямого, равного, всеобщего избирательного права.

Вопрос о возможности или невозможности отстранении населения от формирования органов местного самоуправления был затем разрешен Конституционным Судом РФ в Постановлении от 01.12.2015 № 30-П. Здесь уже рассматривался вопрос о возможности государственной власти самостоятельно устанавливать порядок формирования органов местного самоуправления. Выше упоминалось это Постановление и особое мнение судьи Н.С. Бондаря на него. Сейчас обратим внимание на особое мнение судьи А.Н. Кокотова.

В своем особом мнении на решение Конституционного Суда, признавшего оспаривавшиеся нормы закона не противоречащими Конституции, судья А.Н. Кокотов, в частности, указывает на недопустимость установления законом субъекта РФ «для конкретных муниципальных образований единственного и безальтернативного варианта избрания главы муниципально-го образования и его места в структуре органов местного самоуправления» (Особое мнение судьи А.Н. Кокотова... 2015). По мнению судьи А.Н. Кокотова, подобные нормы ограничивают конституционное право населения самостоятельно определять структуру органов местного самоуправления.

Солидаризируясь с позицией, выраженной в особом мнении судьей А.Н. Кокотовым, отметим: если до принятия Закона о поправке к Конституции РФ 2020 г. эта официально сформулированная позиция могла давать надежду на изменение в будущем позиции и самого Конституционного Суда, то теперь ее прикладное (не научное) значение утрачивается. В Законе о поправке к Конституции РФ закрепляется: «Органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления в порядке и случаях, установленных федеральным законом» (Закон № 1-ФКЗ, 2020: ст. 1, п. 44-б). Если в Постановлении от 01.12.2015 № 30-П Конституционному Суду РФ в случаях, когда он признавал допустимость «организационного и иных форм взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти», приходилось все-таки делать определенные оговорки, например о том, что Конституция РФ «исключает *решающее* (выделено нами. – Л.Ч., О.Б.) участие органов государственной власти в собственно формировании органов местного самоуправления» (Постановление № 30-П, 2015), то теперь никакие подобные оговорки не требуются. С 2020 г. Конституция прямо допускает участие органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления и назначении должностных лиц местного самоуправления.

Выше мы уже ставили вопрос: не продолжение ли это тенденции, с одной стороны, снижения выборности органов и должностных лиц местного самоуправления, а с другой стороны, все большей централизации не только государственной, но и всей системы публичной власти в России? Ответ представляется очевидным (Болдырев 2020).

Впрочем, воздержимся в данном случае от политических оценок. Плюсы и минусы централизации и децентрализации публичной власти – серьезный

вопрос, требующий отдельного рассмотрения. Но представляется важным напомнить правовую позицию, сформулированную в п. 7 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 № 1-П, о необходимости «соответствовать основам конституционного строя Российской Федерации и вытекающим из этих основ принципам демократии и децентрализации власти, на которых строится организация публичной власти на местах, независимо от того, осуществляется она органами государственной власти местного уровня или муниципальными органами, не входящими в систему органов государственной власти» (Постановление № 1-П, 1997: п. 7).

Хотя в Заключении Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 Конституционный Суд пришел к выводу о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ не вступивших на тот момент в силу положений Закона о поправке к Конституции и хотя, как было показано выше, некоторые изменения, вносимые Законом о поправке к Конституции РФ, по сути повторяют или развивают ранее сформулированные Конституционным Судом позиции, нельзя не признать, что выхолащиваются многие правовые позиции, в том числе положения о недопустимости передачи органам государственной власти полномочий, которые должны осуществляться только органами местного самоуправления или населением муниципального образования непосредственно; об особой роли поселений, «как таковых предназначенных для решения вопросов местного значения...» (Заклучение № 1-3, 2020); об ограничениях участия органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления и назначении должностных лиц местного самоуправления, что принципиально изменяет российскую модель местного самоуправления и содержит в себе ряд рисков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авакьян С.А. 2008. Конституционные основы местного самоуправления в Российской Федерации: итоги 15-летнего развития, современное состояние // Конституционный вестник. № 1 (19). С. 292-302.

Баженова О.И. 2019. К проблеме реализации конституционного поселенческо-территориального принципа организации местного самоуправления. В защиту поселенческого начала // Местное право. № 4. С. 25-52.

Болдырев О.Ю. 2020. Реформа местного самоуправления в контексте общей конституционной реформы // Местное самоуправление в единой системе публичной власти: вектор и последствия конституционной реформы в Российской Федерации / под ред. Л.Т. Чихладзе, А.А. Ларичева, Е.Н. Хзова. Москва : ЮНИТИ-ДАНА. С. 30-40.

Бондарь Н.С. 2014. Конституционная модернизация российской государственно-сти: в свете практики конституционного правосудия. Москва : ЮНИТИ-ДАНА. 195 с.

Витрук Н.В. 2012. Право, демократия и личность в конституционном измерении: (история, доктрина и практика). Избранные труды (1991–2012). Москва : Норма. 688 с.

Костюков А.Н. 2018. Народовластие и местное самоуправление: конституционные проблемы реализации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. № 4 (33). С. 30-37.

Чихладзе Л.Т. 2015. Конституционные основы местного самоуправления в Российской Федерации // Вестник Университета МВД России. № 5. С. 39-46.

Шугрина Е.С. 2010. Судебная защита местного самоуправления. Москва : Норма : Инфра-М. 336 с.

Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета. 2020. 16 марта.

Постановление Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 года № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года “О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике»». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23118/ca1820d99f2c758e82d835816b28c0a34417dc33/ (дата обращения: 19.04.2020).

Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 1998 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года “Об органах исполнительной власти в Республике Коми”». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12008400/> (дата обращения: 14.03.2020).

Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года “О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области”». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12021314/> (дата обращения: 11.04.2020).

Постановление Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2002 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края “О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления” и Закона Корякского автономного округа “О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе” в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36154/ (дата обращения: 12.06.2020).

Постановление Конституционного Суда РФ № 30-П от 1 декабря 2015 года «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5 1 статьи 35, частей 2 и 31 статьи 36 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и части 11 статьи 3 Закона Иркутской области “Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189899/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 12.05.2020).

Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 года № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347691/ (дата обращения: 12.07.2020).

Особое мнение судьи Н.В. Витрука к Постановлению Конституционного Суда РФ от 01.02.1996 № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава – Основного Закона Читинской области». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-01021996-n/> (дата обращения: 12.06.2020).

Особые мнения судей Н.В. Витрука и Г.А. Гаджиева на Постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года “О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике”». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23118/ca1820d99f2c758e82d835816b28c0a34417dc33/ (дата обращения: 13.07.2020).

Особое мнение судьи Н.В. Витрука на Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июня 1998 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 4, подпункта “а” пункта 3 и пункта 4 статьи 13, пункта 3 статьи 19 и пункта 2 статьи 58 Федерального закона от 19 сентября 1997 года “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19098/ (дата обращения: 11.05.2020).

Особые мнения судей Н.В. Витрука и Г.А. Гаджиева на Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года “О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области”». URL: <https://www.garant.ru/products/ipro/prime/doc/12021314/> (дата обращения: 11.04.2020).

Особые мнения судей В.Г. Ярославцева и Г.А. Гаджиева на Постановление Конституционного Суда РФ от 18 мая 2011 № 9-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 части 4 и части 5 статьи 35 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» в связи с жалобой гражданина Н.М. Савостьянова. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114208/ (дата обращения: 11.04.2020).

Особое мнение судьи А.Н. Кокотова на Постановление Конституционного Суда РФ № 30-П от 1 декабря 2015 года «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5 1 статьи 35, частей 2 и 31 статьи 36 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и части 11 статьи 3 Закона Иркутской области “Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области”». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189899/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 12.05.2020).

Levan T. Chikhladze, Law Institute of RUDN University,
Moscow State Regional University, Moscow, Russian.

E-mail: levanbook@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8807-2572

ResearcherID: A-7214-2017

ScopusID: 57193356969

SPIN-код: 9107-0406

Oleg Yu. Boldyrev, Lomonosov Moscow State University,
Law Institute of RUDN University, Moscow, Russian.

E-mail: oleg211291@bk.ru

ORCID: 0000-0001-7030-1501

ResearcherID: AAD-5639-2019

SPIN-код: 9185-8333

Article received 16.06.2020, accepted 03.09.2020, available online 05.10.2020

Local self-government in legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and its judges in the context of Constitutional reform 2020

Abstract. The 1993 Constitution of the Russian Federation laid down new trends in the development of local self-government. The Constitutional Court plays an important role in protecting the constitutional right to exercise local self-government, in the formation and transformation of the Russian model of local self-government. The article discusses some of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which were based on the norms of the Constitution of the Russian Federation until the 2020 amendments. It is shown that the decisions in many cases that were considered by the Constitutional Court and touched upon various problems of local self-government caused discussion among judges, which is reflected in a number of opinions and dissenting opinions. In the Opinion of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 16, 2020 No. 1-Z, the Constitutional Court concluded that the amendments to the Constitution are consistent with chapters 1, 2 and 9 of the Constitution. However, the article shows that the amendments to the Constitution continue the tendency to centralize not only the state, but the entire system of public authority in Russia. A number of amendments to the Constitution emasculate many of the legal positions previously formulated by the Constitutional Court of the Russian Federation. Accordingly, the constitutional foundations of the Russian model of local self-government will undergo significant changes. So far, one can only predict how this will affect the change in the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: Constitution of the Russian Federation; Law on Amendments to the Constitution; local self-government; legal positions of the Constitutional Court; dissenting opinions of judges of the Constitutional Court; territorial settlement principle; formation of local self-government bodies.

For citation: Chikhladze L.T., Boldyrev O.Yu. *Mestnoe samoupravlenie v pravovykh pozitsiyakh Konstitutsionnogo Suda RF i ego sudey v kontekste konstitutsionnoy reformy-2020* [Local self-government in legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and its judges in the context of Constitutional reform 2020], *Antinomii=Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 71–87. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10304 (in Russ.).

References

Avakian S.A. *Konstitutsionnye osnovy mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii: itogi 15-letnego razvitiya, sovremennoe sostoyanie* [The constitutional foundations of local government in the Russian Federation: the results of 15 years of development, current status], *Konstitutsionnyy vestnik*, 2008, no. 1 (19), pp. 292-302. (in Russ.).

Bazhenova O.I. *K probleme realizatsii konstitutsionnogo poselenchesko-territorial'nogo printsipa organizatsii mestnogo samoupravleniya. V zashchitu poselencheskogo nachala* [To the problem of the implementation of the constitutional settlement-territorial principle of the organization of local self-government. In defense of the settlement principle], *Mestnoe pravo*, 2019, no. 4, pp. 25-52. (in Russ.).

Boldyrev O.Yu. *Reforma mestnogo samoupravleniya v kontekste obshchey konstitutsionnoy reformy* [Reform of local self-government in the context of a general constitutional reform], L.T. Chikhladze, A.A. Larichev, E.N. Khazov (eds.) *Mestnoe samoupravlenie v edinoy sisteme publichnoy vlasti: vektor i posledstviya konstitutsionnoy reformy v Rossiyskoy Federatsii*, Moscow, YuNITI-DANA, 2020, pp. 30-40. (in Russ.).

Bondar N.S. *Konstitutsionnaya modernizatsiya rossiyskoy gosudarstvennosti: v svete praktiki konstitutsionnogo pravosudiviya* [Constitutional modernization of Russian statehood: in the light of the practice of constitutional justice], Moscow, YuNITI-DANA, 2014, 195 p. (in Russ.).

Chikhladze L.T. *Konstitutsionnye osnovy mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional foundations of local government in the Russian Federation], *Vestnik Universiteta MVD Rossii*, 2015, no. 5, pp. 39-46. (in Russ.).

Kostyukov A.N. *Narodovlastie i mestnoe samoupravlenie: konstitutsionnye problemy realizatsii* [Democracy and local government: constitutional problems of implementation], *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2018, no. 4 (33), pp. 30-37. (in Russ.).

Osoboe mnenie sud'i A.N. Kokotova na Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF № 30-P ot 1 dekabrya 2015 goda «Po delu o proverke konstitutsionnosti chastey 4, 5 i 5 1 stat'i 35, chastey 2 i 31 stat'i 36 Federal'nogo zakona "Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii" i chasti 11 stat'i 3 Zakona Irkutskoy oblasti "Ob otdel'nykh voprosakh formirovaniya organov mestnogo samoupravleniya munitsipal'nykh obrazovaniy Irkutskoy oblasti"» [Separate opinion of Judge A.N. Kokotov on the Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 30-P of December 1, 2015 "In the case of the constitutionality of parts 4, 5 and 5 of Article 35, parts 2 and 31 of Article 36 of the Federal Law "On General Principles organizations of local self-government in the Russian Federation" and part 11 of Article 3 of the Law of the Irkutsk Region "On Certain Issues of Forming Local Self-Government Bodies of the Municipalities of the Irkutsk Region"], available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189899/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (accessed May 12, 2020). (in Russ.).

Osoboe mnenie sud'i N.V. Vitruka k Postanovleniyu Konstitutsionnogo Suda RF ot 01.02.1996 № 3-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti ryada polozheniy Ustava – Osnovnogo Zakona Chitinskoy oblasti» [Separate opinion of Judge N.V. Vitruk on the Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of 01.02.1996 No. 3-P "In the case of the constitutionality of a number of provisions of the Charter – the Basic Law of the Chita Region"], available at: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-sudarf-ot-01021996-n/> (accessed June 12, 2020). (in Russ.).

Osoboe mnenie sud'i N.V. Vitruka na Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 10 iyunya 1998 g. № 17-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy punkta 6 stat'i 4, podpunkta "a" punkta 3 i punkta 4 stat'i 13, punkta 3 stat'i 19 i punkta 2 stat'i 58 Federal'nogo zakona ot 19 sentyabrya 1997 goda "Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossiyskoy Federatsii"» [Separate opinion of Judge N.V. Vitruk on the Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 10, 1998 No. 17-P "In the case of the constitutionality of the provisions of paragraph 6 of Article 4, subparagraph "a" of paragraph 3 and paragraph 4 of Article 13, paragraph 3 Article 19 and paragraph 2 of Article 58 of the Federal Law of September 19, 1997 "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in the Referendum of Citizens of the Russian Federation"], available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19098/ (accessed May 11, 2020). (in Russ.).

Osobyе mneniya sudеy N.V. Vitruka i G.A. Gadzhieva na Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 24.01.1997 № 1-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti Zakona Udmurtskoy Respubliki ot 17 aprelyа 1996 godа "O sisteme organov gosudarstvennoy vlasti v Udmurtskoy Respublike"» [Separate opinions of judges N.V. Vitruk and G.A. Hajiyev on the Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of 01.24.1997 No. 1-P "In the case of the verification of the constitutionality of the Law of the Udmurt Republic of April 17, 1996 "On the system of public authorities in the Udmurt Republic"], available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23118/ca1820d99f2c758e82d835816b28c0a34417dc33/ (accessed July 13, 2020). (in Russ.).

Osobyе mneniya sudey N.V. Vitruka i G.A. Gadzhieva na Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 30 noyabrya 2000 g. № 15-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti otdel'nykh polozheniy Ustava (Osnovnogo Zakona) Kurskoy oblasti v redaktsii Zakona Kurskoy oblasti ot 22 marta 1999 goda "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Ustav (Osnovnoy Zakon) Kurskoy oblasti"» [Separate opinions of judges N.V. Vitruk and G.A. Hajiyev on the Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 30, 2000 No. 15-P "In the case of the constitutionality of certain provisions of the Charter (Basic Law) of the Kursk Region as amended by the Law of the Kursk Region dated March 22, 1999 "On Amendments and Additions to the Charter (Basic Law) of the Kursk Region"], available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12021314/> (accessed April 11, 2020). (in Russ.).

Osobyе mneniya sudey V.G. Yaroslavtseva i G.A. Gadzhieva na Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 18 maya 2011 № 9-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy punkta 1 chasti 4 i chasti 5 stat'i 35 Federal'nogo zakona "Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii"» v svyazi s zhaloboy grazhdanina N.M. Savost'yanova [Separate opinions of judges V.G. Yaroslavtsev and G.A. Hajiyev on the Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 18, 2011 No. 9-P "In the case of the constitutionality of the provisions of paragraph 1 of part 4 and part 5 of article 35 of the Federal Law "On General Principles of Organization local government in the Russian Federation" in connection with the complaint of a citizen N.M. Savostyanov], available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114208/ (accessed April 11, 2020). (in Russ.).

Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF № 30-P ot 1 dekabrya 2015 goda «Po delu o proverke konstitutsionnosti chastey 4, 5 i 5 1 stat'i 35, chastey 2 i 31 stat'i 36 Federal'nogo zakona "Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii" i chasti 11 stat'i 3 Zakona Irkutskoy oblasti "Ob otdel'nykh voprosakh formirovaniya organov mestnogo samoupravleniya munitsipal'nykh obrazovaniy Irkutskoy oblasti" v svyazi s zaprosom gruppy deputatov Gosudarstvennoy Dumy» [Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 30-P dated December 1, 2015 "On the case of the constitutionality of parts 4, 5 and 5 of article 35, parts 2 and 31 of article 36 of the Federal Law "On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" and part 11 of Article 3 of the Law of the Irkutsk Region "On Certain Issues of the Formation of Local Self-Government Bodies of the Municipalities of the Irkutsk Region"], available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189899/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (accessed May 12, 2020). (in Russ.).

Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 15 yanvary 1998 g. № 3-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti statey 80, 92, 93 i 94 Konstitutsii Respubliki Komi i stat'i 31 Zakona Respubliki Komi ot 31 oktyabrya 1994 goda "Ob organakh ispolnitel'noy vlasti v Respublike Komi"» [Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 15, 1998 No. 3-P "On the case on the verification of the constitutionality of Articles 80, 92, 93 and 94 of the Constitution of the Republic of Komi and article 31 of the Law of the Republic of Komi of October 31, 1994 "On executive authorities in the Republic of Komi"], available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12008400/> (accessed March 14, 2020). (in Russ.).

Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 2 aprelya 2002 g. № 7-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti otdel'nykh polozheniy Zakona Krasnoyarskogo kraya "O poryadke otzyva deputata predstavitel'nogo organa mestnogo samoupravleniya" i Zakona Koryakskogo avtonomnogo okruga "O poryadke otzyva deputata predstavitel'nogo organa mestnogo samoupravleniya, vybornogo dolzhnostnogo litsa mestnogo samoupravleniya v Koryakskom avtonomnom okruge" v svyazi s zhalobami zayaviteley A.G. Zlobina i Yu.A. Khnaeva» [Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 2, 2002 No. 7-P "On the case of checking the constitutionality of certain provisions of the Law of the Krasnoyarsk

Territory “On the procedure for recalling a deputy of a representative body of local self-government” and the Law of the Koryak Autonomous Region “On a procedure for recalling a deputy of a representative body of local self-government, elected local government official in the Koryak Autonomous Region” in connection with the applicants’ complaints Zlobin and Yu.A. Khnaev”, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36154/ (accessed June 12, 2020). (in Russ.).

Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 24 yanvarya 1997 goda № 1-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti Zakona Udmurtskoy Respubliki ot 17 aprelya 1996 goda “O sisteme organov gosudarstvennoy vlasti v Udmurtskoy Respublike”» [Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of 01.24.1997 No. 1-P “On the case of verification of the constitutionality of the Law of the Udmurt Republic of April 17, 1996 “On the system of public authorities in the Udmurt Republic”], available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23118/ca1820d99f2c758e82d835816b28c0a34417dc33/ (accessed April 19, 2020). (in Russ.).

Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 30 noyabrya 2000 g. № 15-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti otdel'nykh polozheniy Ustava (Osnovnogo Zakona) Kurskoy oblasti v redaktsii Zakona Kurskoy oblasti ot 22 marta 1999 goda “O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Ustav (Osnovnoy Zakon) Kurskoy oblasti”» [Judgment of 30 November 2000 No. 15-II in the case concerning the review of constitutionality of certain provisions of the Charter (Basic Law) of the Kursk Region as amended by the Law of the Kursk Region of 22 March 1999 “On Amendments to the Charter (Basic Law) of the Kursk Region”], available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12021314/> (accessed April 11, 2020). (in Russ.).

Shugrina E.S. *Sudebnaya zashchita mestnogo samoupravleniya* [Judicial protection of local government], Moscow, Norma, Infra-M, 2010, 336 p. (in Russ.).

Vitruk N.V. *Pravo, demokratiya i lichnost' v konstitutsionnom izmerenii: (istoriya, doktrina i praktika). Izbrannye trudy (1991–2012)* [Law, democracy and personality in the constitutional dimension: (history, doctrine and practice). Selected Works (1991–2012)], Moscow, Norma, 2012, 688 p. (in Russ.).

Zaklyuchenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 16 marta 2020 goda № 1-Z «O sootvetstvii polozheniyam glav 1, 2 i 9 Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ne vstupivshikh v silu polozheniy Zakona Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii “O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti”, a takzhe o sootvetstvii Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii poryadka vstupleniya v silu stat'i 1 dannogo Zakona v svyazi s zaprosom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii» [Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 16, 2020 No. 1-Z “On compliance with the provisions of chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation that have not entered into force the provisions of the Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation “On improving regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority”, As well as on the conformity with the Constitution of the Russian Federation of the entry into force of Article 1 of this Law in connection with the request of the President of the Russian Federation”], available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347691/ (accessed July 12, 2020). (in Russ.).

Zakon Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ot 14 marta 2000 goda № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti» [Law on amendment to Russian Federation Constitution of 14 March 2000 № 1-ФКЗ “On Improving the Regulation of Certain Aspects of the Organisation and Functioning of Public Authority”], *Rossiyskaya gazeta*, 2020, March 16. (in Russ.).

Кокотова Д.А. Критерии отграничения новой диссертации от прежней работы, право защиты которой соискатель утратил (вариант нормативного закрепления). DOI 10.24411/2686-7206-2020-10305 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 88–111.

УДК 34.096

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10305

Критерии отграничения новой диссертации от прежней работы, право защиты которой соискатель утратил (вариант нормативного закрепления)

Кокотова Дарья Александровна

кандидат юридических наук

преподаватель кафедры уголовного права

Уральского государственного юридического университета,

г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: darya.kokotova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9455-5864

ResearcherID: AAS-2087-2020

SPIN-код: 8177-7502

*Статья поступила 16.08.2020, принята к печати 17.09.2020,
доступна online 05.10.2020*

Статья посвящена восполнению пробела, заключающегося в следующем. Соискатель лишается права повторной защиты диссертации за нарушение п. 14 «Положения о присуждении ученых степеней» и (или) представление недостоверных сведений о публикациях, даже если такая диссертация будет переработана. Однако отсутствуют критерии, руководствуясь которыми можно было бы отличить новую диссертацию от прежней (пускай и переделанной) диссертации, право защиты которой утрачено. Для определения возможного круга таких критериев автором изучены параметры, используемые (предлагаемые к использованию) для определения факта множественного опубликования одних и тех же статей в научных изданиях (в частности, рассматривались требования к публикациям на сайтах научных журналов, практика отзыва научных публикаций, экспертизы, представленные «Диссернет»). По мнению автора, целесообразно использовать следующие критерии: 1) доля совпадений с прежней диссертацией в общем объеме текста; 2) доля самостоятельного (не заимствованного) текста во фрагментах, не совпадающих с прежней диссертацией; 3) структурная часть, в которой содержатся совпадения; здесь речь прежде всего идет о заключении, положениях, выносимых на защиту, о пункте, посвященном новизне; помимо этого они могут иметь место в автореферате диссертации, в ра-

© Кокотова Д.А., 2020

ботах в рецензируемых научных изданиях, где опубликованы основные научные результаты диссертации; 4) соотношение структуры двух диссертаций; 5) наличие новой эмпирической базы; 6) наличие научной новизны по сравнению с прежней диссертацией. Отмечается, что могут быть использованы и другие критерии отграничения. Предлагается варьировать состав подлежащих применению критериев в зависимости от стадии рассмотрения диссертации и специфики задач, которые обычно ставятся перед участником такого процесса, решающего вопрос о том, может ли быть признан представленный текст новой диссертацией. Также в статье по итогам обсуждения того, каким может быть нормативное закрепление критериев, представлен вариант изменения актов, регулирующих требования к диссертациям и порядок защиты диссертаций.

Ключевые слова: новая диссертация, прежняя диссертация, критерии отграничения, запрет повторной защиты диссертации, самоплагиат.

Определение проблемы. «Положение о присуждении ученых степеней»¹ (далее Положение) устанавливает обязанность соискателя ссылаться на автора и (или) источник заимствования материалов (отдельных результатов) (п. 14 Положения), а также опубликовать основные научные результаты диссертации в определенных источниках (пп. 11–13 Положения). В качестве гарантии исполнения этих требований Положение закрепляет ряд негативных последствий, которые должны быть применены к соискателю, нарушившему п. 14 Положения или представившему недостоверные сведения об опубликованных им работах (пп. 19, 20, 34, 38, 51.1 Положения).

Вместе с тем данные нормы достаточно редко применяются. Например, на изученных сайтах десяти процентов действующих диссертационных советов² по отрасли «Юридические науки» нет информации о случаях отказа в допуске работы к защите или отказе в присуждении степени в связи с применением таких норм (стадия первичного рассмотрения работы в диссертационном совете (далее диссовет)). При этом имеющиеся на тех же сайтах решения о лишении ранее присужденной ученой степени (стадия, когда вопрос передается в диссовет через Минобрнауки (п. 70 Положения)) обусловлены именно нарушением п. 14 и предоставлением соискателем недостоверных сведений о публикациях.

Такое положение дел позволяет предполагать, что редкое применение данных норм, возможно, связано не с тем, насколько часто возникают регулируемые ими ситуации, а с тем, готовы ли диссоветы при возникновении указанных ситуаций следовать предписанным нормам по собственной

---

¹ Утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации «О порядке присуждения ученых степеней» от 24.09.2013 № 842 (в ред. от 01.10.2018 № 1168) (см.: Постановление № 842, 2013).

² Из 56 диссоветов по данной отрасли науки (см. список действующих диссертационных советов, размещенный на сайте ВАК) отобраны: первый, одиннадцатый и т.д. Изучены следующие ресурсы: Диссертационный совет Д 002.002.01; Диссертационный совет Д 170.003.03; Диссертационный совет Д 203.017.02; Диссертационный совет Д 212.123.05; Диссертационный совет Д 229.001.01; Диссертационный совет Д 999.017.03 (информацию о ресурсах см. в приложении «Список анализируемых ресурсов»).

инициативе или склонны вырабатывать альтернативные формы реакции¹.

С учетом сказанного эти специфические нормы, посвященные узкому вопросу, представляют интерес для изучения в качестве того проблемного поля, на примере которого можно проанализировать, как влияют особенности самого правового регулирования на воплощение норм в жизнь, попробовать создать нормы, которые адресаты будут вынуждены исполнять.

Одним из последствий несоблюдения соискателем требований п. 14 Положения и (или) предоставления им недостоверных сведений об опубликованных работах является запрет повторной защиты диссертации (п. 19, 34, 38, 51.1 Положения). Желание избежать столь жесткого последствия для соискателя может быть одним из мотивов стремления к выработке альтернативных форм реакции на нарушение п. 14 Положения и предоставление недостоверных сведений о публикациях. Логично поэтому предположить, что и при рассмотрении работы, представленной соискателем, ранее лишенным права повторной защиты диссертации, диссоветы могут в той или иной степени отклоняться от модели, заложенной в Положении. При этом сами нормы, устанавливающие запрет повторной защиты, создают возможность такого отклонения.

Перечисленные пункты в совокупности с иными нормами Положения означают, что соискатель утрачивает право последующего представления диссертации, даже если она переработана. Он может претендовать на присуждение ученой степени лишь при условии представления к защите *новой* работы. Однако четкое определение критериев, позволяющих отграничить прежнюю, хотя и переработанную диссертацию от новой работы, отсутствует. Это затрудняет реализацию запрета повторной защиты, снижает его эффективность², создает возможность различного применения норм в сходных ситуациях, то есть практики, нарушающей принципы равенства и правовой определенности. Попыткой разработать вариант нормативного закрепления таких критериев и является эта статья.

Прежде всего, требуется уточнить, каким должно быть содержание норм, восполняющих обозначенный пробел.

Критерии отграничения новой диссертации от прежней работы, право защиты которой соискатель утратил. Очевидно, что новой диссертацией является текст, не имеющий никаких совпадений с ранее представившейся работой. Но как следует относиться к диссертациям, в которых она в том или ином объеме использована?

Опора при создании диссертации на исследования, не принадлежащие соискателю, допускается при условии оформления ссылок (п. 14 Положения). Следовательно, признанию работы новой не препятствует задействование соискателем текста его прежней диссертации как минимум в пределах, разрешенных для обращения к чужим произведениям. А раз само использова-

¹ О сходном феномене писал Н. Кристи. Он указывал, что снижение числа зафиксированных нарушений, посягающих на определенные ценности, может объясняться не фактической частотой нарушения, а утратой этими ценностями и, следовательно, нормами, их защищающими, своего значения (Кристи 2014: 13-15).

² Обоснование приведенной интерпретации Положения и описание возможных последствий отсутствия этих критериев см. подробнее: (Кокотова 2020: 36, 38-39).

ние фрагментов из прежней работы допустимо, то регулирование должно заключаться в определении *условий*, при которых такое использование совместимо с признанием текста новой диссертацией.

Поскольку отсутствует обширная практика по исследуемому вопросу, позволяющая найти готовые решения и положить их в основу создаваемых норм, для определения этих условий обратимся к критериям, выработанным для сходных задач. Так, требованием публикационной этики называют ограничение неоднократного опубликования в научных изданиях одних и тех же материалов¹.

Не все критерии, обеспечивающие реализацию этого ограничения, годятся для наших целей. Нас интересуют параметры, которые в принципе можно адаптировать к сравнительному анализу двух диссертаций. Поэтому, в частности, не состоятелен в нашем случае такой критерий, как изменение жанра произведения (Кулешова, Чехович, Бельнская 2019: 48). Для нас значимы критерии, позволяющие определить, является ли текст в достаточной степени новым. С учетом этого не подходит критерий наличия оговорки о факте использования прежнего текста². Он применяется для определения добросовестности исследователя (Кулешова, Чехович, Бельнская 2019: 48), при этом предполагается, что иногда допустимо повторное опубликование³. Диссертация же, представляемая соискателем после запрета повторной защиты, должна быть новой. Наличие ссылок на любые использованные соискателем работы, в том числе его собственные, обязательно (п. 14 Положения), но соблюдение этого требования не делает текст новым.

В то же время изучение практики реализации ограничения неоднократного опубликования и посвященных ему материалов позволяет выявить критерии, применимые, при соответствующей адаптации, для установления того, является ли диссертация новой. Рассмотрим каждый из таких критериев, чтобы понять, возможно ли их закрепить в качестве нормы права и, если да, каким должно быть содержание такой нормы.

Прежде всего, это **количественные критерии**.

1) Признаком, позволяющим установить факт дублирования публикации, называют долю повторно использованных фрагментов, в общем объеме текста. Для определения недопустимой доли совпадений используют показатель в процентах (более 50%⁴, более 25%⁵) или оценочные категории («существенная часть»¹, «в большей части»² «высокий процент самоаим-

¹ Напр.: Публикационная этика Вестника Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки; Редакционная этика журнала «Известия вузов. Электромеханика»; Этика научно-методического журнала «Образование личности»; Из баз данных отозваны дублирующие публикации, 2018.

² См. Этику публикаций Вавиловского журнала генетики и селекции, Издательскую этику журнала «Уголовная юстиция», см. также: (Сайгитов 2017: 271).

³ См., напр., Этику научных публикаций Вестника Сургутского государственного университета.

⁴ Издательская этика журнала «IBEROAMÉRICA»; Рубрика «Авторские права» на сайте журнала «Historia provinciae – журнал региональной истории».

⁵ Правила для авторов Вестника Сургутского государственного университета.

ствований» (Кулешова, Подвойский 2018: 190)).

К этому критерию активно обращаются при отзыве статей. Анализ базы отозванных статей на сайте Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ)³ показывает, что при описании оснований отзыва публикаций иногда оговаривается выявленный процент совпадений. При поиске по запросу «%» в тех из 147 результатов, когда отзыв был связан именно с множественным опубликованием⁴, доля совпадений составляла минимум 51%. Также информацию о множественных публикациях размещает «Диссернет»⁵. Были изучены 104 его экспертизы по публикациям в разных журналах (по одному журналу от каждой специализации⁶). Из них в 78 случаях, для которых на сайте были данные об объеме совпадения, его минимум, ставший основанием для признания публикации дублирующей, составил 37%⁷.

Как видно, представления о недопустимом объеме совпадения могут различаться и не всегда выражаются в конкретных показателях при разработке общих правил. Думается, что критерий объема использования прежнего текста применим и для диссертаций⁸, но какого-либо универсального показателя, который можно автоматически перенести на вопрос о разграничении новой и прежней диссертаций, не выявлено. Также *нормативное закрепление показателя в процентах представляется не оптимальным решением*, поскольку сопряжено с риском формального применения (вариант, требующий наименьших усилий, но не позволяющий получить объективную оценку того, является ли текст новым).

Предполагая, что для применения этого критерия могут использовать

¹ Рубрика «Авторам» журнала «Российское право: образование, практика, наука».

² Требования к рукописям, направляемым в журнал «Современные технологии в медицине».

³ См. базу ретрагированных (отозванных от публикации) статей. Обновленная база доступна по другой ссылке с иной поисковой формой (<http://rassep.ru/retracted/>), но в нашем случае использовалась именно прежняя версия.

⁴ Также там отражены случаи, связанные с плагиатом (в том числе дублирование публикации с изменением состава авторов), которые не принимались во внимание.

⁵ Диссеропедия научных журналов.

⁶ Выбирался первый в списке журнал. Если в отношении него отсутствовали экспертизы по множественному опубликованию или в таковых не был указан объем совпадения, или он ранее уже был взят по другой специализации, то анализировался следующий журнал. Не было найдено ни одной экспертизы с необходимыми данными по фармацевтике.

⁷ «Диссернет» дает разметку цветом по тексту, отражающую долю совпадений. Чтобы преобразовать в проценты, мы сравнивали число знаков в целом в тексте, который подвергался проверке (фрагменты, которые не проверял «Диссернет», не учитывались), и в том фрагменте, который выделен как совпадающий. Если «Диссернет» выделил в таком качестве имя автора и т.п. данные, которые не могут учитываться, то копировали без соответствующих строк.

⁸ Исследователи отмечают, что к статьям «объемные» критерии самоплагиата применимы в большей мере, чем к иным жанрам (Чехович 2018), но при этом не рассматриваются диссертации, то есть данное суждение к ним не относится.

программы сверки текстов, определения их уникальности, стоит учесть, что результаты варьируются в зависимости от того, как заданы параметры проверки. Например, при использовании сервиса «Сравнение текстов» программы AntiPlagiarism.NET версия 4.84.0.0 результаты различаются в зависимости от того, выбран ли метод обнаружения рерайта (учитывается возможность перестановки слов, словоформы) или принят метод обнаружения копий (совпадение фиксируется, если в том и другом случае имеет место определенное число подряд идущих слов; на результат также влияет то, сколько слов подряд должно совпадать, чтобы программа «заметила» дублирование)¹. В примере, рассмотренном при написании данной статьи, показатели, полученные при применении неидентичных методов сверки, различались более чем на 20%².

Различия говорят о возможности манипулирования результатами сверки, что указывает на необходимость требовать включения в документы не только итогов сверки, но также и описания того, как именно она была осуществлена.

2) Средством предотвращения неоднократной публикации называют установление требований к уникальности текстов (Супонина, Долгих 2019: 295). То есть второй критерий – *наличие значительного объема нового материала (текста)* в представленном произведении (Чехович 2018).

Если бы речь шла о новизне фрагментов по сравнению с прежней работой того же автора, то это был бы просто альтернативный способ измерения параметра, который рассмотрен в качестве первого подходящего критерия. Если же говорить об оригинальности фрагментов по сравнению с любыми иными источниками, то одновременное использование двух критериев позволяет получить дополнительные данные.

Например, одно из изученных сообщений об отзыве публикаций в базе АНРИ содержит информацию не только об объеме совпадения с прежней статьей автора (74,5%), но и об оригинальности текста с учетом заимствований из всех источников (10%)³. Эти данные позволяют увидеть, что не все фрагменты статьи, новые по сравнению с прежней публикацией, принадлежат автору, и новый текст, оправдывающий опубликование статьи, составляет лишь 10%.

Адаптируя этот критерий к диссертациям, можно сказать, что вопрос не только в том, какую долю от текста составляют совпадения с прежней работой соискателя, но и в том, что представляет собой новый текст. Если отличающийся от прежнего текст является заимствованием из иных источников, их пересказом, то нельзя говорить о новой диссертации. В иных случаях можно ориентироваться на то, каков объем самостоятельного текста без учета фрагментов, заимствованных из прежней работы. Важен сам факт использования иных источников, а не корректность оформления ссылок,

¹ Описание методов и значение использованных терминов см.: eTXT Проверка уникальности.

² Сравнивался § 2 главы 2 диссертации (Аль-Баити 2019: 113-143) с полным текстом прежней работы соискателя (Аль-Баити 2014).

³ См. объявление о ретракции статьи В.В. Сюкова, В.Г. Захарова, А.И. Менибаева.

поэтому обособление доли некорректных заимствований не требуется.

Надо понимать, что недостаточно сопоставить показатель, полученный по итогам проверки уникальности текста по сравнению с неопределенным кругом источников, и показатель, который получен в результате сверки двух работ. Например, сравнительный анализ прежней и вновь представленной диссертации выявил 50% совпадений между ними. По итогам сверки вновь представленной работы с неопределенным кругом источников показатель уникальности – 49%. Это еще не значит, что 49% текста не совпадают ни с прежней диссертацией, ни с иными источниками. Возможно, некоторые фрагменты были отмечены как совпадающие в результате сопоставления двух диссертаций, но не в ходе проверки уникальности по сравнению с неограниченным кругом источников. Следует помнить о влиянии на результат разного рода обстоятельств (например, все ли источники смогла проанализировать программа и т. д.)¹.

С учетом этого ранее высказанные соображения о неоптимальности закрепления конкретного *нормативного* показателя в процентах, а также о необходимости требовать описания не только результатов сверки, но и способа ее осуществления относятся и к данному критерию.

Применение обозначенных критериев требует решения вопроса о том, какой текст может считаться *совпадающим* или *новым*.

Иногда, говоря о критериях неоднократности опубликования, предлагают принимать во внимание именно фрагменты, скопированные слово в слово², без какой-либо переработки (Кириллова 2017: 65). В других случаях предлагают учитывать и частично переработанный текст (когда при сохранении смысла осуществлена замена слов на синонимы, изменен порядок слов и т. д. (Кулешова, Чехович, Беленькая 2019: 46)). Указывают, что такая переработка не приводит к возникновению нового текста, а лишь скрывает его вторичность (Ионова 2013: 30-31).

Соглашаясь с последним тезисом, закономерно предположить, что переработка формы может быть вызвана стремлением обойти запрет на повторную защиту того же текста. Поэтому допуск к защите работ исключительно с такими изменениями лишил бы смысла указанный запрет. Расхождение лишь формы не препятствует признанию текстов воплощением одной и той же работы по действующему регулированию. Так, п. 15 Положения предусматривает для иностранных граждан возможность представления диссертации на русском и иностранном языках. Разница в языках и неизбежные при переводе различия в конструкциях предложений и т. п. не препятствуют признанию двух экземпляров версиями одной и той же работы.

Таким образом, следует считать совпадающими и те фрагменты, которые подверглись исключительно внешней обработке.

Наряду с двумя выше обозначенными количественными параметрами

¹ Суждение высказано на основе применения ранее упомянутой программы, но возможно, что и для других программ существует такой риск, иные сходные по значению риски.

² Публикационная этика журнала «Вестник Современной Клинической Медицины».

можно выделить и **содержательные критерии**.

1) К ним можно отнести вопрос о *значении изменения заявленной темы статьи, ее названия*. Изучение сообщений об отзыве публикаций показывает, что среди отозванных есть статьи, название которых отличалось от использованного в предшествующих публикациях автора (при этом встречаются чисто внешние различия: добавление¹, изменение слов², порядка их расположения³ – и различия, при соответствии содержания статьи названию свидетельствующие об изменении в той или иной степени ее тематики)⁴. В литературе отмечают, что иногда авторы публикуют абсолютно идентичные статьи, отличающиеся лишь названием (Супонина, Долгих 2019: 295).

Изменение названия, даже если оно говорит об изменении заявленной темы, не препятствует признанию публикации дублирующей. Если перенести это на диссертации, то можно сказать, что изменение темы, заявленной в названии, не является достаточным доводом в пользу того, что работа новая. В одних случаях это может быть связано с тем, что характер изменения темы совместим с сохранением в тексте значительных фрагментов из прежней работы (например, при сужении темы), в других – с тем, что заявленная тема не раскрыта. Проверка соответствия текста заявленной теме в этом случае приобретает дополнительное значение. Несоответствие текста измененной теме может быть признаком того, что автор представил прежнюю работу, права защиты которой он лишен.

Одновременно возникает вопрос: может ли соискатель, лишенный права повторной защиты, сохранив прежнюю тему, написать новую диссертацию? Думается, если тема отражает не основную идею работы, а лишь область исследований, то возможно создание новой работы при сохранении прежней темы. Положение не содержит каких-либо ограничений использования соискателем той темы, работа по которой выносилась (выносятся) на защиту другим автором. Если соблюдены иные требования, нет оснований отказывать в принятии к защите работы с совпадающей темой, названием (разд. II и п. 20 Положения).

Изменение заявленной темы не может само по себе быть критерием новизны представленной диссертации. Если тема изменена, то определение степени соответствия ей работы нацелено на то, чтобы установить, является ли она новой, но не при любых изменениях темы. В силу сказанного, чтобы обеспечить избирательность применения этого критерия, не следует закреплять его в качестве обязательного. Вместо этого необходимо сделать перечень критериев открытым, сохраняя возможность ссылки на результаты проверки и этого параметра.

2) Другой критерий оценки совпадений между представленным исследова-

¹ Отзыв публикации журнала «Интеграция образования» Т. 21, № 3 (88) за 2017 г., с. 563.

² Сообщение об отзыве публикации Е.А. Бочкарёвой.

³ Сообщение об отзыве публикации В.А. Горбанёва, Б.И. Кочурова.

⁴ Сообщение об отзыве публикации Н.В. Поповой; Отзыв публикаций журнала «Интеграция образования» Т. 21. № 3 (88) за 2017 г., с. 565; Отзыв публикаций журнала «Интеграция образования» Т. 21. № 2 (87) за 2017 г., с. 345.

дованием и прежними публикациями автора – то, в каких частях работы содержатся заимствованные фрагменты.

Указывают, что совпадение может быть совместимо с признанием текста новым, если оно содержится во фрагментах, посвященных описанию метода¹, изучаемой проблеме (Силаева 2017: 113). Допустимость совпадения обосновывается ограниченностью имеющихся вариаций описания метода, возможностью общности использованной методологии (Силаева 2017: 113-114). То есть речь идет о допустимости совпадения, связанного, в частности, с наличием обычного стандарта представления информации, универсальных формулировок.

Думается, что и для диссертаций есть вероятность подобных совпадений в тех же фрагментах, что и в статьях. Вместе с тем, возможно, в зависимости от научной специальности будет различаться состав фрагментов, совпадения в которых могут возникать по причинам, не связанным с заимствованиями из текста прежней работы. Собственно, состав и наименования фрагментов могут не совпадать в различных диссертациях². Также значение совпадений в одних и тех же фрагментах может различаться (например, совпадения в описании метода могут быть связаны как с использованием устойчивых формулировок, так и с перенесением эмпирической базы из одной работы в другую). Поэтому нерационально закрепление условия в виде универсального перечня фрагментов, наличие совпадений в которых допустимо.

Иногда при установлении факта неоднократности опубликования считают возможным исключить из сравнения некоторые фрагменты. В экспертизах «Диссернета» делают оговорку, что не сравнивались титульный лист, оглавление, введение, список литературы, приложения, таблицы, рисунки³. «Диссернет» рассматривает данные фрагменты как технические элементы, не подлежащие проверке⁴. Эта характеристика в совокупности с составом исключенных фрагментов позволяет предположить, что основанием исключения могло послужить то, что указанные фрагменты выполняют служебные функции по отношению к другим элементам работы и (или) не выражают ее содержание. Возникает вопрос: применима ли эта идея для наших целей и, если да, какие именно фрагменты можно исключить из проверки при решении вопроса о признании представленного текста новой диссертацией?

Оглавление, а зачастую и список литературы идентичны тексту, содержащемуся в основной части работы (заголовки и соответственно ссылки). Их включение в сверку для определения доли совпадающих фрагментов в

¹ Публикационная этика журнала «Вестник Современной Клинической Медицины».

² Сравните, напр.: (Исланова 2019: 2-21; Швейкин 2019: 2-16; Веретенникова 2019: 2-23).

³ Напр., экспертиза статьи Лопатина А.Б. «Механизмы самовосстановления организма».

⁴ См. вопрос «Почему таблица экспертизы раскрашена в такие цвета?» в разделе «Вопросы и ответы» сайта «Диссернет».

общем объеме текста поэтому нерационально, поскольку приводило бы к двойному учету одной и той же информации. Включение в сверку титульного листа тоже некорректно, так как его содержание стандартизировано и будет всегда в значительной степени совпадать даже и для диссертаций различных лиц, а не только двух работ, представленных одним соискателем.

Однако возможно и иное использование этих элементов. Они предназначены для того, чтобы работу было удобнее читать, и эта функция не теряет своей актуальности и при сверке работ.

Список литературы упрощает изучение того, какие источники были использованы при создании работы. Обращение к одним и тем же источникам в различных исследованиях допустимо, но вряд ли возможно полное совпадение списков использованных источников двух разных работ. Степень совпадения списков литературы предлагают рассматривать как один из критериев при определении того, идет ли речь о новом исследовании или о множественном опубликовании одного и того же материала (Кулешова, Чехович, Беленькая 2019: 48; Гаврилов 2019: 53).

Оглавление может свидетельствовать о том, изменились ли структура работы, последовательность изложения мысли, сохранение которой называют признаком неоднократного опубликования одного и того же материала (Кулешова, Чехович, Беленькая 2019: 48). Структура работы, представленная в оглавлении, может отличаться от настоящей последовательности изложения материала, если изменения сводятся к замене наименований. Не любое отличие структуры говорит о содержательных изменениях (например, перестановка фрагментов местами не есть новация). Тем не менее сравнение структуры работ можно принять в качестве критерия отграничения новой диссертации от прежней, а оглавление может использоваться в процессе такого сравнения.

Титульный лист позволяет установить данные, которые можно учесть при дальнейшем сравнении: изменилась ли и как именно тема работы; через какой промежуток времени после лишения права повторной защиты соискатель представил диссертацию (незначительность этого промежутка должна настораживать, так как на написание новой работы требуется время).

Что касается введения, приложений, таблиц, рисунков, то нет основания противопоставлять их основной части диссертации.

Введение частично стандартизировано (абзац 3 подп. «в» п. 30 «Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»¹ (далее Положение о совете)), что может обуславливать некоторые совпадения. Однако значительную часть введения составляют фрагменты, для которых предполагается полная оригинальность (например, положения, выносимые на защиту). Введение призвано дать представление об итогах работы и поэтому может отчасти повторять сказанное в основной части диссертации, но оно содер-

---

¹ Утверждено Приказом Минобрнауки Российской Федерации «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» от 10.11.2017 г. № 1093 (см.: Приказ № 1093, 2017).

жит и ответ на вопросы, которые не раскрываются в остальном тексте (например, цель работы).

Приложения, таблицы, рисунки – способ представления данных. Сходная информация может быть помещена одними авторами в приложение, другими – в основной текст¹, дана в различной форме, например в виде таблицы или в виде сплошного текста. Поэтому нет оснований для исключения этих элементов из сравнения. Правда, учет рисунков при выявлении совпадений вызывает определенные сложности, так как к ним применимы не все способы измерения объема, используемые для текста (количество знаков, например), но можно найти и универсальные (хотя и не факт, что подходящие по другим параметрам) единицы измерения, например число страниц, на которых есть хотя бы одно совпадение. Основанием отказа от их сравнения это в любом случае быть не может. Тем более, что, как отмечают, воспроизведение таблиц и рисунков нередко означает повторное использование результатов исследования (Силаева 2017: 114).

Таким образом, можно говорить о том, как именно происходит сравнение, но фрагменты, которые в принципе нерационально учитывать при определении новизны диссертации, не установлены.

К фрагментам, воспроизведение в которых ранее опубликованного материала недопустимо, относят заключение, выводы². Указывают, что лишь в исключительных случаях возможно дублирование исследовательской гипотезы (Силаева 2017: 113). Иначе говоря, не должно быть совпадений во фрагментах, отражающих сущность статьи.

Переноса сказанное на диссертацию, можно предположить, что несовместимо с признанием работы новой наличие совпадений в тех ее фрагментах, которые описывают результаты исследования (заключение; положения, выносимые на защиту; описание новизны во введении; выводы в структурных элементах основной части работы).

Если применять сам принцип, следует, что используется для представления диссертации в целом, то есть рассматривается как основная информация о ней.

Дать общее представление о диссертации призвана рассылка автореферата, поэтому логично предположить, что сверка авторефератов, а также наиболее важных положений диссертации, которые сочли необходимым отразить в автореферате, имеет особое значение для решения вопроса о том, может ли быть признана новой диссертацией представленная работа. В соответствии с п. 25 Положения в автореферате кроме тех моментов, которые не связаны с содержанием работы (сведения об организации, в которой

¹ См., напр., п. 5.3.10 Национального стандарта Российской Федерации ГОСТ Р 7.0.11-2011 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Диссертация и автореферат диссертации. Структура и правила оформления» (Национальный стандарт ГОСТ Р 7.0.11-2011).

² См. Публикационную этику журнала «Вестник Современной Клинической Медицины», раздел «Заимствования и плагиат» сайта журнала «Russian Economic Bulletin» («Российский экономический вестник»), Отзыв публикации: руководство для редакторов, Редакционное сообщение – отзыв публикаций журнала «Историческая и социально-образовательная мысль».

выполнялась диссертация и т.п.), излагаются основные идеи и выводы, показываются вклад автора в проведенное исследование, степень новизны и практическая значимость приведенных результатов исследований. Следовательно, особое значение надо придавать наличию совпадений в указанных фрагментах автореферата и соответствующих им частях диссертации.

Также п. 11 Положения требует опубликования основных научных результатов диссертации в рецензируемых научных изданиях. Значит, для проверки того, является ли представленная диссертация новой, можно сравнить статьи, которые соискатель приводит, отчитываясь о выполнении этого требования. Если содержание таких публикаций соответствует требованию п. 11 Положения, то наличие совпадений между прежними статьями, диссертацией и новыми публикациями соискателя и тем более включение в список работ в рецензируемых изданиях одних и тех же статей для двух диссертаций дают основание сомневаться в том, что представлена действительно новая работа.

Впрочем, надо учитывать, что основанием лишения права повторной защиты могло быть и предоставление недостоверных сведений о публикациях соискателя, в частности если было установлено, что указанные публикации не отражают основные результаты диссертации¹. В этом случае возможно, что включение подобных публикаций в список работ по диссертации либо использование их текста в любом объеме совместимо с признанием представленной работы новой диссертацией (например, если публикации не имели отношения к прежней диссертации). Естественно, такой вывод может быть сделан лишь по итогам анализа содержания публикаций.

Вызывает подозрение и включение в список работ по диссертации трудов, которые опубликованы хотя и после лишения права повторной защиты, но до утверждения новой темы диссертации. Этот факт не свидетельствует автоматически о недобросовестности соискателя, но может быть дополнительным основанием для проверки.

3) Еще одним критерием новизны публикации является наличие *иной эмпирической базы*. Отмечают, что признаком неоднократного опубликования выступает дублирование данных², если они только не анализируются с использованием новой методики (Кулешова, Чехович, Беленькая 2019: 48) либо не происходит обновление данных (например, анализ обновленной судебной практики (Гаврилов 2019: 53)).

Думается, в нашем случае оценка совпадений зависит от значения конкретного эмпирического исследования для представленной работы. Если это обоснование положения, выносимого на защиту, то должно быть осуществлено именно новое эмпирическое исследование. Если эмпирическое исследование не перетекает в итоге в положения, выносимые на защиту, например служит основой для выдвижения гипотезы нового исследования,

¹ См., напр., выписку № 7 из протокола № 2 заседания Диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете от 09 июня 2014 г.

² Этические нормы научно-технического журнала «Авиационные материалы и технологии».

то совпадения будут приемлемы даже при отсутствии переработки.

4) Также признаком новой публикации называют наличие *нового результата*¹ (*главного результата*²), *научной новизны* (Силаева 2017: 114), *вклада по сравнению с предшествующими публикациями автора* (Кляйнерт, Уэйджер 2011). Этот критерий согласуется с тем, что обоснованием недопустимости самоплагиата, множественных, дублирующих публикаций является положение, согласно которому наука по определению требует новизны (Супонина 2017: 55; Куликова 2016: 51-52).

Вопрос о научной новизне традиционно решается при рассмотрении диссертаций (п. 10, 16 Положения, приложение № 4 к Положению о совете). Значит, данный критерий применим и для них; при этом требуется именно наличие научной новизны, а не результата, имеющего иное значение (что в принципе возможно для статей). То есть работа должна обладать новизной по сравнению с прошлой диссертацией соискателя, права повторной защиты которой он лишен.

Вместе с тем новизна не относится к параметрам, оценка которых предполагается при решении вопроса о допуске работы к защите (п. 18 Положения). Если сделать оценку новизны условием ответа на вопрос о том, является ли представленный текст новой диссертацией, то диссовет сможет получить его лишь в ходе рассмотрения принятой к защите работы. Однако запрет повторной защиты диссертации (п. 34 Положения) предполагает именно невозможность ее допуска к защите. Следовательно, надо скорректировать критерий таким образом, чтобы он мог быть применен на стадии допуска к защите.

Диссертация предполагает описание новизны работы в виде положений, выносимых на защиту; отдельный пункт во введении должен быть посвящен описанию новизны (п. 30 Положения о совете). Сравнительный анализ таких фрагментов работы, проверка того, появились ли среди положений, выносимых на защиту, новые (не являющиеся заимствованием из прежней работы), может осуществляться на стадии допуска к защите. К такому выводу позволяет прийти то обстоятельство, что проверка соблюдения п. 14 Положения, осуществляемая, в числе прочего, при решении вопроса о допуске (п. 18 Положения), может требовать сходного сравнения только с работами иных авторов.

Мы не принимаем оценку новизны работы в качестве универсального критерия исключительно из-за невозможности решения вопроса о ней на определенной стадии рассмотрения диссертации. Поэтому рационально, чтобы для других стадий новизна работы, представленной соискателем, утратившим право повторной защиты, оценивалась по сравнению не только с исследованиями иных авторов, но и с собственной предшествующей диссертацией и освещающими ее результаты публикациями соискателя.

---

¹ Этика научных публикаций и заявление о недобросовестности, представленные Российским юридическим журналом.

² Раздел «Заимствования и плагиат» сайта журнала «Russian Economic Bulletin» («Российский экономический вестник»).

* * *

Обобщая ранее сказанное, можно сформулировать следующие критерии, которые могут быть нормативно закреплены и применяться для отграничения новой диссертации от прежней работы соискателя. Прежде всего, необходимо определить:

- 1) долю совпадений с прежней работой в общем объеме текста;
- 2) долю самостоятельного текста (какую долю от фрагментов, не совпадающих с ранее представленной работой, составляет авторский текст, а какую – заимствования из источников, их пересказ);
- 3) в каких именно фрагментах работы и дополнительных материалах содержатся совпадения, есть ли они в заключении; положениях, выносимых на защиту; пункте о новизне; автореферате (если сверка осуществляется на стадиях, когда уже создан автореферат); статьях, в которых опубликованы основные научные результаты диссертации;
- 4) как соотносятся структуры прежней работы и вновь представленной диссертации;
- 5) наличие новой эмпирической базы;
- 6) наличие научной новизны по сравнению с прежней работой (для тех стадий, на которых предусмотрена ее оценка).

Вариант нормативного закрепления критериев. Как было установлено, практически все предложенные критерии нерационально закреплять в виде конкретных показателей, подлежащих механическому применению. Критериев, которые непременно требовали бы именно такого оформления, нами не выявлено. Поэтому нормативное закрепление названных критериев должно осуществляться не в виде жестких требований, а как определение круга вопросов, ответ на которые должен присутствовать в тех или иных документах¹.

В каких именно документах должно отражаться применение таких критериев, зависит от стадии, на которой решается вопрос о том, является ли работа новой. Ответ на этот вопрос влияет на саму возможность защиты диссертации (п. 34 Положения). То есть первоначально он должен быть решен еще до того, как работу примут к защите. Однако допуск работы к защите не исключает рассмотрение в дальнейшем фактов, служащих основанием для отказа в допуске (см. об этом, в частности, п. 34 Положения). Поэтому логично включить информацию о проверке того, может ли быть признана работа новой диссертацией, и в документы, составляемые в ходе рассмотрения допущенной к защите диссертации.

К документам, в требования к которым потенциально может быть включено применение предлагаемых критериев, относятся: отзыв научного руководителя (консультанта); заключение организации, где выполнялась диссертация; заключение комиссии диссовета; решение диссовета о приеме или об отказе в приеме диссертации к защите; отзывы на автореферат диссертации, отзывы ведущей организации и оппонентов, заключение диссовета.

---

¹ Эта идея уже высказывалась нами ранее, см.: (Кокотова 2020: 39).

Содержание *отзыва научного руководителя и отзывов на автореферат* не нормировано (подп. «з» п. 29 Положения о совете, п. 28 Положения), то есть в качестве общей модели выбрано сохранение свободы усмотрения авторов таких отзывов относительно перечня раскрываемых вопросов и применяемых при этом критериев. В принципе может быть выбран и иной вариант регулирования, но закрепление требования об оценке по предлагаемым критериям в качестве изъятия из этого общего режима было бы нелогично.

Также отсутствует подробная регламентация содержания *решения диссовета о принятии (отказе в принятии) диссертации к защите*. Установлено лишь, что это решение должно быть мотивировано и выносится на основе заключения комиссии диссовета, содержание которого регламентировано (п. 19 Положения, п. 31, 32 Положения о совете). С учетом этого логично закрепить требование о применении рассматриваемых критериев в заключении комиссии, предполагая, что в результате эти материалы станут основанием решения диссовета. Недостаток данного варианта – в том, что в отличие от решения диссовета о принятии (отказе в принятии) заключение комиссии не обязательно размещать в сети Интернет (п. 19 Положения, п. 32 Положения о Совете). То есть речь идет о проблеме открытости данных, но это общая модель, переосмысление которой не может осуществляться при решении частного вопроса.

Для прочих указанных документов нет препятствий к включению в них требования ответить на вопрос, является ли представленный текст новой диссертацией, применив предлагаемые критерии.

Перечень критериев, подлежащих применению при составлении каждого из документов, зависит от стадии, на которой составляется документ, а также от того, на решении какого рода вопросов документ специализируется.

В *заключении организации, где подготовлена диссертация*, выражается позиция такой организации по всем вопросам, относящимся к работе, включая оценку новизны (п. 16 Положения), поэтому перечень критериев отграничения новой диссертации от прежней работы можно включить в это заключение в полном объеме, за исключением только требования сверки автореферата, который представляется на рассмотрение позднее и на этой стадии отсутствует (подп. «е» п. 29 Положения о совете).

В *заключении комиссии диссовета*, которая готовит материалы для решения вопроса о допуске к защите, не предполагается оценка новизны диссертации (п. 18 Положения, п. 31 Положения о совете), поэтому можно требовать применения при его подготовке всех предлагаемых критериев, кроме ответа на вопрос о наличии научной новизны по сравнению с прежней работой соискателя.

Регламентация содержания *отзыва ведущей организации* ограничивается требованием отразить значимость полученных автором диссертации результатов для развития соответствующей отрасли науки и дать рекомендации по использованию результатов и выводов, приведенных в работе прикладного характера (п. 24 Положения). Кругу рассматриваемых в таком отзыве вопросов соответствует критерий наличия в представленной работе научной новизны по сравнению с предшествующей диссертацией со-

искателя. Сформулировав этот критерий в терминах п. 24 Положения, мы получим требование, согласно которому значимость полученных автором диссертации результатов должна оцениваться в сравнении с результатами, представленными в диссертации, право повторной защиты которой соискатель утратил. Это требование обеспечит также сверку тех фрагментов работ, в которых излагаются результаты исследования (заключение и т.д.), то есть применение еще одного из предложенных критериев.

Описание содержания *отзывов оппонентов* в п. 23 Положения в принципе сопоставимо с включением в них информации о сравнении работы с прежней диссертацией соискателя по всем предложенным критериям. Вместе с тем такое закрепление приведет к сильным различиям между отзывами оппонентов и отзывом ведущей организации. Хотя различие между ними уже заложено в действующем регламенте (достаточно сравнить п. 23 и п. 24 Положения), не представляется необходимым его усиливать. Поэтому стоит и для отзывов оппонентов закрепить сокращенную версию критериев, сопоставимую с предложенной для отзыва ведущей организации. С учетом особенностей п. 23, не только освещающего вопросы, на которые дается ответ, но и описывающего материалы, которые при этом анализируются, можно сформулировать критерий как требование осуществить оценку новизны научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, на основе сравнения с прежней диссертацией, право повторной защиты которой соискатель утратил, и с работами, опубликованными по теме такой диссертации.

Заключение диссовета отражает сформированную по итогам заседания позицию диссовета по всем вопросам, связанным с диссертацией, в том числе и по вопросам, предварительно решенным на стадии допуска к защите (п. 32 Положения). Следовательно, в него может быть включено обоснование с применением всех предлагаемых критериев решения диссовета о том, имеет ли место попытка повторной защиты прежней работы или представлена новая диссертация.

Отвечая на вопрос о том, *в какие именно пункты следует включить дополнения, посвященные предлагаемым критериям*, можно опираться на ранее перечисленные пункты Положения и Положения о совете, регулирующие содержание документов, которые должны отражать применение этих критериев. Требование о таком применении может включаться непосредственно после абзацев соответствующих пунктов, определяющих содержание этих документов.

Содержание заключения диссовета помимо упомянутого п. 32 Положения также закрепляется в виде рекомендованного шаблона документа (приложение № 4 к Положению о совете), но корректировка этого шаблона не вполне рациональна. Она приведет к тому, что шаблон будет перегружен пунктами, необходимыми лишь для части случаев, что снизит удобство его использования для тех, кто рассматривает работы иных категорий соискателей.

Описание критериев в нормах должно осуществляться в терминах и стилистике актов, в которые вносятся изменения (Положение, Положение

о совете), поэтому формулировки будут отличаться от приведенных нами ранее при перечислении критериев.

При описании критерия изменения темы обсуждалось, что он не может предлагаться в качестве универсального параметра, но его применение в необходимых случаях можно обеспечить, сделав перечень применяемых критериев открытым (см. ранее). Возможно, что при рассмотрении конкретной работы рационально применение еще каких-либо критериев помимо тех, что обсуждаются в настоящей статье. В связи с этим нормы должны включать оговорку о возможности применения и иных критериев (кроме случаев, когда набор разрешаемых в документе вопросов исходно ограничен, например как в отзыве ведущей организации).

Использование предлагаемых критериев необходимо, только если соискатель ранее утратил право повторной защиты диссертации. Поэтому поправки в нормы, определяющие содержание каждого из документов, помимо перечня критериев должны включать оговорку о случаях, в которых эти критерии применяются.

Объединение этих соображений об описании критериев при воплощении в конкретной норме может выглядеть следующим образом.

Дополнить п. 32 Положения абзацем 2 следующего содержания:

«Если соискатель ученой степени ранее утратил право повторной защиты диссертации в связи с несоблюдением требований, установленных пунктом 14 настоящего Положения, и (или) наличием в диссертации недостоверных сведений об опубликованных соискателем ученой степени работах, в которых изложены основные научные результаты диссертации, в заключении диссертационного совета также приводятся информация:

о результатах сравнения структуры; эмпирической базы; положений, выносимых на защиту; описания новизны во введении; заключения; автореферата представленной соискателем диссертации и той диссертации, право повторной защиты которой он утратил;

об итогах сравнения работ в рецензируемых научных изданиях, в которых опубликованы основные научные результаты диссертационных исследований;

о доле совпадений с диссертацией, право повторной защиты которой соискатель утратил, в общем объеме диссертации, с описанием того, как именно была осуществлена такая оценка;

о том, в каких именно фрагментах диссертации содержатся совпадения;

о доле заимствований материалов или отдельных результатов в общем объеме фрагментов работы, не имеющих совпадений с диссертацией, право повторной защиты которой соискатель утратил, с описанием того, как именно была осуществлена такая оценка;

о результатах оценки новизны представленной диссертации по сравнению с диссертацией, право повторной защиты которой соискатель утратил;

о результатах сопоставления представленной диссертации и диссертации, право повторной защиты которой соискатель утратил, по иным параметрам, если их сочтут необходимым их использовать».

Эта редакция сформулирована для заключения диссовета, но описания критериев в пунктах, посвященных заключениям организации, где подготовлена диссертация, и комиссии диссовета могут быть сходными. Содержание критериев в нормах об отзывах оппонентов и ведущей организации специфично, описание критериев в них должно основываться на формулировках, использованных ранее в рассуждении об этих документах.

Начальные строки предложенной редакции, описывающие случай, в котором должны применяться критерии, подходят для регламентации всех документов.

* * *

Предложенный вариант нормативного закрепления критериев является лишь одним из возможных. Он основан на особенностях действующего регулирования, при изменении которых может потребоваться и его модификация.

СПИСОК ПРОАНАЛИЗИРОВАННЫХ РЕСУРСОВ

Авторам // Журнал «Российское право: образование, практика, наука». URL: http://rp-journal.ru/?page_id=14 (дата обращения: 05.08.2019).

Авторские права // Historia provinciae – журнал региональной истории. URL: <http://hpchs.ru/avtoram/avtorskie-prava.php> (дата обращения: 05.07.2020).

База ретрагированных (отозванных от публикации) статей. URL: <https://rasep.ru/sovet-ro-etike/retracted-articles> (дата обращения: 18.01.2019).

Выписка № 7 из протокола № 2 заседания Диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете от 09.06.2014. URL: https://disser.spbu.ru/files/disser2/140/rezult/Alj-Baiti.Vupiska_o_neprijatij_k_zaschite..pdf (дата обращения: 05.08.2020).

Действующие советы. URL: https://vak.minobrnauki.gov.ru/dc#tab=_tab:dc~ (дата обращения: 05.08.2020).

Диссеропедия научных журналов. URL: <http://biblio.dissernet.org/> (дата обращения: 05.08.2019).

Диссертационный совет Д 002.002.01. URL: http://www.igpran.ru/obrazovanie/dissertatsionnye-sovety/index.php?ELEMENT_ID=2838 (дата обращения: 05.08.2020).

Диссертационный совет Д 170.003.03. URL: <https://rgup.ru/?mod=pages&id=50> (дата обращения: 05.08.2020).

Диссертационный совет Д 203.017.02. URL: https://xn--d1alsn.xn--b1aew.xn--p1ai/Nauka/Dissovety/Dissertacionnij_sovet_D203.017.02 (дата обращения: 05.08.2020).

Диссертационный совет Д 212.123.05. URL: <https://www.msal.ru/content/ob-universitete/sovety/dissertatsionnye-sovety/> (дата обращения: 05.08.2020).

Диссертационный совет Д 229.001.01. URL: <https://rpa-mu.ru/razvitie/dissertatsionnye-sovety/dis-sovet-01> (дата обращения: 05.08.2020).

Диссертационный совет Д 999.017.03. URL: <https://www.herzen.spb.ru/aspirantura/> (дата обращения: 05.08.2020).

Заемствования и плагиат // «Russian Economic Bulletin» («Российский экономический вестник»). URL: <http://dgpu-journals.ru/borrowing-and-plagiarism> (дата обращения: 09.07.2020).

Из баз данных отозваны дублирующие публикации // Финансы: теория и практика. 2018. Т. 22, № 4 (106). С. 171. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35451315> (дата обращения: 02.07.2020).

Издательская этика // Журнал «IBEROAMÉRICA». URL: <https://iberoamericajournal.ru/izdatelskaya-etika.html> (дата обращения: 29.06.2020).

Издательская этика // Уголовная юстиция. URL: http://journals.tsu.ru/crimjust/&journal_page=text&pageid=630 (дата обращения 04.07.2020).

Объявление о ретракции статьи: Сюков В.В., Захаров В.Г., Менибаев А.И. Экологическая селекция растений: типы и практика. Вавиловский журнал генетики и селекции. 2017. Т. 21, № 5. С. 534-536 // База ретрагированных (отозванных от публикации) статей. URL: <https://rasep.ru/sovet-po-etike/retracted-articles> (дата обращения: 18.01.2019).

Отзыв публикаций // Интеграция образования. 2017. Т. 21. № 2 (87). С. 345. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29222041> (дата обращения: 16.07.2020).

Отзыв публикации // Интеграция образования. 2017. Т. 21. № 3 (88). С. 563. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30031200> (дата обращения: 16.07.2020).

Отзыв публикаций // Интеграция образования. 2017. Т. 21. № 3 (88). С. 565. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30031200> (дата обращения: 16.07.2020).

Отзыв публикации: руководство для редакторов. URL: <https://rasep.ru/sovet-po-etike/kodeksy-i-knigi/138-otzyv-publikatsii-rukovodstvo-dlya-redaktorov> (дата обращения: 02.08.2020);

Почему таблица экспертизы раскрашена в такие цвета?. URL: <https://www.dissernet.org/faq/> (дата обращения: 09.07.2020).

Правила для авторов // Вестник Сургутского государственного университета. URL: <https://surguest.elpub.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines> (дата обращения: 28.06.2020).

Публикационная этика // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. URL: <https://vestnik-mgou.ru/Series/Philosophy#p7> (дата обращения: 28.06.2020).

Публикационная этика журнала «Вестник Современной Клинической Медицины». URL: <http://vskmjjournal.org/ru/etika.html> (дата обращения: 09.07.2020).

Редакционная этика журнала // Известия вузов. Электромеханика. URL: <http://electromeh.npi-tu.ru/ru/publication-ethics-of-a-journal> (дата обращения: 28.06.2020).

Редакционное сообщение – отзыв публикаций // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10, № 2-1. С. 159. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35006714> (дата обращения: 23.01.2019).

Сообщение об отзыве публикации: Бочкарева Е.А. Налоговая ответственность банков за неисполнение решений налоговых органов: законодательное регулирование и правоприменительная практика // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России 2019. № 3. С. 87-94. URL: <http://rasep.ru/retracted/> (дата обращения: 15.07.2020).

Сообщение об отзыве публикации: Горбанёв В.А., Кочуров Б.И. Районирование территории Российской Федерации: внутренние и международные аспекты // Проблемы региональной экологии. 2018. № 3. С. 96-111. URL: <http://rasep.ru/retracted/> (дата обращения: 16.07.2020).

Сообщение об отзыве публикации: Попова Н.В. Использование оценочной технологии обучения в процессе подготовки специалистов педагогического вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59. С. 293-296. URL: <http://rasep.ru/retracted/> (дата обращения: 16.07.2020).

Требования к рукописям, направляемым в журнал «Современные технологии в медицине». URL: <http://www.stm-journal.ru/ru/requirements-for-manuscripts/> (дата обращения: 28.06.2020).

Экспертиза статьи Лопатина А.Б. Механизмы самовосстановления организма. URL: http://wiki.dissernet.org/wsave/Mezhdunarodnyi_nauch_issled_journal_2016_11_6publ.html (дата обращения: 08.07.2020).

Этика научно-методического журнала «Образование личности». URL: <http://www.ol-journal.ru/etika-zhurnala.html> (дата обращения: 28.06.2020).

Этика научных публикаций // Вестник Сургутского государственного университета. URL: <https://surguvest.elpub.ru/jour/about/editorialPolicies#custom-1> (дата обращения: 28.06.2020).

Этика научных публикаций и заявление о недобросовестности // Российский юридический журнал. URL: <http://www.ruzh.org/?q=node/287> (дата обращения: 02.08.2020).

Этика публикаций // Вавиловский журнал генетики и селекции. URL: <https://vavilov.elpub.ru/jour/about/editorialPolicies#custom-1> (дата обращения: 01.07.2020).

Этические нормы // Научно-технический журнал «Авиационные материалы и технологии». URL: http://www.journal.viam.ru/index.php?mode=text&text_id=9 (дата обращения: 02.08.2020).

eTXTПроверка уникальности. URL: <https://www.etxt.ru/subscribes/etxt-antiplagiat/> (дата обращения: 04.08.2020).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аль-Баити М.А.А. 2019. Вина в структуре субъективной стороны преступления по уголовному праву Республики Йемен: проблемы и их решение : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 174 с. URL: <https://www.usla.ru/science/dissovet/info-dissert.php?dissovvet=3&dissert=460&ann> (дата обращения: 24.08.2019).

Аль-Баити М.А.А. 2014. Проблемы субъективных признаков состава преступления по мусульманскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 159 с. URL: https://disser.spbu.ru/disser2/disser/al_baiti_diss.pdf (дата обращения: 24.08.2019).

Веретенникова К.В. 2019. Градостроительное планирование приаэропортовых территорий крупнейших городов России (на примере Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска). Т. 1 : дис. ... канд. архитектуры. Санкт-Петербург. 178 с. URL: <http://dis.spbgasu.ru/specialtys/personal/veretennikova-kseniya-vadimovna> (дата обращения: 25.07.2020).

Гаврилов Е.К. 2019. К вопросу о самоплагиате в произведениях науки // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. № 10. С. 49–54.

Ионова С.В. 2013. Традиционные и новые формы лингвистической вторичности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. № 3 (19). С. 27–33.

Исланова И.В. 2019. Культурно-исторические процессы во II – VIII вв. н.э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты : дис. ... д-ра ист. наук. Москва. 338 с. URL: https://www.archaeolog.ru/ru/dissertation-council#Islanova_1 (дата обращения: 25.07.2020).

Кириллова О.В. (ред.) 2017. Методические рекомендации по подготовке и оформлению научных статей в журналах, индексируемых в международных наукометрических базах данных / под общ. ред. О.В. Кирилловой ; Ассоциация научных редакторов и издателей. Москва. 144 с. URL: <https://rasep.ru/images/materials/%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D1%8B-%D0%B5-%D0%BD%D0%B0%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82%20%D0%90%D0%9D%D0%A0%D0%98.pdf> (дата обращения: 29.06.2020).

Кляйнерт С., Уэйджер Э. 2011. Ответственный подход к публикации научно-исследовательских работ: международные стандарты для редакторов. Положение, разработанные на Второй Всемирной конференции по вопросам соблюдения

целостности научных исследований. URL: <https://rasep.ru/soveto-po-etike/kodeksy-i-knigi/137-otvetstvennyj-podkhod-k-publikatsii-nauchno-issledovatel'skikh-rabot-mezhdunarodnye-standarty-dlya-redaktorov-2> (дата обращения: 02.08.2020).

Кокотова Д.А. 2020. Криминологическая экспертиза пунктов 19, 34, 38, 51.1 Положения «О присуждении ученых степеней» // Российское право: образование, практика, наука. № 1. С. 35-41. DOI 10.3476/2410-2709-2020-1-35-41

Кристи Н. 2014. Плотность общества. Санкт-Петербург : Алетейя. 152 с.

Кулешова А.В., Подвойский Д.Г. 2018. Парадоксы публикационной активности в поле современной российской науки: генезис, диагноз, тренды // Мониторинг общественного мнения. № 4 (146). С. 169-210. DOI 10.14515/monitoring.2018.4.10

Кулешова А.В., Чехович Ю.В., Бельская О.С. 2019. По лезвию бритвы: как самоцитирование не превратить в самоплагиат // Научный редактор и издатель. Т. 4, № 1-2. С. 45-51. DOI 10.24069/2542-0267-2019-1-2-45-51

Куликова Е.Ю. 2016. Краденая наука: почему плагиат и самоплагиат неприемлемы // Вестник Российского государственного медицинского университета. № 6. С. 50-53.

Сайгитов Р.Т. 2017. Заимствования собственных текстов (самоплагиат) в рукописях, представленных на рассмотрение в научный журнал: рекомендации по формулированию редакционной политики // Вопросы современной педиатрии. Т. 16, № 4. С. 270-272. DOI 10.15690/vsp.v16i4.1772

Силаева В.Л. (ред.) 2017. Руководство по работе с повторным использованием (автоплагиатом) / материал подгот. В.Л. Силаева // Научный редактор и издатель. Т. 2, № 2-4. С. 113-115.

Супонина Е.А. 2017. Накручивание индекса цитирования как одно из проявлений академической недобросовестности (на примере образовательных организаций МВД России) // Синергия. № 6. С. 50-58.

Супонина Е.А., Долгих И.П. 2019. Осторожно: академическое мошенничество! // Скиф : Вопросы студенческой науки. № 11 (39). С. 294-297.

Чехович Ю. 2018. Самоцитирования – корректные и некорректные // Университетская книга. URL: http://www.unkniga.ru/innovation/tehnology/8997-samcitirovaniya-korrektnye-i-nekorrektnye.html?fbclid=IwAR1WLx7gKj7YkCNWSP7FK2f87GgU_vYkCE9JMndMly3fvDpSMt73M8FdVAw (дата обращения: 18.01.2019).

Швейкин А.И. 2019. Многоуровневые модели для описания пластического и сверхпластического деформирования поликристаллических металлов и сплавов : дис. ... д-ра физико-мат. наук. Пермь. 302 с. URL: <https://www.icmm.ru/novosti/novosti-dissovet/847-zashchita-dissertatsii-shvejkina-a-i-na-soiskanie-uchenoj-stepeni-d-f-m-n> (дата обращения: 25.07.2020).

Постановление Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/70461216/> (дата обращения: 05.08.2020).

Приказ Министерства образования и науки РФ от 10 ноября 2017 г. № 1093 «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71725906/> (дата обращения: 05.08.2020).

Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 7.0.11-2011 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Диссертация и автореферат диссертации. Структура и правила оформления» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 13 декабря 2011 г. № 811-ст). Акт не был официально опубликован. URL: http://www.diss.rsl.ru/datadocs/doc_291ta.pdf (дата обращения 30.07.2020).

Darya A. Kokotova, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: darya.kokotova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9455-5864

ResearcherID: AAS-2087-2020

SPIN-код: 8177-7502

Article received 16.08.2020, accepted 17.09.2020, available online 05.10.2020

Differentiation criteria of new dissertation from the same dissertation which cannot be defended repeatedly (the variant of normative regulation)

Abstract. This article is devoted to close such gap in law. The consequences of violation of paragraph 14 of the Regulations on awarding scientific degrees and (or) submission of false information about publications is deprivation of right to defend a dissertation repeatedly (also if such dissertation has been changed). However, we have no differentiation criteria (is this a new dissertation or the same dissertation, which cannot be defended repeatedly). For finding such criteria the author analyzes criteria used (or proposed to be used) by scientific journals to find duplicate-publication (including analysis of manuscript conditions on scientific journals, websites, practice of retraction of scientific articles, expertise presented by Dissernet). The author proposes to use such differentiation criteria: 1) proportion of reproduction of previous dissertation; 2) proportion of original text in the part of dissertation, which is not same as previous dissertation; 3) which parts are the same in previous dissertation, if some elements are the same, specifically in: conclusion; defended positions; description of scientific novelty; abstract of dissertation; articles in peer-reviewed scientific journals where main scientific results of dissertation are published; 4) comparison of the structure of dissertations; 5) new empirical basis; 6) scientific novelty of dissertation in comparison with previous dissertation. The author notes that is possible to use other criteria. It is proposed to utilize different criteria depending on the stage of process of defense of dissertation, and the competence of a person who is authorized to decide if it is a new dissertation. Also, as a result of the analysis of possible variant of criteria normative regulation, the author proposes variant of amendments of legal acts, which regulate dissertation requirements and process of defense of dissertation.

Keywords: new dissertation; same dissertation; differentiation criteria; deprivation of right to defend a dissertation repeatedly; self-plagiarism.

For citation: Kokotova D.A. *Kriterii otgranicheniya novoy dissertatsii ot prezhney raboty, pravo zashchity kotoroy soiskatel' utratil (variant normativnogo zakrepleniya)* [Differentiation criteria of new dissertation from the same dissertation which cannot be defended repeatedly (the variant of normative regulation)], *Antinomii=Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 88–111. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10305. (in Russ.).

References

Al-Baiti M.A.A. *Problemy sub»ektivnykh priznakov sostava prestupleniya po musul'manskomu ugovnomu pravu : dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of subjective signs of corpus delicti according Muslim Criminal Law: Dissertation], Yekaterinburg, 2014, 159 p., available at: https://disser.spbu.ru/disser2/disser/al_baiti_diss.pdf (accessed August 24, 2019). (in Russ.).

Al-Baiti M.A.A. *Vina v strukture subektivnoy storony prestupleniya po ugovnomu pravu Respubliki Yemen: problemy i ikh reshenie : dis. ... kand. jurid. nauk* [Guilt as element of subjective side of corpus delicti according criminal law of Republic of Yemen: problems and it decision: Dissertation], Yekaterinburg, 2019, 174 p., available at: <https://www.usla.ru/science/dissosvet/info-dissert.php?dissovet=3&dissert=460&ann> (accessed August 24, 2019). (in Russ.).

Chekhovich Yu. *Samotsitirovaniya – korrektnye i nekorrektnye* [Self-citations – correct and incorrect], *Universitetskaya kniga*, 2018, available at: http://www.unkniga.ru/innovation/tehnology/8997-samcitirovaniya-korrektnye-i-nekorrektnye.html?fbclid=IwAR1WLx7gKj7YkCNWSP7FK2f87GgU_vYkCE9JMndMLy3fvDpSMt73M8FdVAw (accessed January 18, 2019). (in Russ.).

Christie N. *Plotnost' obshchestva* [Density of society], St.-Petersburg, Aleteyya, 2014, 152 p. (in Russ.).

Gavrilov E.K. *K voprosu o samoplagiatsii v proizvedeniyakh nauki* [On self-plagiarism in works of science], *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*, 2019, no. 10, pp. 49-54. (in Russ.).

Ionova S.V. *Traditsionnye i novye formy lingvisticheskoy vtorichnosti* [Traditional and new forms of secondary categories in linguistics], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, 2013, no. 3 (19), pp. 27-33. (in Russ.).

Islanova I.V. *Kul'turno-istoricheskie protsessy vo II – VIII vv. n.e. v basseynakh Verkhney Volgi i Verkhney Msty : dis. ... d-ra ist. nauk* [Cultural and historical processes in 2-8th cc. AD in the Upper Volga and Upper Msta river basins: Dissertation], Moscow, 2019, 338 p., available at: https://www.archaeolog.ru/ru/dissertation-council#Islanova_1 (accessed July 25, 2020). (in Russ.).

Kirilova O.V. (ed.) *Metodicheskie rekomendatsii po podgotovke i oformleniyu nauchnykh statey v zhurnalakh, indeksiruemyykh v mezhdunarodnykh naukometricheskikh bazakh dannykh* [Methodical guidance on writing of articles in journals covered by international scientometric databases], Moscow, 2017, 144 p., available at: <https://rasep.ru/images/materials/%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D1%8B-%D0%B5-%D0%BD%D0%B0%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82%20%D0%90%D0%9D%D0%A0%D0%98.pdf> (accessed June 29, 2020). (in Russ.).

Kleinert S., Wager E. *Otvetsvennyy podkhod k publikatsii nauchno-issledovatel'skikh rabot: mezhdunarodnye standarty dlya redaktorov. Polozheniya, razrabotannyye na Vtoroy Vsemirnoy konferentsii po voprosam soblyudeniya tselostnosti nauchnykh issledovaniy* [Responsible research publication: international standards for editors. A position statement developed at the 2nd World Conference on Research Integrity, Singapore, July 22-24, 2010], 2011, available at: <https://rasep.ru/soviet-po-etike/kodeksy-i-knigi/137-otvetstvennyj-podkhod-k-publikatsii-nauchno-issledovatel'skikh-rabot-mezhdunarodnye-standarty-dlya-redaktorov-2> (accessed August 02, 2020). (in Russ.).

Kokotova D.A. *Kriminologicheskaya ekspertiza punktov 19, 34, 38, 51.1 Polozheniya «O prisuzhdenii uchenykh stepeney»* [Criminological expertise of paragraphs 19, 34, 38, 51.1 of the Regulations “On Awarding Scientific Degrees”], *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2020, no. 1, pp. 35-41, DOI 10.3476/2410-2709-2020-1-35-41 (in Russ.).

Kuleshova A.V., Chekhovich Yu.V., Belenkaya O.S. *Po lezviyu britvy: kak samotsitirovanie ne prevratit' v samoplagiatsii* [Walking the razor's edge: how to avoid self-plagiarism when you recycle your texts], *Nauchnyy redaktor i izdatel'*, 2019, vol. 4, no. 1-2, pp. 45-51, DOI 10.24069/2542-0267-2019-1-2-45-51. (in Russ.).

Kuleshova A.V., Podvoyskiy D.G. *Paradoksy publikatsionnoy aktivnosti v pole sovremennoy rossiyskoy nauki: genesis, diaznoz, trendy* [Paradoxes of Publication Activity in the Field of Contemporary Russian Science: Genesis, Diagnosis, Trends], *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, 2018, no. 4 (146), pp. 169-210, DOI 10.14515/monitoring.2018.4.10 (in Russ.).

Kulikova E.Yu. *Kradenaya nauka: pochemu plagiat i samoplagiat nepriemly* [Stolen science: why plagiarism and self-plagiarism are unacceptable], *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*, 2016, no. 6, pp. 50-53. (in Russ.).

Natsional'nyy standart Rossiyskoy Federatsii GOST R 7.0.11-2011 «Sistema standartov po informatsii, biblioteknomu i izdatel'skomu delu. Dissertatsiya i avtoreferat dissertatsii. Struktura i pravila oformleniya» (utv. prikazom Federal'nogo agentstva po tekhnicheskomu regulirovaniyu i metrologii ot 13 dekabrya 2011 g. № 811-st). *Akt ne byl ofitsial'no opublikovan* [System of standards on information, librarianship and publishing. Dissertation and dissertation abstract. Structure and rules of presentation GOST R 7.0.11-2011 (enacted by Federal Agency on Technical Regulating and Metrology 13.12.2011. № 811-st). Order are not promulgated officially], available at: http://www.diss.rsl.ru/datadocs/doc_291ta.pdf (accessed July 30, 2020). (in Russ.).

Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 24 sentyabrya 2013 g. № 842 «O poryadke prisuzhdeniya uchenykh stepeney» (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Decision of The Russian Government 24.09.2013 № 842 “On a procedure of awarding Scientific Degrees” (with amendments)], available at: <https://base.garant.ru/70461216/> (accessed August 05, 2020). (in Russ.).

Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii ot 10 noyabrya 2017 g. № 1093 «Ob utverzhdenii Polozheniya o sovete po zashchite dissertatsiy na soiskanie uchenoy stepeni kandidata nauk, na soiskanie uchenoy stepeni doktora nauk» [Directive of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation 10.11.2017 № 1093 “On adoption of Regulations on a Council on dissertation for the research candidate of science degrees, doctoral degrees”], available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71725906/> (accessed August 05, 2020). (in Russ.).

Saygıtov R.T. *Zaimstvovaniya sobstvennykh tekstov (samoplagiat) v rukopisyakh, predstavlennykh na rassmotrenie v nauchnyy zhurnal: rekomendatsii po formulirovaniyu redaktsionnoy politiki* [Self-plagiarism in manuscripts submitted to a scientific journal: recommendations on formulation of the editorial policy], *Voprosy sovremennoy pediatrii*, 2017, vol. 16, no. 4, pp. 270-272, DOI 10.15690/vsp.v16i4.1772 (in Russ.).

Shveykin A.I. *Mnogourovnevnye modeli dlya opisaniya plasticheskogo i sverkhplasticheskogo deformirovaniya polikristallicheskiykh metallov i splavov : dis. ... d-ra fiziko-mat. nauk* [Multilevel models for the description of plastic and superplastic deformation of polycrystalline metals and alloys: Dissertation], Perm, 2019, 302 p., available at: <https://www.icmm.ru/novosti/novosti-dissoвета/847-zashchita-dissertatsii-shvejkina-a-i-na-soiskanie-uchenoj-stepeni-d-f-m-n> (accessed July 25, 2020). (in Russ.).

Silaeva V.L. (ed.) *Rukovodstvo po rabote s povtornym ispol'zovaniem (avtoplagiatom)* [Text recycling guidelines], *Nauchnyy redaktor i izdatel'*, 2017, vol. 2, no. 2-4, pp. 113-115. (in Russ.).

Suponina E.A. *Nakruchivanie indeksa tsitirovaniya kak odno iz proyavleniy akademicheskoy nedobrosovestnosti (na primere obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii)* [Artificial increase of the citation index as one of manifestations of academic dishonesty (for example, educational institutions of the mia of Russia)], *Sinerhiya*, 2017, no. 6, pp. 50-58. (in Russ.).

Suponina E.A., Dolgikh I.P. *Ostorozhno: akademicheskoe moshennichestvo!* [Caution: academic fraud!], *Skif : Voprosy studencheskoy nauki*, 2019, no. 11 (39), pp. 294-297. (in Russ.).

Veretennikova K.V. *Gradostroitel'noe planirovaniye pri aeroportovykh territoriy krupneyshikh gorodov Rossii (na primere Sankt-Peterburga, Ekaterinburga, Novosibirska). T. 1 : dis. ... kand. arkhitektury* [Urban planning of the Russian largest cities airport environs (using the example of the Saint-Petersburg, Yekaterinburg, Novosibirsk): Dissertation. Vol. 1], St.-Petersburg, 2019, 178 p., available at: <http://dis.spbgasu.ru/specialtys/personal/veretennikova-kseniya-vadimovna> (accessed July 25, 2020). (in Russ.).

Требования к авторам

1. Автор отправляет на редакционную почту admin@instlaw.uran.ru рукопись статьи в электронном варианте в формате .doc.

2. Статьи должны соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука, право. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском языке.

3. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.

4. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование: имена автора и рецензентов не раскрываются друг другу. К рецензированию привлекаются как члены редакционной коллегии и международного редакционного совета, так и внешние эксперты – специалисты по проблематике представленной статьи. Если мнения двух рецензентов принципиально расходятся, редакция привлекает третьего рецензента или принимает решение самостоятельно. Срок рассмотрения статей – не более 2-х месяцев с момента поступления рукописи в редакцию.

5. По результатам рецензирования статья может быть принята к печати, направлена автору на доработку или отклонена. В случае принятия к печати статья пополняет редакционный портфель, из материалов которого редколлегия комплектует ближайшие номера журнала.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет. Редакция направляет авторам рукописей отзывы рецензентов или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и образования Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

7. Рекомендуемый объем статьи – 40–60 тысяч знаков (с пробелами). Шрифт (гарнитура) Times New Roman, 14 кегль, 1,5 интервала, текст должен быть отформатирован по ширине без переносов, абзацный отступ – 1 см, левое поле – 3 см, правое поле – 1,5 см, верхнее и нижнее поля – 2 см. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант («»). Тире обозначается символом «–» (среднее тире); дефис «-».

8. Все иллюстрации, графики, таблицы и рисунки должны иметь последовательную нумерацию, название; быть включены как в основной файл статьи, так и представлены отдельными файлами.

9. Название статьи форматируется по центру, выделяется полужирным шрифтом, 14 кеглем, все буквы прописные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень и звание, занимаемая

должность, место работы, электронная почта. В левом верхнем углу указывается код УДК.

После названия приводится аннотация статьи, раскрывающая ее гипотезу, основные положения и выводы. Объем аннотации не менее 2000 знаков с пробелами. После аннотации статьи приводится список ключевых слов (5–10).

10. Внутритекстовые ссылки оформляются в круглых скобках, в которых указываются фамилия (фамилии) автора или составителя (главного или ответственного редактора), или основное заглавие (если авторство нельзя установить), далее через пробел указывается год издания, затем через двоеточие – страницы цитаты, либо статьи правового акта, на который ссылается автор. Например: (Булгаков 1994: 203-204).

11. Библиографический список представлен двумя блоками – Списком литературы и References.

В Списке литературы указываются научные источники, первоначально авторские работы на русском языке в алфавитном порядке, затем источники на иностранных языках. При наличии нескольких источников одного автора, вышедших в одном календарном году, данная группа записей располагается по алфавиту заглавий, а к цифровому обозначению года добавляются строчные буквы латинского алфавита – a, b, c, d, что отражается и во внутритекстовых ссылках.

References – список литературы, где источники на кириллице даны в транслитерации и в переводе на английский язык (фамилия автора, название журнала, сборника – в транслитерации; заглавие монографии или статьи, место издания – в переводе), английские источники приводятся без изменений. Источники на иных языках также даются в переводе на английский язык. Весь массив записей располагается в алфавитном порядке.

При ссылке на книги указывается количество страниц в книге. При ссылке на статью указывается диапазон страниц (например: С. 13-29).

12. К статье должны быть приложены переводы на английский язык: имени и фамилии автора; должности и места работы; контактной информации; названия статьи; аннотации и ключевых слов.

13. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.

14. К представленной в редакцию рукописи автор прилагает письменное согласие на размещение опубликованной в журнале статьи в электронных базах данных; письменное согласие на опубликование персональных данных.

Более подробно с требованиями к авторам и примерами оформления рукописей можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://yearbook.uran.ru/avtoram/trebovaniya-k-statiam>

Manuscript conditions

1. Manuscript in doc. format should be sent to the editorial board's email admin@instlaw.uran.ru.

2. Manuscript submitted to the Journal should relate to Journal's subject areas, which include philosophy, political science and law.

3. Previously published papers are unacceptable.

Manuscripts should be submitted in Russian only.

4. If the paper doesn't comply with the subject-matter of the Journal or formal requirements it excludes from further consideration, the author is notified about it.

5. Every manuscript submitted to the Journal is a subject for double-blind review, which means that the identities of reviewers are concealed from the author, and vice versa. Reviewers are experts in the same subject area as the paper submitted. The paper is assigned for reviewing to experts, who are members of the editorial board or the international editorial council, as well as to independent experts. If the first reviewer accepts the paper, while the second reviewer rejects it, the paper will be passed for evaluation to the third reviewer or the decision on acceptance or rejection will be made by the editorial board itself. The procedure for review and approval of papers takes no more than two months.

After reviewing the article may be accepted for publication, sent to the author for revision or rejected. If accepted for publication the paper is placed in the portfolio of editorial board for further publication.

6. The editorial board retains reviews during 5 years. If needed, the editorial board sends reviews or notes of reasoned refusal to the authors. If requested, the editorial board sends copies of reviews to the Ministry of science and education of the Russian Federation.

7. The Journal normally publishes papers between 40000 and 60000 characters in length (with spaces). The texts should be typed using Times New Roman, font size 14, 1.5 spaced, justified alignment, 1 cm. paragraph indentation, 3 cm. left margin, 1,5 cm. right margin, 2 cm. top and foot margins. French quotation marks «», dash «-», hyphen « - » should be used in the text.

8. Illustrations, diagrams and tables should be numbered and named. Illustrations, diagrams and tables should be both placed within the text of the manuscript and provided in a separate file.

9. Titles of papers should be centered, capitalized, semi-bold and typed using Times New Roman, font size 14. The author's personal data (full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail) should be placed in the top-right corner above the title of the manuscript. UDC, if possible, should be placed in the top-left corner of the manuscript.

The abstract should be placed below the paper's title and be no less than 2 000 characters (with spaces). It should summarize the hypothesis and key results presented in the paper. From 5 to 10 keywords are also required.

10. References should be placed within the text in round brackets ( ). In-text references should include the author's last name or the editor's last name, or the title of the source (for sources with no author named), as well as the year of publication and page reference (or article of the normative legal act). Example: (Jameson 2009: 167).

11. After-text bibliography includes the List of sources and References.

The List of sources should be composed alphabetically. It should be organized in the following order: sources in Russian (books and articles); sources in foreign languages (books and articles). If there are two or more sources by the same author in the same year, lower-case letters (a, b, c, d) with the year should be used. The lower-case letters with the year should be added to the in-text references as well.

References is the List of sources which should be transliterated and translated into English (author's last name, title of the journal or collection should be transliterated; title of the monograph or article, and the place of publication should be translated into English). Titles in other languages should be translated into English as well. List of References should be alphabetized.

Description of books and articles listed in after-text bibliography should contain number of pages, while description of articles should contain page ranges. Example: P. 13-29.

12. The author should also submit a separate file containing the following information in English: full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail, as well as title of the paper, abstract and keywords.

13. Publication of accepted papers is free of charge. Honorarium is not paid to the author.

14. In addition to the manuscript, the author provides written consent to display published paper in the electronic databases, as well as written consent to make public his/her personal data.

More detailed information for authors as well as samples of papers, abstracts et al. are provided at the Journal's website: <http://yearbook.uran.ru/en/for-authors/accepted-papers>

Научное издание

АНТИНОМИИ

Том 20

Выпуск 3

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственные за выпуск
В.С. Мартьянов, В.В. Руденко

Редактор *Н.М. Юркова*
Корректор *Е.М. Олову*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовского*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать 06.07.2020 г. Формат 70x100/16
Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 8,4 Уч.-изд. л. 13,6
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт философии и права УрО РАН
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134.